

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА**

Том 16 № 1 (2019)

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-1

<http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>

Научный журнал

Издается с 2003 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61178 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ЭТНОПСИХОЛОГИЯ

Хотинец В.Ю., Кожевникова О.В., Вяткин Б.А., Вологодина В.А. Ценностные предикторы особенностей взаимодействия родителей с детьми в финно-угорских и русских семьях..... 7

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

Еремина Д.А., Сидоровская Ю.М. Концепция когнитивного резерва в контексте изучения ишемической болезни сердца: современные представления и перспективы научных исследований 20

Ельникова О.Е., Меренкова В.С. Соотношение сенсомоторной интеграции и тормозных процессов с особенностями внутренней позиции личности больного 39

Гаус Э.В., Проненко Е.А., Васильева О.С. Мишени психологической работы с людьми, имеющими высокий уровень алекситимии..... 55

Ситкина Е.В., Трегубенко И.А., Беляева Е.А., Исаева Е.Р. Особенности отношения к стоматологическому лечению и здоровью у лиц с медицинским и немедицинским образованием 71

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Rossikhina O.G., Ermakova P.V., Aleshchenko O.A. Analysis of the English Language Needs of Students at the Russian Technological University (Анализ потребности в изучении английского языка у студентов российского технологического университета) 88

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Novikova I.A., Tarkhova V.S., Kardashova S.Z., Kharitonenko A.A. First and Only Russian Psi Chi Chapter: 5 years at the RUDN University! (Первое и единственное в России отделение Международного психологического общества почета Psi Chi: 5 лет в РУДН!) 101

КОНФЕРЕНЦИИ

Анхбаяр Т. Третья Всемирная конференция «Современные вопросы психологии: научно-практические исследования» 110

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Кудинов Сергей Иванович, доктор психологических наук, профессор, действительный член МАНПО, заведующий кафедрой социальной и дифференциальной психологии филологического факультета РУДН (Москва, Россия)

Почетный редактор

Григоренко Елена Леонидовна, доктор психологических наук, Ph.D., выдающийся профессор департамента психологии Хьюстонского университета, профессор-исследователь департамента педиатрии, молекулярной генетики и генетики человека Бейлорского медицинского колледжа (Хьюстон, США); профессор Центра детских исследований Йельского университета, старший научный сотрудник лаборатории Хаскинс (Йель, США)

Ответственный секретарь

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой социальной и дифференциальной психологии РУДН, член-корреспондент МАНПО (Москва, Россия)

Члены редакционной коллегии

Барбот Баптисте, Ph.D., профессор психологии Эйвис Университета (Нью-Йорк, США)

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета (Москва, Россия)

Джарвин Линда, Ph.D., профессор психологии Парижского колледжа искусств (Париж, Франция)

Крупнов Александр Иванович, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной и дифференциальной психологии филологического факультета РУДН, заслуженный работник высшей школы РФ, действительный член МАНПО (Москва, Россия)

Кючуков Христо, доктор педагогических наук, Ph.D., профессор Университета Силезии в Катовице (Катовице, Польша)

Нью Вилльям, Ph.D., профессор, профессор и глава департамента образования и исследований молодежи Колледжа Белойта (Белойт, США)

Оздорска-Мазур Ева, Ph.D. in Education, профессор, профессор факультета этнологии и образовательных наук Университета Силезии в Катовице (Катовице, Польша)

Раицкая Лилия Климентовна, доктор педагогических наук, кандидат экономических наук, советник ректора МГИМО МИД России, профессор кафедры педагогики и психологии МГИМО МИД России (Москва, Россия)

Рич Грант, Ph.D., профессор психологии, психотерапевт (Джуно, Аляска, США)

Стоишич Лазар, Ph.D., профессор Колледжа академических исследований «Досидеж» (Белград, Сербия)

Такушьян Гарольд, Ph.D., профессор психологии и руководитель программы по организационной психологии Университета Фордхем (Нью-Йорк, США)

Тарноу Юджин, Ph.D., научный сотрудник «Авалон Бизнес Систем» (Фэйр Лоун, Нью-Джерси, США)

Хархурин Анатолий Владимирович, Ph.D., профессор психологии Американского университета Шарджи (Шарджа, Объединенные Арабские Эмираты)

Шейнов Виктор Павлович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства Республиканского института высшей школы (Минск, Беларусь)

Редактор *Ю.А. Заикина*

Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии серии «Психология и педагогика»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 778-38-07, доб. 12-67; e-mail: psyj@rudn.university

Подписано в печать 11.03.2019. Выход в свет 25.03.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 9,68. Тираж 500 экз. Заказ № 18. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

VOLUME 16 NUMBER 1 (2019)

<http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-1

Founded in 2003

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

CONTENTS

SOCIAL AND CROSS-CULTURAL PSYCHOLOGY

- Khotinets V.Yu., Kozhevnikova O.V., Vyatkin B.A., Vologdina V.A.** Values as Predictors of Parent — Child Interaction Specifics in Finno-Ugric and Russian Families 7

CLINICAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOPHYSIOLOGY

- Eremina D.A., Sidorovskaya Yu.M.** Concept of Cognitive Reserve in Context of Studying Coronary Heart Disease: Modern Views and Prospects of Scientific Research..... 20
- Elnikova O.E., Merenkova V.S.** Relations of Sensorimotor Integration and Inhibitory Processes with Internal Position of Patient's Personality 39
- Gaus E.V., Pronenko E.A., Vasilyeva O.S.** Targets of Psychological Work for High Alexithymia People..... 55
- Sitkina E.V., Tregubenko I.A., Belyaeva E.A., Isaeva E.R.** Attitude toward Dental Health and Treatment in Patients with Medical and Non-Medical Education 71

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL PROBLEMS OF EDUCATION

- Rossikhina O.G., Ermakova P.V., Aleshchenko O.A.** Analysis of the English Language Needs of Students at the Russian Technological University..... 88

CROSS-NATIONAL SCIENTIFIC COOPERATION

- Novikova I.A., Tarkhova V.S., Kardashova S.Z., & Kharitonenko A.A.** First and Only Russian Psi Chi Chapter: 5 years at the RUDN University! 101

CONFERENCES

- Ankhubayar T.** 3rd All-Mongolian Conference on Modern Problems of Psychology: Scientific and Practical Research 110

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey I. Kudinov, D.Sc. in Psychology (Doctor of Psychological Sciences), Professor, Head of the Social and Differential Psychology Chair (*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia*)

Honorary Editor

Elena L. Grigorenko, Ph.D. in Psychology, D.Sc. in Psychology, Hugh Roy and Lillie Cranz Cullen Distinguished Professor, Department of Psychology (*University of Houston, Houston, USA*), Research Certified Adjunct Professor, Departments of Pediatrics and Molecular and Human Genetics (*Baylor College of Medicine, Houston, USA*), Adjunct Professor of Child Study Center and Senior Scientist of Haskins Laboratories (*Yale University, Yale, USA*)

Assistant to the Editor-in-Chief

Irina A. Novikova, Ph.D. in Psychology (Candidate of Psychological Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Social and Differential Psychology Chair (*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia*)

Members of the Editorial Board

Baptiste Barbot, Ph.D. in Psychology, Assistant Professor of Department of Psychology (*Pace University, New York, USA*)

Inna B. Bovina, D.Sc. in Psychology (Doctor of Psychological Sciences), Professor of Department of Clinical and Legal Psychology (*Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia*)

Linda Jarvin, Ph.D. in Psychology, Dean of Paris College of Art (*Paris College of Art, Paris, France*)

Anatoliy V. Kharkhurin, Ph.D. in Psychology, Professor of Psychology (*American University of Sharjah, Sharjah, UAE*)

Alexander I. Krupnov, D.Sc. in Psychology, Professor, Professor of the Social and Differential Psychology Chair (*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia*)

Hristo Kyuchukov, Ph.D. in Education, Professor of Intercultural Education (*Silesian University in Katowice, Poland*)

William S. New, Ph.D. in Education and Psychology, Professor and Chair, Department of Education and Youth Studies (*Beloit College, Beloit, USA*)

Ewa Ogrodzka-Mazur, Ph.D. in Education, Prof. hab., Professor of Institute of Education, Faculty of Ethnology and Educational Science (*University of Silesia in Katowice, Poland*)

Lilia K. Raitkaya, D.Sc. in Education, Ph.D. in Economics, Rector's Adviser and Professor of Department of Pedagogy and Psychology (*Moscow State Institute of International Relations at the Ministry for Foreign Relations of the Russian Federation (MGIMO University), Moscow, Russia*)

Grant J. Rich, Ph.D. in Psychology, Fellow, American Psychological Association (*Juneau, Alaska, USA*)

Harold Takooshian, Ph.D. in Psychology, Professor of Psychology & Urban Studies at Fordham University, Director of the Fordham Program in Organizational Leadership, Past-President and Representative to APA Council (*Fordham University, New York, USA*)

Eugen Tarnow, Ph.D. in Physics, researcher (*Avalon Business Systems, Inc., Fair Lawn, NJ, USA*)

Viktor P. Sheinov, D.Sc. in Sociology (Doctor of Sociological Sciences), Professor, Professor of the Psychology and Pedagogical Mastery Chair (*Republican Institute of Higher Education, Minsk, Belarus*)

Lazar Stosic, Ph.D. in Computer Science, Professor (*College of Academic Studies "Dositej", Belgrade, Serbia*)

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*

Layout Designer *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board series "Psychology and Pedagogics":

10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 778-38-07 (ext. 12-67); e-mail: psyj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

О ЖУРНАЛЕ

Ежеквартальный научно-практический рецензируемый журнал по проблемам психологии, педагогики и образования «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» издается Российским университетом дружбы народов с 2003 г. Редколлегия журнала строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Цель журнала — публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых по актуальным проблемам современной психологии и педагогики в виде научных статей, научных обзоров, исторических справок, посвященных деятелям российской и зарубежной науки, научно-информационных сообщений.

Журнал адресован научным работникам, исследователям, преподавателям в сфере психологии и педагогики, практическим психологам, педагогам и учителям, а также аспирантам и студентам, обучающимся по психолого-педагогическим и смежным специальностям.

Статьи публикуются на русском и английском языках.

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» включен в обновленный Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

13.00.01 — Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки);

13.00.02 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки);

13.00.08 — Теория и методика профессионального образования (педагогические науки);

19.00.01 — Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки);

19.00.02 — Психофизиология (психологические науки);

19.00.03 — Психология труда, инженерная психология, эргономика (психологические науки);

19.00.04 — Медицинская психология (психологические науки);

19.00.05 — Социальная психология (психологические науки);

19.00.07 — Педагогическая психология (психологические науки);

19.00.13 — Психология развития, акмеология (психологические науки).

С 2017 г. журнал включен для индексации в базу данных PsycINFO (Американская психологическая ассоциация): <http://www.apa.org/pubs/databases/psycinfo/coverage.aspx>, а также индексируется в РИНЦ, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions.

Функционирует электронный сайт журнала на Портале научных журналов РУДН: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>, который содержит полные сведения о журнале, редакционной политике и этике, требованиях к подготовке и публикации статей, полнотекстовые выпуски журнала с 2008 г. и другую информацию.

В базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на платформе Научной электронной библиотеки (НЭБ) представлены полнотекстовые версии статей с 2003 г.: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25721>

По всем вопросам, связанным с публикацией статей в журнале, можно связаться с редколлекцией по электронному адресу: psyj@rudn.university

ABOUT OUR JOURNAL

“**RUDN Journal of Psychology and Pedagogics**” is a quarterly scientific peer-reviewed journal on the current problems of psychology, pedagogy and education. The journal has been issued since 2003. Until December 2016 the Journal was titled “**Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogics**”.

The founder and publisher of the Journal is Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University). Editorial Board strictly adheres to the international standards of publication ethics of the COPE: <http://publicationethics.org>

The purpose of the Journal is publishing the results of the fundamental and applied scientific research of the Russian and international scientists on the current trends of psychology and education in the form of the scientific articles, scientific survey materials, scientific reports, reviews, historical background information devoted to the prominent figures of the Russian and international science. The articles are published in Russian and English.

Journal is addressed to scientists, researchers, teachers in the field of psychology and pedagogy, practical psychologists, educators and teachers, as well as graduate students.

The Journal is addressed to scientists, researchers, teachers in the field of psychology and pedagogy, practical psychologists, educators and teachers, as well as graduate and undergraduate students.

Since 2017 the Journal has been officially accepted for coverage in PsycINFO (American Psychological Association): <http://www.apa.org/pubs/databases/psycinfo/coverage.aspx>. The Journal is also indexed in Russian Science Citation Index, DOAJ, Google Scholar, Ulrich’s Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions.

The main thematic rubrics of the Journal are:

— Theoretical, Methodological and Polemic Problems of Modern Psychology and Pedagogy;

- Current Problems of Personality Psychology;
- Contemporary Social Psychological Research;
- Cross-Cultural and Ethnopsychological Research;
- Current Trends of Modern Health Psychology and Psychophysiology;
- Theoretical and Methodological Problems of Modern Education;
- Psychological and Pedagogical Research of Higher and Secondary Education;
- Cross-National Scientific Cooperation;
- International Conferences on Psychology and Education.

Rubrics are constantly updated and reflect the current trends in the development of modern psychology and education.

The Journal website operates on the Portal of RUDN University scientific journals: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>. The website contains full information about the Journal, editorial policy and ethics, requirements for the preparation and publication of the articles, etc., as well as full-text issues of the Journal since 2008.

The database of the Russian Science Citation Index on the platform of the Scientific Electronic Library provides full-text versions of the Journal articles published since 2003: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25721>

For all matters relating to the publication of articles in the Journal you can contact with the Editorial board by e-mail: psyj@rudn.university

Исследовательская статья

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-1-7-19

УДК 316.752

Ценностные предикторы особенностей взаимодействия родителей с детьми в финно-угорских и русских семьях**В.Ю. Хотинец¹, О.В. Кожевникова¹, Б.А. Вяткин², В.А. Вологодина¹**¹ Удмуртский государственный университет*Российская Федерация, 426034, Ижевск, Университетская ул., 1*² Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет*Российская Федерация, 614990, Пермь, Сибирская ул., 24*

В статье обсуждаются результаты исследования эффектов ценностей на особенности взаимодействия родителей с детьми в финно-угорских семьях (удмурты, коми-пермяки) в сравнении с русскими. В исследовании приняли участие 280 человек, включая 140 матерей и 140 детей (56 % женского пола): 1) представители финно-угорских (уральских) народов — удмурты (94 чел.) из деревень Можгинского района Удмуртской Республики и коми-пермяки (86 чел.) из деревень Коми-пермяцкого округа Пермского края; 2) представители русской этнокультурной группы (100 чел.) из с. Усть-Качка Пермского края. Для измерения ценностей на индивидуальном уровне использована методика Ш. Шварца, адаптированная Н.М. Лебедевой, для диагностики взаимодействия родителей с детьми — методика И.М. Марковской. В качестве основного статистического метода анализа данных эмпирического исследования применялось структурное моделирование (моделирование структурными уравнениями — Structural Equation Modeling (SEM)). По результатам эмпирического исследования установлено, что взаимодействие детей и родителей в финно-угорских семьях, проживающих в сельских поселениях с автохтонным населением, осуществляется с опорой на ценности коллективистской направленности — самосохранения и выживания, гармоничного взаимодействия с другими. В свою очередь в русских семьях обнаружен эффект выраженной индивидуалистической ценности «Самостоятельность» на показатели согласованности позиций в детско-родительском взаимодействии. Полученные результаты могут быть использованы в ходе разработки педагогических технологий, включающих в себя алгоритмы инкультурации детей в социальных институтах.

Ключевые слова: взаимодействие родителей с ребенком, ценности на индивидуальном уровне, представители разных этногрупп: удмурты, коми-пермяки, русские

Введение

Современная российская семья претерпевает значительные изменения в связи с антропологическим поворотом в культурном развитии общества. Формиру-

© Хотинец В.Ю., Кожевникова О.В., Вяткин Б.А., Вологодина В.А., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ется иная структура семьи, что отчетливо проявляется в тенденции к ее нуклеаризации с автономностью в отношении друг друга и самостоятельностью каждого из членов семьи относительно удовлетворенности жизнью. Иерархическую систему ролевых предписаний в семье, в которой муж (отец) является главой для всех других, сменили эгалитарные отношения между супругами с одинаковой долей ответственности, что в свою очередь отражается на взаимодействии с детьми, требующими от родителей равноправных отношений с ними. Наблюдается слабая фиксированность ролей и функций в семье. Взаимодополняемость, когда за каждым жестко закреплены определенные функции, сменилась взаимозаменяемостью, перераспределением обязанностей между собой. В зарубежных исследованиях (Levy, Widmer, Kellerhals, 2002) в этом контексте предлагается говорить не об эгалитаризме как альтернативе традиционным гендерным структурам семьи, а о синтезе традиционного и современного, который обозначается как «модернизированный семейный традиционализм».

С точки зрения науки и социальной практики сегодня важно учитывать современную специфику межпоколенной трансмиссии — фактора, определяющего социализацию, воспитание и обучение детей, в частности освоение и присвоение правил и норм, ценностей культуры и моделей поведения. В настоящее время известные варианты трансмиссии (Мид, 1988) не могут в полной мере отразить специфику взаимодействия между представителями разных поколений (Марцинковская, Юрченко, 2016), в том числе и в семье. В современный период трансформации межпоколенных взаимодействий происходят в разных вариациях и сочетаниях их параметров: вертикали (от родителей к детям), горизонтали (от сверстника к сверстнику), глубины (внешние и внутренние регуляторы) и времени (длительность взаимодействий). Отмечается «слабость связей» между членами семьи, торопливые, поверхностные взаимодействия между взрослыми и детьми (Бауман, 2008). Явно ощутимы потери ответственности взрослого общества за детей, отсутствие общественного контроля и причастности Взрослого мира к Детству. Можно сказать, разрушены все специальные структуры, ранее осуществлявшие межпоколенные связи. Дети для взрослых сегодня становятся неким проектом, от которого, если вкладывать много финансов, усилий и времени, можно в будущем получить определенного рода дивиденды. Такое проектное отношение к ребенку лишает его всякой самостоятельности в поступках и ответственности за свою жизнь. Разумеется, что с отстраненностью взрослого общества от Детства утрачивается устойчивость системного детско-родительского взаимодействия (Фельдштейн, 2013).

Сегодня межпоколенные взаимодействия отличаются как жесткой, так и слишком мягкой трансляцией (Albert, Trommsdorf, Wisnubrata, 2009; Pratt, Norris, Hebblethwaite, Arnold, 2008; Schönpflug, 2005). Устанавливаются сложные, зигзагообразные пути процессов передачи опыта без однонаправленных линейных устремлений по вертикали вниз или вверх (постфигуративные и префигуративные) и по горизонтали (конфигуративные) (Mavrokonstantis, 2015). По мнению Т.Д. Марцинковской (2015), это объясняется тем, что в мегаполисах и на периферии (например, в сельской местности) межпоколенная трансмиссия существенно отличается и по содержанию, и по формам. Очевидно, что в больших

городах процессы обмена опытом, переходы от одной формы трансмиссии к другой существенно ускоряются по сравнению с традиционными сельскими регионами с гомогенным этническим составом населения (Dubrov, Tatarko, 2018).

Социализация детей в больших поликультурных городах и регионах претерпевает определенного рода сложности, когда дети в образовательных учреждениях подвергаются влиянию ценностей, несовместимых с ценностями, культивируемыми в их семье, что вызывает у них сопротивление. И наоборот, когда предписанные ценности доминантной культуры вторгаются в структуру мотивации учащихся и становятся личностными ценностями, минуя необходимые процессы трансформации.

Согласно Ш. Шварцу (Schwartz, 2007), ценности на индивидуальном уровне рассматриваются в качестве основы мотивов, регулирующих поведение и деятельность человека и определяющих направленность его конкретных действий, жизненной активности для удовлетворения универсальных человеческих потребностей (биологических нужд, потребностей согласованного социального взаимодействия и требования групповой жизни).

Проблема взаимодействия детей и родителей получает особое внимание в поликультурных регионах с наполнением жизненного пространства разнообразными культурными ценностями и культурными моделями поведения, в своем многообразии теряющими способность смыслового регулирования. В меньшей степени эти проблемы возникают в монокультурной среде, поскольку ценности, транслируемые в социальных институтах, согласуются с ценностями, которым следуют в воспитании их родители и которые регулируют детско-родительское взаимодействие (Хотинец, Плетников, 2018).

Таким образом, исследование ценностных предикторов особенностей взаимодействия родителей с детьми позволит определить «вклад» как традиционных, так и социально востребованных в современном обществе ценностей в семейное воспитание, определить и обозначить методы и средства воспитания современных детей.

Цель исследования — выявление эффекта ценностей на особенности взаимодействия родителей с детьми в финно-угорских и русских семьях.

Методы и процедуры

Выборка. Всего в исследовании приняли участие 280 человек, из которых 140 матерей и 140 детей (56 % женского пола). Выборка включала две группы:

1) финно-угорская (уральская) группа — удмурты (из деревень Можгинского района Удмуртской Республики, расположенных вдали от крупных городов): матери (47 человек, средний возраст 43,0 года, $SD = 5,89$), дети (47 человек, средний возраст 15,2 года, $SD = 1,03$); коми-пермяки (из деревень Коми-Пермяцкого округа Пермского края, расположенных вдали от крупных городов): матери (43 человека, средний возраст 40,4 года, $SD = 5,37$), дети (43 человека, средний возраст 14,2 года, $SD = 0,76$);

2) русская этнокультурная группа (из села Усть-Качка Пермского края, находящегося вблизи от г. Пермь): матери (50 человек, средний возраст 39,8 года, $SD = 4,38$), дети (50 человек, средний возраст 14,8 года, $SD = 0,65$).

При организации выборочной совокупности (этнической гомогенности выборки) учитывались особенности этнического статуса и состава населения Удмуртской Республики и Коми-Пермяцкого округа, касающиеся проживания удмуртов и коми-пермяков в большинстве своем в деревнях вдали от крупных городов, русских — в селах рядом с мегаполисом. Отметим, что в крупных городах прослеживаются процессы ассимиляции. Выбор матерей обусловлен тем, что традиционно как в русской, так и финно-угорской этнокультурных группах мать в семье в большей мере ориентирована на участие в воспитании своих детей.

Методики. Ценности измерялись с помощью опросника диагностики индивидуальных ценностей Ш. Шварца в адаптации Н.М. Лебедевой (2011), содержащего 40 утверждений, каждое из которых относится к тому или иному мотивационному типу: *Самостоятельность, Стимуляция, Гедонизм, Достижение, Власть, Безопасность, Конформность, Традиция, Благожелательность, Универсализм*. Ценности определяют направленность конкретных действий индивида и всей его жизненной активности. Каждому типу мотивации соответствует своя ведущая мотивационная цель, в соответствии с которой ценности подразделяются на:

1) ценности «сохранения» — *Безопасность, Конформность, Традиция* — противоречат ценностям «открытости изменениям» — *Самостоятельность, Стимуляция*;
2) ценности «самоопределения/выхода за пределы Я» — *Благожелательность, Универсализм* — противоречат ценностям «самоутверждения» — *Гедонизм, Достижение, Власть*.

Кроме того, ценности дифференцируются на две большие группы (Лебедева, Татарко, 2007, с. 44): 1) ценности, выражающие интересы индивида (индивидуалистические ценности): *Власть, Достижение, Гедонизм, Стимуляция, Самостоятельность*; 2) ценности, выражающие интересы группы (коллективистские ценности): *Благожелательность, Традиция, Конформность*.

Для оценки использовалась симметричная 6-балльная шкала от «очень похоже на меня» до «совсем не похоже на меня».

Опросник «Взаимодействие родителя с ребенком» И.М. Марковской (1999) представлен двумя вариантами — для подростков и их родителей, включающими следующие 10 шкал: *Нетребовательность — требовательность родителя, Мягкость — строгость родителя, Автономность — контроль по отношению к ребенку, Эмоциональная дистанция — эмоциональная близость ребенка к родителю, Отвержение — принятие ребенка родителем, Отсутствие сотрудничества — сотрудничество, Несогласие — согласие между ребенком и родителем, Непоследовательность — последовательность родителя, Авторитетность родителя, Удовлетворенность отношениями ребенка с родителем*. Степень согласия с предложенными утверждениями осуществлялась по 5-балльной системе: 5 баллов — несомненно «да» (очень сильное согласие); 4 балла — в общем «да»; 3 балла — и «да», и «нет»; 2 балла — скорее «нет», чем «да»; 1 балл — «нет» (абсолютное несогласие).

Математико-статистический анализ данных включал: описательную статистику (выявление основных характеристик распределения), непараметрический тест (критерий Манна — Уитни) для выявления значимых различий между показателями. Основным статистическим методом анализа данных эмпирического

исследование стало структурное моделирование (моделирование структурными уравнениями — Structural Equation Modeling (SEM)) (Наследов, 2013), представляющее собой комбинацию корреляционного, множественного регрессионного, факторного, дисперсионного и ковариационного анализа. Моделирование осуществлялось с применением специализированного программного обеспечения (нами используется IBM SPSS Statistics V22.0 for Windows со встроенным модулем IBM SPSS AMOS V22.0). В качестве независимых переменных выступили показатели ценностей, зависимых — показатели взаимодействия родителей с детьми в двух выборочных совокупностях: 1) финно-угорские (матери и дети) и 2) русские (матери и дети) семьи. Объединение матерей и детей в выборочные совокупности при использовании сходных методик позволяет выйти на общие закономерности в связях ценностей и показателей детско-родительского взаимодействия.

Процедура. Исследование проводилось на добровольной основе в течение месяца: 1) индивидуально с каждым участником (матерями и детьми) в ходе беседы для подтверждения данных об этнической идентичности на родном языке; 2) в групповой форме с использованием диагностических методик на русском языке.

Результаты и их обсуждение

По результатам применения критерия Манна — Уитни (см. таблицу) выявлены значимые различия между показателями ценностей: *Благожелательность* ($U = 6481, p = 0,0001$), *Универсализм* ($U = 7658, p = 0,039$), *Самостоятельность* ($U = 7178,5, p = 0,005$) в сторону повышения у представителей русской этнокультурной группы. Ценности «самоопределения» — *Благожелательность* и *Универсализм* в совокупности способствуют удовлетворению потребностей, связанных с существованием во внешнем мире, отказу от эгоистических интересов (Лебедева, Татарко, 2007, с. 42). При этом *Самостоятельности* как ценности, выражающей интересы индивида, соответствует мотивационная цель — свобода мыслей и действий (выбор, творчество, познание), обусловленные потребностью индивида быть автономным и независимым. Сеем заметить, что в таком варианте отношений ценностей отмечается согласованность коллективистских и индивидуалистических ценностей в русской выборке.

Обращает на себя внимание факт, свидетельствующий об отсутствии значимых различий между показателями детско-родительского взаимодействия в финно-угорской и русской группах матерей и детей как в общих выборках, так и в отдельности. Скорее всего, это объясняется длительностью культурно-исторического взаимодействия народов, совместностью проживания на единой территории. Однако в более детальном сравнении, в частности между анализируемыми показателями в коми-пермяцкой и русской подростковых группах, установлено, что в отношениях родителей с подростками в семьях, говорящих на мажоритарном (русском) языке, в большей мере присутствует контроль и требовательность с ожиданием ответственного поведения (нетребовательность — требовательность ($U = 750,500, p = 0,012$), автономность — контроль ($U = 608,500, p = 0,000$)) с доверительными отношениями друг с другом (эмоциональная дистанция — близость

($U = 822,000$, $p = 0,050$). Полагаем, что излишняя свобода в действиях и поведении ребенка, который стремится свободное время от учебы провести в большом городе, дает ему широкую возможность вольно осуществлять свою жизнедеятельность без опеки со стороны родителей. В свою очередь родители, переживая за свое чадо, требуют от него ответственного поведения, дабы избежать угроз и опасностей больших городов.

Таблица/Table

**Сравнение средних значений показателей ценностей
на индивидуальном уровне в финно-угорской и русской группах
[Comparison of the mean indicators of values on the individual level
in Finno-Ugric and Russian groups]**

Показатели	Средние значения		U-критерий	Уровень значимости, p
	Угро-финны	Русские		
Конформность	4,898	5,120	8110,500	0,169
Традиции	3,752	3,656	8091,500	0,161
Благожелательность	4,677	5,305	6481,000	0,000
Универсализм	4,115	4,491	7658,500	0,039
Самостоятельность	4,374	4,786	7178,500	0,005
Стимуляция	3,933	3,794	8375,500	0,335
Гедонизм	4,122	3,968	8396,500	0,351
Достижения	4,252	4,493	8062,500	0,148
Власть	3,555	3,275	7799,500	0,064
Безопасность	4,927	5,066	8196,500	0,215

Примечание. Полужирным шрифтом выделены значимые различия между показателями.

Для верификации гипотезы о влиянии ценностей на взаимодействие родителей с ребенком применялись процедуры структурного моделирования, основными условиями использования которых являются достаточная численность выборки, статистическая достоверность ($p < 0,05$) регрессионных коэффициентов и ковариаций (корреляций). Для визуализации подтвержденных в ходе исследования закономерностей была использована модель путей, предназначенная для причинного объяснения взаимосвязей изучаемых показателей и представляющая собой гипотетическую систему направленных (причинно-следственных) и ненаправленных (ковариационных) связей между явными переменными, графически представленными в виде стрелок на рис. 1 и 2.

Модель 1 (рис. 1) иллюстрирует влияние ценности *Конформность* на такие параметры взаимодействия родителя с ребенком, как *Требовательность родителя*, *Эмоциональная близость ребенка к родителю*, *Принятие ребенка родителем*, *Авторитетность родителя* в финно-угорской выборке. Как видно, коллективистская ценность «сохранения социокультурного устройства» является предиктором эмоциональной близости и принимающего поведения родителей, их влиятельности и требовательности к детям. Для объяснения полученных данных следует обратиться к этнопедагогике финно-угорских (уральских) народов, в которой утверждается (Никитина, 1997, с. 51), что сдержанное отношение родителей к ребенку, уважительно-внимательное отношение детей к старшим, почитание родителей, умение отплатить добром за их ласку, «обиходить» в старости до сих пор считается одним из ценнейших качеств у народа данной культуры.

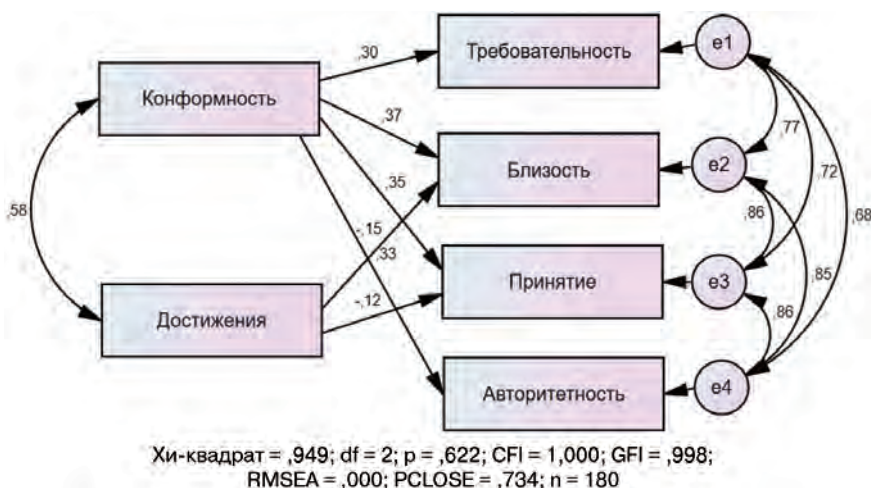

Рис. 1. Итоговая апостериорная модель влияния ценностей на взаимодействие родителей с детьми в финно-угорской выборке (модель 1)

[Figure 1. Final a posteriori model of values influence on parent-child interaction in the Finno-Ugric sample (model 1)]

Примечание. Здесь и далее в прямоугольных контурах — явные переменные-индикаторы (экзогенные/независимые и эндогенные/зависимые); в округлых контурах — ошибки эндогенных переменных, обусловленные их спецификой (ошибка определяется как остаточная доля дисперсии зависимой переменной за вычетом влияния независимой переменной ($1 - R^2$)); числа у направленных (односторонних) стрелок — стандартизованные коэффициенты регрессии; числа у ненаправленных (двусторонних) стрелок — величины корреляций между переменными.

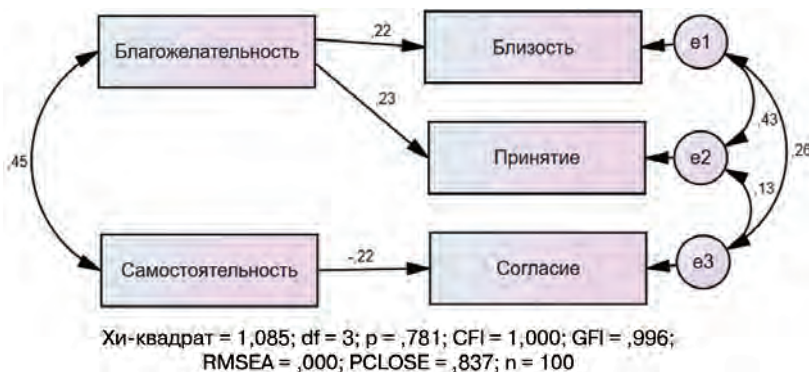

Рис. 2. Итоговая апостериорная модель влияния ценностей на взаимодействие родителей с детьми в русской выборке (модель 2)

[Figure 2. Final a posteriori model of values influence on parent-child interaction in the Russian sample (model 2)]

Вместе с тем ценность «самоутверждение» — *Достижение личного успеха* — получила отрицательные связи с показателями детско-родительского взаимодействия — *Эмоциональная близость ребенка к родителю*, *Принятие ребенка родителем*. Необходимо заметить, что в настоящее время ценности индивидуализма тяжело приживаются в культуре малочисленных народов Урала и Поволжья. Так, из уст старшего поколения удмуртского народа часто можно услышать: «Терпи» (Чида), «Будь как все» (Калык рад лу), «Прилично, неприлично» (Зеч, урод) и т.д. (Ни-

китина, 1997, с. 54). Действительно, скромность, терпимость, смиренность считаются этнопсихологическими особенностями — идеальными качествами малочисленных финно-угорских народов, непреклонно культивируемыми старшими в подрастающем поколении (Никитина, 1997, с. 102; Хотинец, 2005).

Как видно на рис. 2 (модель 2), в русской выборке установлены положительные эффекты ценности «самоопределения/выхода за пределы собственного Я» — *Благожелательность* на показатели детско-родительского взаимодействия *Эмоциональная близость ребенка к родителю* и *Принятие ребенка родителем*, а также отрицательный эффект ценности «открытости изменениям» *Самостоятельность* на *Согласие между ребенком и родителем*. Значит, забота о благе других, в том числе и своих детей, потребность в общении и эмоциональных контактах (аффилиация), безусловно, конвергируют отношения родителей и детей, сближая и объединяя их в целостную семью. Что касается мотивационной цели *Самостоятельность* (в русской группе в сравнении с угро-финнами ее показатели значимо выше), проявляющейся в независимости поведения, автономности мысли, она дает возможность и родителям, и детям отстаивать свои позиции, даже если они не совпадают с другими в семье.

Заключение

Россия являет собой жизненное пространство смешанных пластов традиционной, индустриальной и постиндустриальной культур с соответствующим разнообразием менталитетов: архаики, модерна, постмодерна (Гусельцева, 2016). Малочисленные народы России для сохранения своей культурной идентичности, во избежание ассимилятивных и маргинализационных процессов, опираясь на коллективистские ценности самосохранения и выживания, используют их как способы осуществления своих действий, активности в различных сферах жизнедеятельности.

В результате эмпирического исследования установлено, что взаимодействие детей и родителей в финно-угорских семьях, проживающих в сельских поселениях с автохтонным населением, осуществляется с опорой на ценности коллективистской направленности *Конформность* (самосохранения и выживания, гармоничного взаимодействия с другими). Данные, полученные в русских семьях, демонстрируют эффект выраженной индивидуалистической ценности *Самостоятельность* (автономность и независимость поступков и мыслей) на показатели согласованности позиций в детско-родительском взаимодействии.

Современные проблемы воспитания и образования детей побуждают к разработке новых технологий социализации подрастающего поколения, присвоения социокультурного опыта (Хотинец, Вяткин, Медведева, 2017), вооружающих гибкими стратегиями саморазвития личности, способами противостояния подавлению индивидуального развития с собственной уникальной траекторией (самостоятельная активность и инициативность ребенка, мотивационный анализ целей и потребностей участников партнерских отношений и совместной деятельности, развитие рефлексивного и критического мышления по отношению к внешним воздействиям) (Гусельцева, 2016) с использованием доступных и надежных для

представителей той или иной этнической общности «культурных средств» (Лебедева, Татарко, 2007; Хотинец, 2011, 2015). Полученные результаты могут быть использованы в ходе разработки педагогических технологий, включающих в себя алгоритмы инкультурации растущего человека в социальных институтах.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-16-59007-ОГН-Р_УРАЛ-АЛ-А.

Список литературы

- Бауман З.* Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
- Владыкин В.Е., Христоробова Л.С.* Удмурты: Историко-этнографический очерк / гл. ред. Янош Пустаи. Ижевск: Удмуртия, 2008. 248 с.
- Гусельцева М.С.* Принцип развития в психологии: вызовы полипарадигмальности и трансдисциплинарности // Принцип развития в современной психологии / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 31–51.
- Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Ценности культуры и развитие общества. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 527 с.
- Марковская И.М.* Опросник для изучения взаимодействия родителей с детьми // Семейная психология и семейная терапия. 1999. № 2. С. 94–108.
- Марцинковская Т.Д., Юрченко Н.И.* Проблема совладания в транзитивном обществе // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 49. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 26.09.2018).
- Мид М.* Культура и мир детства: избранные произведения. М.: Наука, 1988. 430 с.
- Наследов А.Д.* IBM SPSS 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер, 2013. 416 с.
- Никитина Г.А.* Народная педагогика удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1997. 136 с.
- Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Методы этнической и кросскультурной психологии: учебно-методическое пособие. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 238 с.
- Фельдштейн Д.И.* Функциональная нагрузка академии образования в определении принципов и условий развития растущего человека на исторически новом уровне движения общества (доклад на общем собрании РАО 29 октября 2013 г.) // Проблемы современного образования. № 5. 2013. URL: http://pmedu.ru/res/2013_5_2.pdf (дата обращения: 26.09.2018).
- Хотинец В.Ю.* Особенности социализации и индивидуализации субъектов образовательного пространства в поликультурных условиях // Индивидуальность растущего человека в условиях современной школы / под ред. Б.А. Вяткина. Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2015. С. 59–73.
- Хотинец В.Ю.* Психологические и культурные факторы этнотипического поведения // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 2. С. 33–44.
- Хотинец В.Ю.* Развитие поликультурной компетентности старшеклассников в ходе проектно-исследовательской деятельности // Инновационные проекты и программы в образовании. 2011. № 5. С. 43–47.
- Хотинец В.Ю., Плетников А.И.* Согласованность индивидуальных и культурных ценностей как фактор защищенности подростков от буллинга в школьной среде // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 4. С. 72–85. doi: 10.31857/S020595920000072-5

- Хотинец В.Ю., Вяткин Б.А., Медведева Д.С.* Развитие речемыслительной деятельности детей-билингвов средствами культурного дискурса // Журнал «Педагогика» («Советская педагогика»): 80 лет служению отечественному образованию: материалы Международной научно-практической конференции (26 октября 2017 г.). Часть 1 / сост.: Р.С. Бозиев, С.Н. Чистяков, С.А. Боргояков. М.: Педагогика, 2017. С. 278—283.
- Albert I., Trommsdorff G., Wisnubrata L.* Intergenerational Transmission of Values in Different Cultural Contexts: A Study in Germany and Indonesia // *Quod erat demonstrandum: From Herodotus' ethnographic journeys to cross-cultural research* / ed. by A. Gari. Athens: Pedio, 2009. Pp. 221—230.
- Dubrov D., Tatarko A.* Intergenerational Transmission of Values in Urban and Rural Areas of Russia: The Role of Perceived Psychological Closeness // *Changing Values and Identities in the Post-Communist World. Societies and Political Orders in Transition* / ed. by N. Lebedeva, R. Dimitrova, J. Berry. Springer, Cham. 2018. Pp. 117—130. doi: 10.1007/978-3-319-72616-8_7
- Levy R., Widmer E., Kellerhals J.* Modern Family or Modernized Family Traditionalism? Master Status and the Gender Order in Switzerland. 2002. URL: https://www.researchgate.net/publication/223068014_Modern_family_or_modernized_family_traditionalism_Master_status_and_the_gender_order_in_Switzerland (retrieved: 26.09.2018).
- Mavrokonstantis P.* Modern Family: Female Breadwinners and the Intergenerational Transmission of Gender Norms. 2015. URL: <http://sticerd.lse.ac.uk/dps/pep/gendernorms.pdf> (retrieved: 26.09.2018).
- Pratt M.W., Norris J.E., Hebblethwaite S., Arnold M.L.* Intergenerational transmission of values: Family generativity and adolescents' narratives of parent and grandparent value teaching // *Journal of Personality*. 2008. Vol. 76. Pp. 171—198. doi: 10.1111/j.1467-6494.2007.00483.x
- Schönflug U.* Intergenerational transmission of values: The role of transmission belts // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2001. Vol. 32. Pp. 174—185. doi: 10.1177/0022022101032002005
- Schwartz S.H.* Value orientations: Measurement, antecedents and consequences across nations // *Measuring attitudes cross-nationally: Lessons from the European Social Survey* / ed. by R. Jowell, C. Roberts, K. Fitzgerald, G. Eva. London: Sage Publications, 2007. Pp. 169—204.

История статьи:

Поступила в редакцию: 01 октября 2018 г.

Принята к печати: 15 января 2019 г.

Для цитирования:

Хотинец В.Ю., Кожевникова О.В., Вяткин Б.А., Вологодина В.А. Ценностные предикторы особенностей взаимодействия родителей с детьми в финно-угорских и русских семьях // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика.* 2019. Т. 16. № 1. С. 7—19. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-1-7-19>

Сведения об авторах:

Хотинец Вера Юрьевна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей психологии Удмуртского государственного университета (Ижевск, Россия). E-mail: khotinets@mail.ru. ORCID ID: 0000-0001-9515-9433, Scopus Author ID: 15066453500, ResearcherID: Q-1111-2016

Кожевникова Оксана Вячеславовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Удмуртского государственного университета (Ижевск, Россия). E-mail: oxana.kozhevnikova@gmail.com. ORCID ID: 0000-0002-1995-3886

Вяткин Бронислав Александрович — доктор психологических наук, профессор, научный руководитель Института психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Пермь, Россия). E-mail: bronislav.vyatkin@gmail.com

Вологодина Валерия Александровна — магистрант кафедры общей психологии Удмуртского государственного университета (Ижевск, Россия). E-mail: boss.vologdina@mail.ru

Research article

Values as Predictors of Parent – Child Interaction Specifics in Finno-Ugric and Russian Families

Vera Yu. Khotinets¹, Oksana V. Kozhevnikova¹,
Bronislav A. Vyatkin², Valeria A. Vologdina¹

¹ Udmurt State University

1 Universitetskaya St., Izhevsk, 426034, Russian Federation

² Perm State Humanitarian-Pedagogical University
24 Sibirskaya St., Perm, 614990, Russian Federation

Abstract. The paper represents the results of exploring the effects of values on the specifics of parent-child interaction in Finno-Ugric families (Udmurts, Komi-Permyaks) in comparison to the Russian ones. 280 respondents, including 140 mothers and 140 children (56 % are females) have participated in the research: 1) representatives of the Finno-Ugric (Ural) peoples: Udmurts (94 individuals) from villages of Mozhginsky district of the Udmurt Republic and Komi-Permyaks (86 individuals) from the villages of Komi-Permyak Okrug of Perm Krai; 2) representatives of the Russian ethnocultural group (100 individuals) from the village Ust-Kachka of Perm Krai. The standardized techniques have been implemented: the technique by S. Schwartz adapted by N.M. Lebedeva for measuring values at the individual level and the questionnaire by I.M. Markovskaya for exploring parent-child interactions. The methodology and procedures of Structural Equation Modeling (SEM) have been used as the main statistical method. It is revealed that parent-child interaction in Finno-Ugric families living in rural settlements with the autochthonic population is based on collectivistic values of self-preservation and survival, harmonious interaction with others. At the same time, the effect of a distinct individualistic value of independence on the indicators of the cohesion of parent-child interaction positions is found in Russian families. The results obtained during the research can be implemented while developing pedagogic techniques including the algorithms of inculturation of children in social institutions.

Key words: parent-child interaction, values at the individual level, representatives of different ethnic groups, Udmurts, Komi-Permyaks, Russians

Acknowledgements

The study was supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 17-16-59007-OGN-R_URAL-AL-A.

References

- Albert, I., Trommsdorff, G. & Wisnubrata, L. (2009). Intergenerational Transmission of Values in Different Cultural Contexts: A Study in Germany and Indonesia. In A. Gari (Ed.). *Quod erat demonstrandum: From Herodotus' ethnographic journeys to cross-cultural research* (pp. 221—230). Athens: Pedio.
- Bauman, Z. (2008). *Tekuchaya sovremennost'*. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Dubrov, D. & Tatarko, A. (2018). Intergenerational Transmission of Values in Urban and Rural Areas of Russia: The Role of Perceived Psychological Closeness. In N. Lebedeva, R. Dimitrova, J. Berry (Eds.). *Changing Values and Identities in the Post-Communist World. Societies and Political Orders in Transition* (pp. 117—130). Springer, Cham. doi: 10.1007/978-3-319-72616-8_7
- Feldshtein, D.I. (2013). Funktsional'naya nagruzka akademii obrazovaniya v opredelenii printsipov i uslovii razvitiya rastushchego cheloveka na istoricheski novom urovne dvizheniya obshchestva (doklad na obshchem sobranii RAO 29 oktyabrya 2013 g.). *Problemy sovremennoy obrazovaniya*, (5). http://pmedu.ru/res/2013_5_2.pdf (accessed: 26 September 2018). (In Russ.)
- Guseltseva, M.S. (2016). Princip razvitiya v psikhologii: vyzovy poliparadigmality i transdisciplinarnosti. In A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko (Eds.). *Princip razvitiya v sovremennoy psikhologii* (pp. 31—51). Moscow: Institute of Psychology of RAS Publ. (In Russ.)
- Khotinets, V.Yu. (2005). Psikhologicheskie i kul'turnye faktory etnotipicheskogo povedeniya. *Psikhologicheskii zhurnal*, 26(2), 33—44. (In Russ.)
- Khotinets, V.Yu. (2011). Razvitie polikul'turnoi kompetentnosti starsheklassnikov v khode proektno-issledovatel'skoi deyatel'nosti. *Innovatsionnye proekty i programmy v obrazovanii*, (5), 43—47. (In Russ.)
- Khotinets, V.Yu. (2015). Osobennosti sotsializatsii i individualizatsii sub"ektov obrazovatel'nogo prostranstva v polikul'turnykh usloviyakh. In B.A. Vyatkin (Ed.). *Individual'nost' rastushchego cheloveka v usloviyakh sovremennoi shkoly* (pp. 59—73). Perm: PGGPU Publ. (In Russ.)
- Khotinets, V.Yu. & Pletnikov, A.I. (2018). Soglasovannost' individual'nykh i kul'turnykh tsennostei kak faktor zashchishchennosti podrostkov ot bullinga v shkol'noi srede. *Psikhologicheskii zhurnal*, 39(4), 72—85. doi: 10.31857/S020595920000072-5 (In Russ.)
- Khotinets, V.Yu., Vyatkin, B.A. & Medvedeva, D.S. (2017). Razvitie rechmyslitel'noi deyatel'nosti detei-bilingvov sredstvami kul'turnogo diskursa. *Zhurnal "Pedagogika" ("Sovetskaya pedagogika")*: 80 let sluzheniyu otechestvennomu obrazovaniyu. Conference Proceedings (Part 1, pp. 278—283). Moscow: Pedagogika Publ. (In Russ.)
- Lebedeva, N.M. & Tatarko, A.N. (2007). *Cennosti kul'tury i razvitie obshchestva*. Moscow: HSE Publ. (In Russ.)
- Levy, R., Widmer, E. & Kellerhals, J. (2002). *Modern Family or Modernized Family Traditionalism? Master Status and the Gender Order in Switzerland*. https://www.researchgate.net/publication/223068014_Modern_family_or_modernized_family_traditionalism_Master_status_and_the_gender_order_in_Switzerland (accessed: 26 September 2018).
- Marcinkovskaya, T.D. & Yurchenko, N.I. (2016). Problema sovladaniya v tranzitivnom obshchestve. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 9(49). <http://psystudy.ru> (accessed: 26 September 2018). (In Russ.)
- Markovskaya, I.M. (1999). Oprosnik dlya izucheniya vzaimodeystviya roditel'ei s det'mi. *Semeinaya psikhologiya i semeinaya terapiya*, (2), 94—108. (In Russ.)
- Mavrokonstantis, P. (2015). *Modern Family: Female Breadwinners and the Intergenerational Transmission of Gender Norms*. <http://sticerd.lse.ac.uk/dps/pep/gendernorms.pdf> (accessed: 26 September 2018).
- Mid, M. (1988). *Kul'tura i mir detstva: izbrannye proizvedeniya*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

- Nasledov, A.D. (2013). *IBM SPSS 20 i AMOS: professional'nyi statisticheskii analiz dannykh*. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Nikitina, G.A. (1997). *Narodnaya pedagogika udmurtov*. Izhevsk: Udmurtiya Publ. (In Russ.)
- Pratt, M.W., Norris, J.E., Hebblethwaite, S. & Arnold, M.L. (2008). Intergenerational Transmission of Values: Family Generativity and Adolescents' Narratives of Parent and Grandparent Value Teaching. *Journal of Personality*, (76), 171–198. doi: 10.1111/j.1467-6494.2007.00483.x
- Schönplflug, U. (2001). Intergenerational Transmission of Values: The Role of Transmission Belts. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, (32), 174–185. doi: 10.1177/0022022101032002005
- Schwartz, S.H. (2007). Value Orientations: Measurement, Antecedents and Consequences Across Nations. In R. Jowell, C. Roberts, K. Fitzgerald, & G. Eva (Eds.). *Measuring Attitudes Cross-Nationally: Lessons from the European Social Survey* (pp. 169–203). London: Sage Publications. doi: 10.4135/9781849209458.n9
- Tatarko, A.N. & Lebedeva, N.M. (2011). *Metody etnicheskoi i krosskul'turnoi psikhologii*. Moscow: HSE Publ. (In Russ.)
- Vladykin, V.E. & Khristolyubova, L.S. (2008). *Udmurty: istoriko-etnograficheskii ocherk*. Izhevsk: Udmurtiya Publ. (In Russ.)

Article history:

Received: 01 October 2018

Revised: 17 November 2018

Accepted: 15 January 2019

For citation:

Khotinets, V.Yu., Kozhevnikova, O.V., Vyatkin, B.A., & Vologdina, V.A. (2019). Values as Predictors of Parent — Child Interaction Specifics in Finno-Ugric and Russian Families. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(1), 7–19. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-1-7-19>

Bio Note:

Vera Yu. Khotinets — Doctor Sc. of Psychology, Full Professor, Head of General Psychology Department, Udmurt State University (Izhevsk, Russia). E-mail: khotinets@mail.ru. ORCID ID: 0000-0001-9515-9433, Scopus Author ID: 15066453500, ResearcherID: Q-1111-2016

Oksana V. Kozhevnikova — Ph.D. in Psychology, Associate Professor of General Psychology Department, Udmurt State University (Izhevsk, Russia). E-mail: oxana.kozhevnikova@gmail.com. ORCID ID: 0000-0002-1995-3886

Bronislav A. Vyatkin — Doctor Sc. of Psychology, Full Professor, Research Supervisor of the Institute of Psychology, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russia). E-mail: bronislav.vyatkin@gmail.com

Valeria A. Vologdina — graduate student of General Psychology Department, Udmurt State University (Izhevsk, Russia). E-mail: boss.vologdina@mail.ru

Научный обзор

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-1-20-38

УДК 159.91:616-05

Концепция когнитивного резерва в контексте изучения ишемической болезни сердца: современные представления и перспективы научных исследований

Д.А. Еремина, Ю.М. Сидоровская

Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, 199034, Университетская наб., 7—9

В статье представлены результаты теоретического анализа современной зарубежной и отечественной литературы, посвященной концепции когнитивного резерва, которая является чрезвычайно актуальной на сегодняшний день. Подробно освещается проблематика и специфика когнитивных нарушений у пациентов с сердечно-сосудистой патологией, в частности с ишемической болезнью сердца, а также основные понятия и методологические проблемы определения концепции когнитивного резерва, обсуждается проблема операционализации данного понятия и связанные с ней сложности в определении потенциальных механизмов реализации когнитивного резерва. Рассмотрено взаимовлияние когнитивных нарушений на течение и прогноз ишемической болезни сердца, в особенности на уровень комплайенса пациентов кардиологического профиля и последующую психологическую реабилитацию. Обсуждаются потенциальные направления дальнейших исследований концепции когнитивного резерва применительно к ишемической болезни сердца, а именно перспективы изучения взаимосвязи когнитивных нарушений и аффективной патологии, в том числе алекситимии, что может позволить существенно оптимизировать существующие схемы реабилитации пациентов с ишемической болезнью сердца.

Ключевые слова: ишемическая болезнь сердца, алекситимия, когнитивный резерв, когнитивные нарушения, аффективная патология, эмоциональное состояние, сердечно-сосудистые заболевания, реабилитация

Введение

По всему миру сердечно-сосудистые заболевания (ССЗ) уносят больше жизней, чем все формы рака и респираторные заболевания вместе взятые (Reamy et al., 2018). По данным статистики ВОЗ, ведущими причинами смерти в современном мире по-прежнему остаются ишемическая болезнь сердца (ИБС), представ-

© Еремина Д.А., Сидоровская Ю.М., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ляющая собой нарушение кровоснабжения ткани миокарда, вызванное поражением коронарных артерий, и инсульт (ВОЗ, 2017).

Основными неконсервативными методами лечения ИБС считаются аортокоронарное шунтирование, показанное при лечении нескольких коронарных стенозов, и коронарная ангиопластика, являющаяся малоинвазивным методом хирургического вмешательства и позволяющая расширить просвет суженных сосудов, тем самым значительно улучшая состояние больного.

Значительная часть мировых научных исследований последних лет посвящена изучению различных факторов риска развития и прогрессирования ИБС. Например, хорошо известно значение таких биологических факторов, как артериальная гипертензия, гипергликемия, гипогликемия, дислипидемия, курение, расстройства сна, низкая физическая активность, сахарный диабет, гипертрофия левого желудочка, ожирение, возраст, наследственность и пол (Балашкевич и др., 2013; Canto, 2003; Yuan et al., 2016). Такие психологические факторы, как стресс, депрессия, нарушение личностно-средового взаимодействия, поведенческий тип А (коронарный тип), пролонгирование психоэмоционального стресса, алекситимия и тревога также оказывают негативное влияние на течение и прогноз ИБС (Агеенкова, 2016; Винокур, 2002; Friedman, Rosenman, 1959; Lichtman et al., 2014; Liu et al., 2017; Ma, Li, 2017; Mahmood et al., 2017). Особенно нужно учитывать, что расстройства тревожно-депрессивного спектра в данной области патологии характеризуются большим полиморфизмом соматовегетативных и психопатологических проявлений, что значительно усложняет клиническую картину ССЗ (Гарганеева и др., 2015; Николаев, Лазарева, 2013).

Однако данные относительно значения ряда факторов представляются на сегодняшний день противоречивыми и недостаточными. К подобным биологическим факторам можно отнести длительность искусственного кровообращения (ИК) и пережатия аорты во время операции. Так, ранее предполагалось, что длительность использования аппарата ИК прямо пропорционально связана со степенью нейрокогнитивного дефицита в постоперационном периоде лечения больных с ИБС (Шумков и др., 2009), а пролонгированное использование аппарата ИК — с негативным прогнозом заболевания в дальнейшем, однако некоторые современные исследования свидетельствуют об обратной связи (Еремина, 2015), а именно: чем в более сжатые сроки было выполнено оперативное вмешательство (длительность пережатия аорты и использования аппарата ИК), тем выше степень нейропсихологических нарушений у пациентов в постоперационном периоде, что имеет негативное влияние на течение и прогноз данного заболевания. Также, открытым остается вопрос о влиянии анестетиков, используемых при проведении операции, на когнитивное функционирование больных с ИБС после оперативного вмешательства. Данные о некоторых психологических факторах также представляются недостаточными и противоречивыми на сегодняшний день, в особенности это касается влияния алекситимии и уровня когнитивного функционирования на этиопатогенез ИБС.

Таким образом, за последнее десятилетие было проведено значительное количество исследований, посвященных изучению динамики когнитивного функ-

ционирования в пред-, пери- и постоперационном периодах лечения у кардиохирургических больных (Трубникова и др., 2013; Loprinzi et al., 2017 и др.). Например, в исследовании А.В. Фонякина с соавт. было установлено, что наиболее распространенными нарушениями в когнитивной сфере пациентов с ИБС были нарушения внимания и ассоциативного компонента мышления, различные виды агнозий, сужение объема запоминания (нарушение кратковременной памяти) и др., что отражает основные нейропсихологические особенности больных ИБС, однако выраженность когнитивных расстройств носила легкий и умеренный характер и чаще встречалась у лиц молодого возраста (Фонякин и др., 2011). В то же время такие поведенческие особенности пациентов, как гармоничный, эргопатический и анозогнозический типы отношения к болезни, экстернальный локус контроля, редкое использование копинг-стратегий, тревожно-депрессивные расстройства, алекситимия оказывают значительное влияние не только на этиопатогенез ИБС и последующую реабилитацию, но и на динамику когнитивного функционирования у данного контингента больных. В связи с этим были предприняты попытки выделения различных факторов, обуславливающих динамику когнитивных функций пациентов с ИБС в процессе лечения и реабилитации, а именно уровень когнитивного резерва, возраст, депрессивные и тревожные расстройства, алекситимия, длительность использования ИК и пережатия аорты. Тем не менее все предпринятые шаги не позволяют сделать однозначных выводов о механизмах формирования тех или иных когнитивных нарушений у кардиохирургических пациентов и, соответственно, определить место и значение этих нарушений для потенциальных возможностей реабилитации и восстановительного лечения больных ИБС.

На сегодняшний день одной из потенциальных концепций, предложенных для решения этой задачи, является концепция когнитивного резерва (КР). Настоящая статья посвящена рассмотрению концепции КР в контексте ИБС в связи с тем, что данное направление представляется авторам наиболее актуальным и перспективным для дальнейшего изучения. Это обусловлено несколькими причинами: во-первых, открытием определенных патофизиологических механизмов нарушения когнитивных функций, во-вторых, увеличением доли пожилого населения в популяции, в-третьих, тем фактом, что когнитивная деятельность рассматривается как интегративная работа всего головного мозга, поэтому когнитивная недостаточность гетерохронно развивается при разнообразных очаговых (инсульты, опухоли и др.) и диффузных поражениях (нейродегенеративные и цереброваскулярные заболевания), включая как неорганические повреждения (травмы), так и органические повреждения головного мозга.

Концепция когнитивного резерва: проблема определения и возможные механизмы реализации

Впервые концепция когнитивного резерва была представлена в работе Y. Stern (2002), посвященной изучению вопроса о несоответствии степени повреждения головного мозга с клиническими проявлениями нарушений тех или иных нейропсихологических функций.

Когнитивный резерв представляет собой по большей части способность головного мозга к функционально-компенсаторным механизмам, способствующим минимизации последствий влияния на когнитивные функции тех или иных повреждений и патологических процессов (травмы, инсульты, нейродегенеративные и цереброваскулярные заболевания, возрастные изменения) (Stern, 2002).

Концепция КР предполагает, что влияние того или иного патологического процесса на определенные когнитивные функции опосредуется с помощью резерва. Например, человек с высоким КР будет иметь больше возможностей противостоять той или иной патологии головного мозга еще до того, как она окажет свое влияние на производительность определенных когнитивных функций (Stern et al., 2003). Таковы были акценты первых исследований в области концепции КР. На сегодняшний день современные исследования концентрируются на несколько других аспектах, а именно на том, как те или иные виды деятельности, относящиеся к КР, способны замедлять атрофические и нейродегенеративные процессы в головном мозге (Стрижицкая, 2016). Таким образом, высокие показатели по таким факторам, как образование, уровень физической активности и некоторым другим, относящимся к КР, ассоциированы с меньшим риском развития деменции, а также с более медленной скоростью когнитивного снижения в здоровой старости. Однако данное утверждение было подтверждено не во всех исследованиях по данной проблематике.

Важной проблемой для современных исследований в этой области является отсутствие четкой операционализации концепции КР. Были предприняты некоторые попытки определения КР, а именно через понятие «целостности головного мозга» (объем серого вещества, микроструктура белого вещества и др.), степень которого исследовалась преимущественно с помощью магнитно-резонансной томографии (фМРТ). В последующем данный подход оказался не совсем адекватным, потому как «целостность головного мозга» не всегда была связана с показателем КР. Далее были предприняты несколько другие операциональные определения КР, например взяты переменные, так или иначе относящиеся к социально-экономическому статусу, который был назван результирующим фактором КР. Данное определение также оказалось ошибочным, потому что социально-экономический статус может являться не следствием того или иного уровня КР, а скорее одной из основных причин различий в величине КР.

В настоящее время, по мнению некоторых ученых (Nilsson, Lövdén, 2018), должно быть разработано более подробное и точное теоретическое определение КР. При этом потенциальной точкой развития является разрешение вопроса о том, что именно понимается под КР — различия в том, как люди обрабатывают те или иные когнитивные задачи или же насколько эффективно они с ними справляются? Если современное операциональное определение КР будет базироваться на качественном подходе к решению тех или иных когнитивных задач, разрешаемых человеком в определенной ситуации, то весь объяснительный потенциал данной концепции может быть успешно применен и использован в практике.

Было показано, что на объем КР влияют такие показатели, как уровень образования, род занятий, вид хобби, физическая и социальная активность, курение, депрессия, гипертония, ожирение, билингвизм, работа норадреналинэргической

системы, интеллектуальные нагрузки в течение жизни и эмоциональные процессы (Дайникова, Пизова, 2014; Стрижицкая, 2016; Bak et al., 2014; Barulli, Stern, 2013; Livingston et al., 2017; Stern, 2002).

Если говорить о физиологических процессах, осуществляющих механизмы нейронной реализации КР, то они будут представлены такими понятиями, как нейронный резерв (закрывающий в себе те нейронные сети, которые образовались у человека в течение жизни и которые он активно использует) и нейронная компенсация (подразумевающая под собой ситуацию, когда патологический процесс затрагивает ту или иную функцию и создается необходимость использования дополнительных компенсаторных сетей для выполнения различных задач) (Stern, 2006). Вместе с тем следует провести различия между схожими моделями, объясняющими клинические феномены, при которых наблюдаются определенные расхождения, преимущественно за счет уровня КР, и между протекающими в головном мозге патологическими процессами и нарушением тех или иных когнитивных функций в действительности (Stern, 2013).

Помимо концепции КР, являющейся активной гипотезой и акцентирующей свое внимание на функциональных механизмах компенсаторных процессов при повреждениях головного мозга, существует также концепция «мозгового резерва», являющаяся пассивной пороговой гипотезой, основывающейся на механистическом подходе и акцентирующей внимание на таких характеристиках мозга, как объем, окружность головы, количество синаптических связей. В связи с этим «мозговой резерв» представляется защитным механизмом, нивелирующим уязвимость головного мозга к разнообразным патологическим процессам. По мнению D. Barulli и Y. Stern (2013), данные теории не являются конкурирующими и взаимодополняют друг друга.

В исследовании C. Sole-Padulles et al. (2009) было установлено, что высокий КР ассоциирован прежде всего с большим объемом и пониженной активностью определенных отделов мозга, участвующих в выполнении того или иного задания, по данным фМРТ, что объяснялось использованием более эффективных стратегий решения разного рода задач и позволило связать уровень КР с эффективностью синаптической обработки.

Как известно, люди с высоким КР имеют более низкий риск развития деменции. Существуют даже предположения о том, что более высокий КР может быть связан со снижением скорости атрофии гиппокампа при старении и более медленным осаждением β -амилоидов (Jagust, Mormino, 2011; Valenzuela et al., 2008). Поэтому воздействия, связанные с КР, могут не только помочь мозгу адаптироваться к структурным изменениям, но и предотвратить эти изменения.

Результаты свидетельствуют о том, что на сегодняшний момент когнитивные механизмы КР и связанные с ними понятия еще недостаточно изучены, однако как в физиологической, так и в медико-биологической практике выделяются определенные корреляты КР. Выявление конкретных когнитивных стратегий или компенсационных механизмов может помочь выявить основные нейронные механизмы КР (Barulli, Stern, 2013), особенно учитывая тот факт, что некоторым исследователям удалось близко подойти к выявлению единой (общей) сети реализации КР, активация которой не зависит от вида когнитивной задачи. Базисная

сеть КР, по мнению Y. Stern et al. (2018), преимущественно определяется наиболее высокой активацией в мозжечке, медиальной лобной и верхней височной извилинах, что позволяет говорить о том, что у людей с высоким уровнем КР повышена регуляция процессов координации движений и система прогнозирования ошибок, влияющие на повышение уровня концентрации на поставленной задаче, увеличивая вероятность ее эффективного решения.

Таким образом, данная концепция является широко применимой моделью, которая может также учитывать качественные сдвиги, происходящие в компенсаторно-функциональных процессах (например, сдвиги в скорости когнитивного спада и т.д.). Также, учитывая роль сосудистых факторов риска в развитии нейрокогнитивных нарушений, своевременное и адекватное лечение ССЗ может считаться профилактикой данных нарушений, а коррекция уже развившегося нейрокогнитивного дефицита должна включать как неспецифические (лечение ССЗ, антиоксидантная терапия и др.), так и специфические принципы (нейропсихологическая коррекция, физическая активность и др.). В итоге при ведении пациентов с когнитивными расстройствами должное внимание нужно уделять не только лечению соматической патологии, но и сопутствующих аффективных и когнитивных расстройств (Гимоян, Силванян, 2013).

Связь когнитивного резерва и прогноза ишемической болезни сердца

В последнее десятилетие значительно возрос интерес к проблематике когнитивных нарушений у больных с ССЗ. В настоящее время есть все основания полагать, что одним из основных патогенетических факторов нейрокогнитивного дефицита у пациентов с сердечно-сосудистой патологией является нарушение церебральной перфузии в тех или иных отделах головного мозга (Ефимова, 2010). Подтверждением этого являются преимущественно клинические случаи, показывающие, что у пациентов вследствие перенесенных сосудистых мозговых «катастроф» довольно часто наблюдаются расстройства в когнитивной сфере (Вербицкая, 2013; Ну, Chen, 2017). Также у пациентов с нейродегенеративными заболеваниями на перфузионных томосцинтиграммах обнаружено снижение церебрального кровотока в тех или иных регионах головного мозга (Matsuda et al., 2007). Тем самым перфузионная томосцинтиграфия головного мозга должна применяться в диагностике и динамической оценке диффузных нарушений церебрального кровообращения у больных с ССЗ с целью эффективной своевременной профилактики и терапии когнитивных нарушений, в особенности ИБС.

О механизмах, с помощью которых сердечно-сосудистые или цереброваскулярные заболевания могут так или иначе способствовать развитию ранних нейродегенеративных процессов, пишут Т.Н. Слободин и А.В. Горева (2012). Они указывают на то, что данные заболевания зачастую сопровождаются мозговой гипоксией, что в свою очередь приводит к нарушению митохондриальных процессов в клетке, из-за чего у мозга повышается чувствительность к нейродегенеративным процессам, происходящим в нейронах, за счет экспрессии определенных генов, ответственных за возникновение различных патологических процес-

сов, и необратимого процесса гибели клеток мозга, возможно также способствующего снижению уровня когнитивного функционирования, что напрямую влияет на уровень комплайенса пациентов кардиологического профиля.

Важным является вопрос о том, как уровень когнитивного функционирования, в основе которого лежат базовые когнитивные навыки (способности), связан с риском смертности у больных с сердечно-сосудистыми заболеваниями. В настоящий момент данная проблема остается малоизученной, однако одно из недавних исследований (Loprinzi et al., 2017) показывает, что в группах больных с низким уровнем когнитивного функционирования и низким/высоким риском развития ССЗ был практически одинаковый процент выживаемости, который оказался существенно ниже по сравнению с другими двумя группами, имеющими высокий уровень когнитивного функционирования и низкий/высокий риск развития ССЗ. Распределение по группам по уровню когнитивного функционирования происходило с помощью нейропсихологического теста на замену цифрового символа (Digit symbol substitution test — DSST), являющегося наиболее чувствительным к мозговым повреждениям, деменции и депрессии, и теста на скорость обработки информации. Таким образом, можно сделать вывод о том, что состояние когнитивных функций так или иначе влияет на прогноз и течение сердечно-сосудистой патологии, повышая или понижая вероятность летального исхода.

Было установлено, что когнитивный статус положительно коррелирует с такими поведенческими особенностями пациентов с ИБС, как копинг-стратегии, используемые ими перед операцией аортокоронарного шунтирования. Те пациенты, у которых отмечался более сохраненный когнитивный статус, чаще использовали рациональные копинг-стратегии, предполагающие анализ ситуации и планирование собственных действий на основе объективных фактов, а также принятие ответственности за собственные действия и поступки в сложившейся ситуации (копинг-стратегии «планирование решения проблем» и «принятие ответственности») (Солодухин и др., 2016). Полученные результаты представляют одно из перспективных направлений по профилактической работе с данными пациентами в современной соматической клинике кардиологического профиля, а именно работу по профилактике когнитивных нарушений у пациентов с ИБС как до оперативного вмешательства, так и после него с применением различных техник использования наиболее рациональных копинг-стратегий для преодоления разнообразных ситуаций, в которых оказывается больной с ИБС.

Существуют данные о том, что когнитивный статус также связан с внутренней картиной болезни у пациентов с ИБС, что существенным образом влияет на уровень приверженности лечению, а следовательно, и на качество жизни данных больных. Например, высокие показатели когнитивного статуса были связаны с гармоничным и эргопатическим вариантами внутренней картины болезни, а у пациентов с низкими показателями чаще встречались анозогнозический и сенситивные варианты внутренней картины болезни (Солодухин, 2017). Это говорит о том, что уровень когнитивного функционирования так или иначе воздействует на восприятие собственной болезни пациентом, что влияет на уровень комплайенса среди данного контингента больных, в связи с чем появляется необходимость в профилактической и терапевтической работе с целью коррективы и ниве-

лирования нейрокогнитивного дефицита и установления оптимального уровня комплайенса между врачом и пациентом.

М.А. Зайнуллиной (2000) было установлено, что высокий уровень образования и некоторые профессиональные навыки могут повышать ряд тестовых показателей у больных с ИБС. Это определенно говорит о высокой пластичности познавательных процессов, что в свою очередь создает благоприятные условия для психокоррекционной работы с пациентами. Однако в исследовании D. Mungas et al. (2018) было показано, что уровень образования является показателем КР только у лиц с низким уровнем развития нейродегенеративных процессов в головном мозге, а защитные механизмы КР в виде высшего образования очень быстро теряют свое значение по мере прогрессирования нейродегенерации, что значительно ограничивает область применения концепции КР. Л.Г. Гимоян и Г.Г. Силванян (2013) установили, что депрессия и хронический стресс приводят не только к потере синапсов, но и уменьшению объема головного мозга, вызывая тем самым не только когнитивные, но и аффективные нарушения, что представляет открытое поле для исследований в этой сфере.

В исследовании A. Singh-Manoux et al. (2009) выявлено, что состояние когнитивных функций является показателем общей целостности организма, в связи с этим вероятность возникновения ИБС, исходя из полученных результатов, ассоциирована с уровнем рассуждений и размером словарного запаса, но не с показателями уровня беглости речи и уровнем памяти. Данные результаты актуальны только лишь для группы с низким социально-экономическим статусом. Одной из причин этого может служить тот факт, что люди с высоким социально-экономическим статусом имеют достаточно высокий КР, по этой причине связь между вероятностью развития ИБС и высоким социально-экономическим статусом сглаживается, потому как уровень развития когнитивных функций не показывает связи с вероятностью возникновения ИБС. Существуют разные объяснения данного феномена, т.к. на сегодняшний день влияние социально-экономических и когнитивных факторов на здоровье человека не до конца изучено, что является одной из ключевых проблем когнитивной эпидемиологии.

В тоже время исследования, посвященные взаимосвязи мозгового кровообращения и когнитивных функций в контексте ИБС, единичны. Однако в некоторых работах была установлена связь артериальной гипертензии (нарушение перфузии мозга) и нейрокогнитивного дефицита, проявляющегося ухудшением процессов запоминания, неустойчивостью внимания и замедлением психомоторной реакции (Vicario et al., 2005), а также продемонстрировано, что артериальная гипертензия, дислипидемия и гиперинсулинемия могут увеличивать риск развития деменции (Kanaya et al., 2004).

Перспективные направления исследований когнитивного резерва в контексте ишемической болезни сердца

Сегодня практически отсутствуют исследования, целью которых являлось бы выявление соотношения аффективных нарушений и концепции КР в контексте ИБС, однако данный вопрос представляется наиболее интересным на современ-

ном этапе изучения ИБС. В некоторых исследованиях рассматривается связь между алекситимией и когнитивными нарушениями у пациентов с нейродегенеративными заболеваниями (рассеянный склероз). Например, M. Chalah et al. (2017) установили, что у больных с рассеянным склерозом средний показатель алекситимии — 50,50 (по Торонтской шкале алекситимии — Toronto Alexithymia Scale, TAS), а показатели теста, оценивающего, насколько человек может понимать свое собственное поведение, мысли и чувства, а также поведение и эмоции других людей (Theory of Mind (ToM) — Модель психического состояния человека), значительно коррелировали с количеством лет обучения. Под концепцией ToM преимущественно понимается система репрезентации психических феноменов, с помощью которой мы понимаем как свои собственные мысли, чувства и состояния, так и различные аспекты поведения других людей, что позволяет нам прогнозировать их действия. Исходя из этого можно предположить, что такая переменная КР, как количество лет обучения может коррелировать с уровнем общих когнитивных схем, с помощью которых человек оценивает свои собственные мысли, поведение (когнитивный элемент ToM), а также собственные эмоции и чувства (эмоциональный элемент ToM). Именно дисфункция последнего компонента вполне может коррелировать с алекситимией, потому как имеет в своей основе схожее нарушение, а последнее в свою очередь коррелирует с КР. Это также подтверждается некоторыми исследованиями (Chalah, Ayache, 2017), в которых достоверно были показаны последствия когнитивных расстройств, а именно: если реализация когнитивных функций — это интегративная работа всего головного мозга, то, следовательно, нарушение данных функций влияет на все стороны психической жизни человека, в том числе и на когнитивную обработку собственного эмоционального опыта, что опять же может говорить о возможной корреляции между алекситимией и когнитивными нарушениями.

Стоит отметить, что была обнаружена значимая корреляция между алекситимией и такими нейропсихологическими показателями, как визуоскопическая обработка информации, низкие социальные когнитивные функции (Grynberg et al., 2012) и вербальные способности (Santorelli, Ready, 2015), а также между тревогой и депрессией (Mosson et al., 2014), однако некоторые авторы не обнаружили корреляции между ними (Dulau et al., 2017).

В исследовании M. Karukivi et al. (2016) было установлено, что такие компоненты алекситимии, как «трудность в описании собственных чувств» и «внешне ориентированное мышление» имеют сильную корреляцию с артериальной гипертензией, а нарушение церебральной перфузии у больных артериальной гипертензией оказывает существенное влияние на нарушение когнитивных функций (ухудшение процессов запоминания, неустойчивость внимания, замедление психомоторной реакции) (Vicario et al., 2005).

P. Elwood et al. (2002) показали, что пациенты с ИБС имеют довольно низкие результаты не только по нейропсихологическим, но и по специфическим когнитивным тестам, что объясняется нарушением церебральной перфузии в головном мозге. Также пациенты с ИБС с высшим образованием реже имеют когнитивные расстройства за счет более высокого уровня КР. Данный факт может напрямую указывать на связь уровня КР с риском развития как временных, так и стойких

когнитивных нарушений при имеющейся ИБС, а также после проведения высокотехнологичных операций на сердце. Однако факторы, влияющие на прогрессирование когнитивных нарушений у данного контингента пациентов, до сих пор мало изучены.

Таким образом, можно предположить, что такая личностная характеристика, как алекситимия оказывает негативное влияние на этиопатогенез ИБС, являясь фактором риска развития данной патологии. Также алекситимия, согласно полученным ранее данным на выборках больных с рассеянным склерозом, по всей видимости, связана с уровнем КР. В связи с вышесказанным представляется актуальным провести определенные исследования с применением аналогичных методик для уточнения характера этой связи и механизмов взаимовлияния друг на друга на выборке больных с ИБС.

Заключение

На сегодняшний день многими исследователями признаются не только биологические, но также и психологические факторы, оказывающие негативное влияние на этиопатогенез ИБС. Особое внимание уделяется риску когнитивных расстройств вследствие прогрессирования данного заболевания или же после оперативного вмешательства, что влечет за собой ухудшение качества жизни пациента и служит предиктором неблагоприятного исхода в дальнейшем.

Учитывая, что классификация и структуризация всего спектра нейропсихологических нарушений у пациентов с ИБС значительно затруднена как в диагностическом, так и в лечебно-реабилитационном смысле, концепция КР представляется наиболее потенциально адекватной моделью для решения данной проблемы. Предполагается, что использование данной модели может значительно улучшить эффективность не только психологической, но и физической реабилитации пациентов с ИБС, сделав акцент преимущественно на «когнитивной реабилитации» больных, потому как по большей части именно от этого зависит течение и прогноз указанной патологии в дальнейшем.

Тем не менее в клинической психологии на сегодняшний день практически отсутствуют исследования, раскрывающие потенциальные механизмы, лежащие в основе КР и их связь с такими личностными характеристиками, как алекситимия, особенно в контексте изучения психосоматических расстройств типа ИБС. Однако, как указывалось ранее, подобные исследования были проведены на выборке больных с рассеянным склерозом. Полученные данные демонстрируют противоречивые результаты, что представляет открытое поле для дальнейших исследований в этой сфере. Имеет смысл провести серию подобных исследований на выборке больных с ИБС с целью потенциального уточнения соотношения алекситимических черт личности человека и уровня КР, а также для более точного понимания самих механизмов КР и его взаимосвязи с феноменом алекситимии в контексте ИБС.

Благодарности и финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-013-00689 А).

Список литературы

- Агеенкова Е.К.* Произвольное пролонгирование психоэмоционального стресса как фактор риска сердечно-сосудистых заболеваний // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие.* 2016. № 4. С. 98—102.
- Балашкевич Н.А., Керимкулова А.С., Жумамбаева Р.М.* Психосоматические аспекты, влияющие на развитие сердечно-сосудистых заболеваний // *Наука и здравоохранение.* 2013. № 5. С. 42—44.
- Вербичкая С.В.* Ведение пациентов с постинсультной деменцией // *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика.* 2013. № 2S. С. 46—49.
- Винокур В.А.* Психосоматические механизмы развития сердечно-сосудистых заболеваний: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб.: СЗГМУ им. И.И. Мечникова, 2002. 42 с.
- Гарганеева Н.П., Белокрылова М.Ф., Тюкалова Л.И., Лебедева В.Ф.* Влияние невротических и аффективных расстройств на формирование предикторов ишемической болезни сердца и нарушений углеводного и жирового обменов // *Бюллетень сибирской медицины.* 2015. Т. 14. № 5. С. 22—28.
- Гимоян Л.Г., Силванян Г.Г.* Нарушение когнитивных функций: актуальность проблемы, факторы риска, возможности профилактики и лечения // *Архив внутренней медицины.* 2013. № 2 (10). С. 35—40.
- Дайникова Е.И., Пизова Н.В.* Когнитивный резерв и когнитивные нарушения: лекарственные и нелекарственные методы коррекции // *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика.* 2014. № 2S. С. 62—68.
- Еремина Д.А.* Динамика когнитивных функций больных ишемической болезнью сердца в процессе реабилитации после коронарного шунтирования: дис. ... канд. психол. наук. СПб.: СПбГУ, 2015. 211 с.
- Ефимова Н.Ю., Чернов В.И., Ефимова И.Ю., Шнайдер О.Л., Попов С.В.* Когнитивная функция и церебральная перфузия у пациентов с постоянной формой фибрилляции предсердий // *Неврологический журнал.* 2009. Т. 14. № 5. С. 15—18.
- Зайнуллина М.А.* Особенности памяти и внимания у больных гипертонической болезнью и ишемической болезнью сердца: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб.: СПбГУ, 2000. 188 с.
- Николаев Е.Л., Лазарева Е.Ю.* Особенности психической дезадаптации при сердечно-сосудистых заболеваниях // *Вестник Чувашского университета.* 2013. № 4. С. 209—212.
- Слободин Т.Н., Горева А.В.* Когнитивные резервы: причины снижения и защитные механизмы // *Международный неврологический журнал.* 2012. № 3 (49). С. 161—165.
- Солодухин А.В., Серый А.В., Трубникова О.А., Яницкий М.С., Барбараш О.Л.* Взаимосвязь когнитивного статуса и копинг-поведения пациентов с ишемической болезнью сердца перед подготовкой к аортокоронарному шунтированию // *Здоровье и образование в XXI веке.* 2016. Т. 18. № 6. С. 20—24.
- Солодухин А.В., Беззубова В.А., Кухарева И.Н., Иноземцева А.А., Серый А.В., Яницкий М.С., Трубникова О.А., Барбараш О.Л.* Взаимосвязь психологических характеристик внутренней картины болезни и копинг-поведения пациентов с ишемической болезнью сердца с параметрами их когнитивного статуса // *Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика.* 2017. Т. 14. № 2. С. 178—189. doi: 10.22363/2313-1683-2017-14-2-178-189
- Стрижицкая О.Ю.* Когнитивный резерв как психологический и психофизиологический ресурс в период старения // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика.* 2016. Вып. 2. С. 79—87.

- Трубникова О.А., Тарасова И.В., Сырова И.Д., Мамонтова А.С., Коваленко А.В., Барбараи О.Л., Барбараи Л.С. Нейропсихологический статус пациентов с малыми и умеренными стенозами сонных артерий, перенесших коронарное шунтирование // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2013. Т. 113. № 3. С. 28–33.
- Фонякин А.В. Сердечно-сосудистые заболевания и нарушение когнитивных функций. Профилактика и лечение // Русский медицинский журнал. 2011. Т. 19. № 9 (403). С. 538–544.
- Шумков К.В., Лефтеров Н.П., Пак Н.Л., Какучая Т.Т., Смирнова Ю.Ю., Полунина А.Г., Воеводина В.М., Мерзляков В.Ю., Голухова Е.З., Бокерия Л.А. Аортокоронарное шунтирование в условиях искусственного кровообращения и на работающем сердце: сравнительный анализ ближайших и отдаленных результатов и послеоперационных осложнений (нарушения ритма сердца, когнитивные и неврологические расстройства, реологические особенности и состояние системы гемостаза) // Креативная кардиология. 2009. № 1. С. 28–50.
- Bak T.H., Nissan J.J., Allerhand M.M., Deary I.J. Does bilingualism influence cognitive aging // *Annals of Neurology*. 2014. Vol. 75. Pp. 959–963. doi: 10.1002/ana.24158
- Barulli D., Stern Y. Efficiency, capacity, compensation, maintenance, plasticity: emerging concepts in cognitive reserve // *Trends in Cognitive Science*. 2013. Vol. 17. No. 10. Pp. 502–509. doi: 10.1016/j.tics.2013.08.012
- Canto J.G., Iskandrian A.E. Major risk factors for cardiovascular disease: debunking the “only 50 %” myth // *Journal of the American Medical Association*. 2003. Vol. 290. Pp. 947–949. doi: 10.1001/jama.290.7.947
- Chalah M.A., Kauw P., Lefaucheur J.P., Hodel J., Créange A., Ayache S.S. Theory of mind in multiple sclerosis: A neuropsychological and MRI study // *Neuroscience Letters*. 2017. Vol. 658. Pp. 108–113. doi: 10.1016/j.neulet.2017.08.055
- Chalah M.A., Ayache S.S. Alexithymia in multiple sclerosis: A systematic review of literature // *Neuropsychologia*. 2017. Vol. 104. Pp. 31–47. doi: 10.1016/j.neuropsychologia.2017.07.034
- Dulau C., Deloire M., Diaz H., Saubusse A., Charre-Morin J., Prouteau A., Brochet B. Social cognition according to cognitive impairment in different clinical phenotypes of multiple sclerosis // *Journal of Neurology*. 2017. Vol. 264. No. 4. Pp. 740–748. doi: 10.1007/s00415-017-8417-z
- Elwood P.C. Vascular disease and cognitive function in older men in the Caerphilly cohort // *Age Ageing*. 2002. Vol. 31. No. 1. Pp. 43–48. doi: 10.1093/ageing/31.1.43
- Friedman M., Rosenman R.H. Association of specific overt behavior pattern with blood and cardiovascular findings; blood cholesterol level, blood clotting time, incidence of arcus senilis, and clinical coronary artery disease // *Journal of the American Medical Association*. 1959. Vol. 169. No. 12. Pp. 1286–1296. doi: 10.1161/01.cir.24.5.1173
- Grynberg D., Luminet O., Corneille O., Grèzes J., Berthoz S. Alexithymia in the interpersonal domain: A general deficit of empathy? // *Personality and Individual Differences*. 2010. Vol. 49. Pp. 845–850. doi: 10.1016/j.paid.2010.07.013
- Hu G.-C., Chen Y.-M. Post-stroke Dementia: Epidemiology, Mechanisms and Management // *International Journal of Gerontology*. 2017. Vol. 11. No. 4. Pp. 210–214. doi: 10.1016/j.ijge.2017.07.004
- Jagust W.J., Mormino E.C. Lifespan brain activity, β -amyloid, and Alzheimer’s disease // *Trends in Cognitive Sciences*. 2011. Vol. 15. No. 11. Pp. 520–526. doi: 10.1016/j.tics.2011.09.004
- Kanaya A.M., Barrett-Connor E., Gildengorin G., Yaffe K. Change in cognitive function by glucose tolerance status in older adults: a 4-year prospective study of the Rancho Bernardo study cohort // *Archives of internal medicine*. 2004. Vol. 164. No. 12. Pp. 1327–1333. doi: 10.1001/archinte.164.12.1327

- Karukivi M., Jula A., Hutri-Kähönen N., Juonala M., Raitakari O.* Is alexithymia associated with metabolic syndrome? A study in a healthy adult population // *Psychiatry Research.* 2016. Vol. 236. Pp. 58—63. doi: 10.1016/j.psychres.2015.12.034
- Lichtman J., Froelicher E.S., Blumenthal J.A., Carney R.M., Doering L.V., Frasure-Smith N., Freedland K.E., Jaffe A.S., Leifheit-Limson E.C., Sheps D.S., Vaccarino V., Wulsin L.* Depression as a risk factor for poor prognosis among patients with acute coronary syndrome: systematic review and recommendations: a scientific statement from the American Heart Association // *Circulation.* 2014. Vol. 129. Pp. 1350—1369. doi: 10.1161/cir.0000000000000019
- Liu R., Hernandez E.M., Trout Z.M., Kleiman E.M., Bozzay M.L.* Depression, social support, and long-term risk for coronary heart disease in a 13-year longitudinal epidemiological study // *Psychiatry Research.* 2017. Vol. 251. Pp. 36—40. doi: 10.1016/j.psychres.2017.02.010
- Livingston J., Sommerlad A., Orgeta V., Costafreda S.G., Huntley J., Ames D., Ballard C., Banerjee S., Burns A., Cohen-Mansfield J., Cooper C., Fox N., Gitlin L.N., Howard R., Kales H.C., Larson E.B., Ritchie K., Rockwood K., Sampson E.L., Samus Q., Schneider L.S., Selbæk G., Teri L., Mukadam N.* Dementia prevention, intervention, and care // *The Lancet.* 2017. Vol. 390. No. 10113. Pp. 2673—2734. doi: 10.1017/ipm.2018.4
- Loprinzi P., Crush E., Joyner C.* Cardiovascular disease biomarkers on cognitive function in older adults: Joint effects of cardiovascular disease biomarkers and cognitive function on mortality risk // *Preventive Medicine.* 2017. Vol. 94. Pp. 27—30. doi: 10.1016/j.ypmed.2016.11.011
- Ma L., Li Y.* The effect of depression on sleep quality and the circadian rhythm of ambulatory blood pressure in older patients with hypertension // *Journal of Clinical Neuroscience.* 2017. Vol. 39. Pp. 49—52. doi: 10.1016/j.jacc.2016.07.539
- Mahmood S. et al.* Prevalence and predictors of depression amongst hypertensive individuals in Karachi, Pakistan // *Cureus.* 2017. Vol. 9. No. 6. P. 1397. doi: 10.7759/cureus.1397
- Matsuda H.* The role of neuroimaging in mild cognitive impairment // *Neuropathology.* 2007. Vol. 27. No. 6. Pp. 570—577. doi: 10.1111/j.1440-1789.2007.00794.x
- Mosson M., Peter L., Montel S.* Impact of physical activity level on alexithymia and coping strategies in an over-40 multiple sclerosis population: a pilot study // *Revista de Neurología (Paris).* 2014. Vol. 170. No. 1. Pp. 19—25.
- Mungas D., Gavett B., Fletcher E., Farias S.T., DeCarli C., Reed B.* Education amplifies brain atrophy effect on cognitive decline: implications for cognitive reserve // *Neurobiology of Aging.* 2018. Vol. 68. Pp. 142—150. doi: 10.1016/j.neurobiolaging.2018.04.002
- Nilsson J., Lövdén M.* Naming is not explaining: future directions for the “cognitive reserve” and “brain maintenance” theories // *Alzheimer’s Research & Therapy.* 2018. Vol. 10. Pp. 1—7. doi: 10.1186/s13195-018-0365-z
- Reamy B.V., Williams P.M., Kuckel D.P.* Prevention of Cardiovascular Disease // *Primary Care.* 2018. Vol. 45. No. 1. Pp. 25—44. doi: 10.1016/j.pop.2017.11.003
- Santorelli G.D., Ready R.E.* Alexithymia and Executive Function in Younger and Older Adults // *Clinical Neuropsychology.* 2015. Vol. 29. No. 7. Pp. 938—955. doi: 10.1080/13854046.2015.1123296
- Singh-Manoux A., Sabia S., Kivimaki M., Shipley M.J., Ferrie J.E., Marmot M.G.* Cognition and incident coronary heart disease in late midlife: The Whitehall II study // *Intelligence.* 2009. Vol. 37. No. 6. Pp. 529—534. doi: 10.1016/j.intell.2008.12.001
- Sole-Padullés C., Bartres-Faz D., Junque C.* Brain structure and function related to cognitive reserve variables in normal aging, mild cognitive impairment and Alzheimer’s disease // *Neurobiology of Aging.* 2009. Vol. 30. No. 7. Pp. 1114—1124. doi: 10.1016/j.neurobiolaging.2007.10.008

- Stern Y.* What is cognitive reserve? Theory and research application of the reserve concept // *Journal of the International Neuropsychological Society*. 2002. Vol. 8. No. 3. Pp. 448–460. doi: 10.1017/s1355617702813248
- Stern Y.* Cognitive reserve and Alzheimer disease // *Alzheimer Disease & Associated Disorders*. 2006. Vol. 20. Pp. S69–S74. doi: 10.1097/01.wad.0000213815.20177.19
- Stern Y., Zarahn E., Hilton H.J., Flynn J., DeLaPaz R., Rakitin B.* Exploring the neural basis of cognitive reserve // *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*. 2003. Vol. 25. Pp. 691–701. doi: 10.1076/jcen.25.5.691.14573
- Stern Y., Gazes Y., Razlighi Q., Steffener J., Habeck C.* A task-invariant cognitive reserve network // *NeuroImage*. 2018. Vol. 178. Pp. 36–45. doi: 10.1016/j.neuroimage.2018.05.033
- Valenzuela M.J., Sachdev P., Wen W., Chen X., Brodaty H.* Lifespan mental activity predicts diminished rate of hippocampal atrophy // *PLoS One*. 2008. Vol. 3. No. 7. P. e2598. doi: 10.1016/j.jalz.2008.05.2483
- Vicario A., Martinez C.D., Baretto D., Diaz Casale A., Nicolosi L.* Hypertension and cognitive decline: impact on executive function // *American Journal of Hypertension (Greenwich)*. 2005. Vol. 7. No. 10. Pp. 598–604. doi: 10.1111/j.1524-6175.2005.04498.x
- Yuan R., Wang J., Guo L.* The Effect of Sleep Deprivation on Coronary Heart Disease // *Chinese Medical Sciences Journal*. 2016. Vol. 31. No. 4. Pp. 247–253. doi: 10.1016/s1001-9294(17)30008-1

История статьи:

Поступила в редакцию: 26 сентября 2018 г.

Принята к печати: 15 января 2019 г.

Для цитирования:

Еремина Д.А., Сидоровская Ю.М. Концепция когнитивного резерва в контексте изучения ишемической болезни сердца: современные представления и перспективы научных исследований // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2019. Т. 16. № 1. С. 20–38. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-1-20-38>

Сведения об авторах:

Еремина Дарья Алексеевна — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры медицинской психологии и психофизиологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: daria.a.eremina@gmail.com

Сидоровская Юлия Михайловна — студентка 3-го курса факультета психологии по специальности «Клиническая психология» Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: sidorovskaya_yulya@mail.ru

Concept of Cognitive Reserve in Context of Studying Coronary Heart Disease: Modern Views and Prospects of Scientific Research

Daria A. Eremina, Yulia M. Sidorovskaya

Saint Petersburg State University
7—9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of a theoretical analysis of the contemporary foreign and domestic literature on the concept of the cognitive reserve, which is currently extremely urgent. The problems and the specificity of the cognitive impairments in patients with cardiovascular pathology, in particular, with coronary heart disease, as well as the main concepts and methodological problems of the concept of cognitive reserve are discussed in detail. The problem of the operationalization of this concept and the difficulties associated with it in determining the potential mechanisms of the cognitive reserve implementation are considered. The reciprocal influence of cognitive impairments on the course and prognosis of the coronary heart disease, in particular, on the level of compliance of the cardiac patients and subsequent psychological rehabilitation has been considered. In this regard, the paper discusses the potential directions for further research on the concept of cognitive reserve in relation to coronary heart disease, namely, the prospects of the study of the relationship between cognitive impairment and affective pathology and, in particular, alexithymia, which can significantly optimize the existing rehabilitation schemes for patients with ischemic heart disease.

Key words: coronary heart disease, alexithymia, cognitive reserve, cognitive impairment, cardiovascular diseases, rehabilitation

Acknowledgements

This work was supported by RFFI (project No. 18-013-00689 A).

References

- Ageenkova, E.K. (2016). Arbitrary prolongation of psychoemotional stress as a risk factor of cardiovascular diseases. *Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development*, (4), 98—102. (In Russ.)
- Bak, T.H., Nissan, J.J., Allerhand, M.M., & Deary, I.J. (2014). Does bilingualism influence cognitive aging. *Annals of Neurology*, (75), 959—63. doi: 10.1002/ana.24158
- Balashkevich, N.A., Kerimkulova, A.S., & Zhumambaeva, R.M. (2013). Psychosomatic aspects influencing the development of cardiovascular diseases. *Science & Healthcare*, (5), 42—44. (In Russ.)
- Barulli, D., & Stern, Y. (2013). Efficiency, capacity, compensation, maintenance, plasticity: emerging concepts in cognitive reserve. *Trends in Cognitive Sciences*, 17(10), 502—9. doi: 10.1016/j.tics.2013.08.012
- Canto, J.G., & Iskandrian A.E. (2003). Major risk factors for cardiovascular disease: debunking the “only 50 %” myth. *Journal of the American Medical Association*, (290), 947—949. doi: 10.1001/jama.290.7.947
- Chalah, M.A., Kauv, P., Lefaucheur, J.P., Hodel, J., Créange, A., & Ayache, S.S. (2017). Theory of mind in multiple sclerosis: a neuropsychological and MRI study. *Neuroscience Letters*, (658), 108—113. doi: 10.1016/j.neulet.2017.08.055

- Chalah, M.A., & Ayache, S.S. (2017). Alexithymia in multiple sclerosis: a systematic review of literature. *Neuropsychologia*, (104), 31–47. doi: 10.1016/j.neuropsychologia.2017.07.034
- Dainikova, E.I., & Pizova, N.V. (2014). Cognitive reserve and cognitive impairment: medicinal and non-drug correction methods. *Nevrologiya, neiropsikhiatriya, psikhosomatika*, (2S), 62–68. (In Russ.)
- Dulau, C., Deloire, M., Diaz, H., Saubusse, A., Charre-Morin, J., Prouteau, A., & Brochet, B. (2017). Social cognition according to cognitive impairment in different clinical phenotypes of multiple sclerosis. *Journal of Neurology*, 264 (4), 740–8. doi: 10.1007/s00415-017-8417-z
- Efimova, N.Yu., Deloire, M., Diaz, H., Saubusse, A., Charre-Morin, J., Prouteau, A., & Brochet, B. (2009). Cognitive function and cerebral perfusion in patients with a constant form of atrial fibrillation. *Neurological Journal*, 14(5), 15–18. (In Russ.)
- Elwood, P.C. (2002). Vascular disease and cognitive function in older men in the Caerphilly cohort. *Age Ageing*, 31(1), 43–8. doi: 10.1093/ageing/31.1.43
- Eremina, D.A. (2015). *Dinamika kognitivnykh funktsij bolnyh ishemicheskoy boleznyu serdca v processe reabilitacii posle koronarnogo shuntirovaniya*. Ph.D. in Psychology Thesis. Saint Petersburg. (In Russ.)
- Fonyakin, A.V. (2011). Cardiovascular diseases and disorders cognitive functions. Prevention and treatment. *Russian Medical Journal*, 19(9), 538–544. (In Russ.)
- Friedman, M., & Rosenman, R.H. (1959). Association of specific overt behavior pattern with blood and cardiovascular findings; blood cholesterol level, blood clotting time, incidence of arcus senilis, and clinical coronary artery disease. *Journal of the American Medical Association*, 169(12), 1286–96. doi: 10.1161/01.cir.24.5.1173
- Garganeeva, N.P., Belokrylova, M.F., Tyukalova, L.I., & Lebedeva, V.F. (2015). Influence of neurotic and affective disorders on the formation of predictors of coronary heart disease and violations of carbohydrate and fat metabolism. *Bulletin of Siberian Medicine*, 14 (5), 22–28. (In Russ.)
- Gimoyan, L.G., & Silvanian, G.G. (2013). Infringement of cognitive functions: an urgency of a problem, risk factors, possibilities of preventive maintenance and treatment. *Archive of internal medicine*, 2(10), 35–40. (In Russ.)
- Grynberg, D., Luminet, O., Corneille, O., Grèzes, J., & Berthoz, S. (2010). Alexithymia in the interpersonal domain: A general deficit of empathy? *Personality and Individual Differences*, (49), 845–850. doi: 10.1016/j.paid.2010.07.013
- Hu, G.-C., & Chen, Y.-M. (2017). Post-stroke Dementia: Epidemiology, Mechanisms and Management. *International Journal of Gerontology*, 11(4), 210–214. doi: 10.1016/j.ijge.2017.07.004
- Jagust, W.J., & Mormino, E.C. (2011). Lifespan brain activity, β -amyloid, and Alzheimer's disease. *Trends Cognitive Science*, 15(11), 520–6. doi: 10.1016/j.tics.2011.09.004
- Kanaya, A.M., Barrett-Connor, E., Gildengorin, G., & Yaffe, K. (2004). Change in cognitive function by glucose tolerance status in older adults: a 4-year prospective study of the Rancho Bernardo study cohort. *Archives of internal medicine*, 164(12), 1327–33. doi: 10.1001/archinte.164.12.1327
- Karukivi, M., Jula, A., Hutri-Kähönen, N., Juonala, M., & Raitakari, O. (2016). Is alexithymia associated with metabolic syndrome? A study in a healthy adult population. *Psychiatry Research*, (236), 58–63. doi: 10.1016/j.psychres.2015.12.034
- Lichtman, J., Jula, A., Hutri-Kähönen, N., Juonala, M., Raitakari, O. (2014). Depression as a risk factor for poor prognosis among patients with acute coronary syndrome: systematic review and recommendations: a scientific statement from the American Heart Association. *Circulation*, (129), 1350–1369. doi: 10.1161/cir.0000000000000019

- Liu, R., Hernandez, E.M., Trout, Z.M., Kleiman, E.M., & Bozzay, M.L. (2017). Depression, social support, and long-term risk for coronary heart disease in a 13-year longitudinal epidemiological study. *Psychiatry Research*, (251), 36—40. doi: 10.1016/j.psychres.2017.02.010
- Livingston, J., Sommerlad, A., Orgeta, V., Costafreda, S.G., Huntley, J., Ames, D., Ballard, C., Banerjee, S., Burns, A., Cohen-Mansfield, J., Cooper, C., Fox, N., Gitlin, L.N., Howard, R., Kales, H.C., Larson, E.B., Ritchie, K., Rockwood, K., Sampson, E.L., Samus, Q., Schneider, L.S., Selbæk, G., Teri, L., & Mukadam, N. (2017). Dementia prevention, intervention, and care. *The Lancet*, 390 (10113), 2673—2734. doi: 10.1017/ipm.2018.4
- Loprinzi, P., Crush, E., & Joyner, C. (2017). Cardiovascular disease biomarkers on cognitive function in older adults: Joint effects of cardiovascular disease biomarkers and cognitive function on mortality risk. *Preventive Medicine*, (94), 27—30. doi: 10.1016/j.ypmed.2016.11.011
- Ma, L., & Li, Y. (2017). The effect of depression on sleep quality and the circadian rhythm of ambulatory blood pressure in older patients with hypertension. *Journal of Clinical Neuroscience*, (39), 49—52. doi: 10.1016/j.jacc.2016.07.539
- Mahmood, S., Hassan, S.Z., Tabraze, M., Khan, M.O., Javed, I., Ahmed, A., Siddiqui, O.M., Narmeen, M., Ahmed, M.J., Tariq, A., Patel, M.S., & Fatima, K. (2017). Prevalence and predictors of depression amongst hypertensive individuals in Karachi, Pakistan. *Cureus*, 9(1397). doi: 10.7759/cureus.1397
- Matsuda, H. (2007). The role of neuroimaging in mild cognitive impairment. *Neuropathology*, 27(6), 570—577. doi: 10.1111/j.1440-1789.2007.00794.x
- Mosson, M., Peter, L., & Montel, S. (2014). Impact of physical activity level on alexithymia and coping strategies in an over-40 multiple sclerosis population: a pilot study. *Revista de Neurologia (Paris)*, 170(1), 19—25.
- Mungas, D., Gavett, B., Fletcher, E., Farias, S.T., DeCarli, C., & Reed, B. (2018). Education amplifies brain atrophy effect on cognitive decline: implications for cognitive reserve. *Neurobiology of Aging*, (68), 142—150. doi: 10.1016/j.neurobiolaging.2018.04.002
- Nikolaev, E.L., & Lazareva, E.Yu. (2013). Features of mental disadaptation in cardiovascular diseases. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, (4), 209—212. (In Russ.)
- Nilsson, J., & Lövdén, M. (2018). Naming is not explaining: future directions for the “cognitive reserve” and “brain maintenance” theories. *Alzheimer's Research & Therapy*, 10(1). doi: 10.1186/s13195-018-0365-z
- Reamy, B.V., Williams, P.M., & Kuckel, D.P. (2018). Prevention of Cardiovascular Disease. *Primary Care*, 45(1), 25—44. doi: 10.1016/j.pop.2017.11.003
- Santorelli, G.D., & Ready, R.E. (2015). Alexithymia and Executive Function in Younger and Older Adults. *Clinical Neuropsychology*, 29(7), 938—55. doi: 10.1080/13854046.2015.1123296
- Shumkov, K.V., Lefterova, N.P., Pak, N.L., Kakuchaya, T.T., Smirnova, Y.Yu., Polunina, A.G., Voevodina, V.M., Merzlyakov, V.Yu., Golukhova, E.Z., & Bockeria, L.A. (2009). Aortocoronary bypass in conditions of artificial circulation and working heart: a comparative analysis of immediate and long-term results and postoperative complications (cardiac arrhythmias, cognitive and neurological disorders, rheological features and the state of the hemostatic system). *Creative Cardiology*, (1), 28—50. (In Russ.)
- Singh-Manoux, A., Sabia, S., Kivimaki, M., Shipley, M.J., Ferrie, J.E., & Marmot, M.G. (2009). Cognition and incident coronary heart disease in late midlife: The Whitehall II study. *Intelligence*, 37(6), 529—534. doi: 10.1016/j.intell.2008.12.001
- Slobodin, T.N., & Goreva, A.V. (2012). Cognitive reserve: causes of decline and protective mechanisms. *International Neurological Journal*, 3(49), 161—165. (In Russ.)

- Sole-Padulles, C., Bartres-Faz, D., & Junque, C. (2009). Brain structure and function related to cognitive reserve variables in normal aging, mild cognitive impairment and Alzheimer's disease. *Neurobiology of Aging*, 30(7), 1114–1124. doi: 10.1016/j.neurobiolaging.2007.10.008
- Solodukhin, A.V., Seryy, A.V., Trubnikova, O.A., Yanitsky, M.S., & Barbarash, O.L. (2016). Interrelation of cognitive status and coping behavior of patients with coronary heart disease before preparation for coronary artery bypass grafting. *Health and Education Millennium*, 18(6), 20–24. (In Russ.)
- Solodukhin, A.V., Bezzubova, V.A., Kuhareva, I.N., Inozemtseva, A.A., Seryy, A.V., Yanitskiy, M.S., Trubnikova, O.A., & Barbarash, O.L. (2017). Interrelation of psychological characteristics of the internal picture of the disease and coping behavior of patients with ischemic heart disease with the parameters of their cognitive status. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 14(2), 178–189. doi: 10.22363/2313-1683-2017-14-2-178-189 (In Russ.)
- Stern, Y. (2002). What is cognitive reserve? Theory and research application of the reserve concept. *Journal of the International Neuropsychological Society*, 8(3), 448–460. doi: 10.1017/s1355617702813248
- Stern, Y. (2006). Cognitive reserve and Alzheimer disease. *Alzheimer Disease & Associated Disorders*, (20), S69–S74. doi: 10.1097/01.wad.0000213815.20177.19
- Stern, Y., Zarahn, E., Hilton, H.J., Flynn, J., DeLaPaz, R., & Rakitin, B. (2003). Exploring the neural basis of cognitive reserve. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, (25), 691–701. doi: 10.1076/jcen.25.5.691.14573
- Stern, Y., Gazes, Y., Razlighi, Q., Steffener, J., & Habeck, C. (2018). A task-invariant cognitive reserve network. *NeuroImage*, (178), 36–45. doi: 10.1016/j.neuroimage.2018.05.033
- Strizhitskaya, O.Yu. (2016). Cognitive reserve as a psychological and psychophysiological resource in the period of aging. *Vestnik SPbSU. Psychology and Education*, (2), 79–87. (In Russ.)
- Trubnikova, O.A., Tarasova, I.V., Syrova, I.D., Mamontova, A.S., Kovalenko, A.V., Barbarash, O.L., & Barbarash, L.S. (2013). Neuropsychological status of patients with small and moderate stenoses of carotid arteries who underwent coronary artery bypass grafting. *S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, 113(3), 28–33. (In Russ.)
- Valenzuela, M.J., Sachdev, P., Wen, W., Chen, X., & Brodaty, H. (2008). Lifespan mental activity predicts diminished rate of hippocampal atrophy. *PLoS One*, 3(7), e2598. doi: 10.1016/j.jalz.2008.05.2483.
- Verbitskaya, S.V. (2013). Management of patients with post-stroke dementia. *Nevrologiya, neiropsikhiatriya, psikhosomatika*, (S2), 46–49. (In Russ.)
- Vicario, A., Martinez, C.D., Baretto, D., Diaz Casale, A., & Nicolosi, L. (2005). Hypertension and cognitive decline: impact on executive function. *American Journal of Hypertension (Greenwich)*, 7(10), 598–604. doi: 10.1111/j.1524-6175.2005.04498.x
- Vinokur, V.A. (2002). *Psihosomaticheskie mekhanizmy razvitiya serdechno-sosudistykh zabolevanij*. PhD in Psychology Thesis. Saint Petersburg. (In Russ.)
- Yuan, R., Wang, J., & Guo, L. (2016). The effect of sleep deprivation on coronary heart disease. *Chinese Medical Sciences Journal*, 31(4), 247–253. doi: 10.1016/s1001-9294(17)30008-1
- Zainullina, M.A. (2000). *Osobennosti pamyati i vnimaniya u bolnyh gipertonicheskoy boleznyu i ishemicheskoy boleznyu serdca*. Ph.D in Psychology Thesis. Saint Petersburg. (In Russ.)

Article history:

Received: 26 September 2018

Revised: 11 November 2018

Accepted: 15 January 2019

For citation:

Eremina, D.A., & Sidorovskaya, Yu.M. (2019). Concept of Cognitive Reserve in Context of Studying Coronary Heart Disease: Modern Views and Prospects of Scientific Research. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(1), 20—38. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-1-20-38>

Bio Notes:

Daria A. Eremina — Ph.D. in Psychology, Senior Lecturer of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia). E-mail: daria.a.eremina@gmail.com

Yulia M. Sidorovskaya — 3rd year student of the Faculty of Psychology, specialty “Clinical psychology”, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia). E-mail: sidorovskaya_yulya@mail.ru

Исследовательская статья

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-1-39-54

УДК 159.91: 616-05

Соотношение сенсомоторной интеграции и тормозных процессов с особенностями внутренней позиции личности больного**О.Е. Ельникова, В.С. Меренкова**

Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина
Российская Федерация, 399770, Липецкая область, Елец, Коммунаров ул., 28/1

В статье обсуждается связь параметров сенсомоторной интеграции и тормозных процессов с особенностями внутренней позиции личности больного. Сенсомоторная интеграция рассматривается как характеристика психических процессов, позволяющая судить об особенностях пластических перестроек в мозгу при формировании новых связей. Тормозной контроль понимается как психофизиологическая характеристика, отвечающая за когнитивное торможение и подавление определенного типа поведения.

В исследовании в качестве респондентов выступали добровольные участники (общей численностью 98 человек, из них 60 женщин и 38 мужчин), имеющие разный уровень здоровья, а именно: хронически больные (3 группа здоровья) — общая численность 50 человек (средний возраст $37 \pm 11,1$ лет), здоровые люди, имеющие те или иные функциональные отклонения, — 48 человек (средний возраст $34 \pm 10,6$ лет). Для диагностики типов отношения к болезни использовалась методика ТОБОЛ Л.И. Вассермана и др. Для оценки способности респондентов распознавать упорядоченность сенсорного потока и степени сформированности тормозного контроля использовалась компьютерная методика РеБОС Е.Г. Вергунова.

Показано, что у представителей 2 и 3 групп здоровья диагностируется идентичный набор типов отношения к болезни, имеющий неконструктивный характер, что позволило произвести деление на группы по степени адаптации. Испытуемые, психическая и социальная адаптация которых не нарушена, тяжелее перестраиваются в меняющихся условиях, у них зафиксирована ригидность и недостаточная развитость тормозных процессов. Они способны к целенаправленному следованию выбранной модели поведения, но неразвитость тормозных процессов не позволяет им остановить реализацию неконструктивного отношения к здоровью. У испытуемых, тип реагирования на болезнь которых характеризуется наличием психической дезадаптации, нервная система более пластична и лучше развиты тормозные процессы. Они способны к целенаправленному следованию выбранному отношению к болезни, могут «затормозить» реализацию выбранной стратегии. При этом респонденты сконцентрированы на собственном состоянии, что мешает им осуществить осознанный тормозной контроль. Полученные результаты позволяют утверждать, что восприятие сенсорного потока и уровень тор-

© Ельникова О.Е., Меренкова В.С., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

мозных процессов связаны с внутренней позицией личности, но характер данной связи определяется степенью конструктивности отношения к болезни.

Ключевые слова: здоровье, болезнь, типы отношения к болезни, сенсомоторная интеграция, тормозной контроль, «задача go/go», «задача go/no-go», внутренняя позиция личности больного

Введение

Личность по своей феноменологии предполагает развитие, при этом не имеет значения на каком этапе онтогенеза личность находится и каков уровень ее здоровья. Общеизвестным является тот факт, что концепция развития личности В.С. Мухиной строится на признании диалектического единства трех основных факторов: генотип — как некие врожденные особенности человека; внешние условия; внутренняя позиция самого человека. Как правило, рассуждая о развитии личности в различные периоды жизни, которые зачастую сопровождаются депривационными условиями, акцент делается на втором факторе, определяющем развитие и формирование личности, и в частности на особенностях социальной ситуации. Все вышесказанное в полной мере относят и к людям в той или иной степени потерявшим здоровье. Но В.С. Мухиной также отмечалось, что опосредование не исключает формирования собственно внутренней позиции личности. Именно на данном, третьем факторе, определяющем развитие личности, мы считаем целесообразным остановиться при рассмотрении специфики формирования личностного конструкта человека, страдающего той или иной хронической болезнью (Мухина, 2017).

Обращение к изучению личности больного не случайно. К сожалению, данные представленные в статистических отчетах об уровне здоровья россиян не утешительны: так, за 2017 год в России на 1 тыс. здоровых людей приходилось 785,3 человек, обратившихся в медицинские учреждения. И это только одна цифра из статистического отчета. Ряд исследователей, обращаясь к проблеме здоровья-сбережения, указывают на то, что уровень здоровья обусловлен уровнем жизни людей. И с этим трудно не согласиться. Согласно рейтингу, составленному агентством Legatum Prosperity Index, в 2017—2018 годах, Россия в мировом списке занимает лишь 61 место из 142 стран, располагаясь между Шри-Ланкой и Вьетнамом. Тем не менее считать, что уровень здоровья определяют только внешние условия, как уже отмечалась выше, не конструктивно.

Существует множество исследований, указывающих на то, что здоровье человека это не только биологический, физиологический, но и психологический феномен. Так, В.А. Ананьевым выделены три группы психологических факторов, ведущих к здоровью и болезни:

- независимые факторы: предрасполагающие факторы, поддерживающие диспозиции, эмоциональные особенности личности, когнитивные факторы;
- передающие факторы: поведение или реакция, возникающие в ответ на действие различных стрессоров;
- мотиваторы, заставляющие человека действовать определенным образом по отношению к своему здоровью; к ним относятся знание человеком наиболее

вероятных причин смертности, стрессоры, заставляющие человека напрягаться и менять прежнее поведение в той или иной мере (Ананьев, 2006).

Как известно, самосознание, формирование внутренней позиции личности происходит в ходе онтогенетического развития. Это в полной мере относится к здоровьесберегающему и здоровьесформирующему поведению. Существуют экспериментальные данные, показывающие, что источник возникновения различий в здоровье взрослых надо искать в их детстве (Николаева, 2016; Nikolaeva et al., 2018). Потеря здоровья является результатом не только неких наследственно обусловленных физиологических особенностей, но и отношения к здоровью. Именно внутреннее отношение к здоровью или болезни может стать неким фундаментом, так сказать, «стартовой площадкой» потенциальных изменений, способствующих выходу из болезни и улучшению качества жизни. Исследование функциональных характеристик, лежащих в основе управления изменением поведения, представляет собой большую прогностическую ценность, позволяющую понять причину формирования неконструктивных ее форм.

В качестве функциональных характеристик, способных оказать влияние на процесс управления человеком своим поведением, можно рассматривать сенсомоторную интеграцию и тормозной контроль. Сенсомоторная интеграция является важнейшей характеристикой психических процессов, позволяющей судить об особенностях пластических перестроек в мозгу при формировании новых связей. Тормозной контроль отвечает за когнитивное торможение и подавление определенного типа поведения. Как сенсомоторная интеграция, так и тормозной контроль обеспечивают функции, связанные с изменением поведения.

Влияние указанных выше функциональных характеристик на поведение человека на разных этапах онтогенетического развития описано в исследованиях ряда отечественных и зарубежных психологов. Так, согласно данным S.E. O'Toole et al. (2016), дети, у которых тормозные процессы более сформированы, реже проявляют физическую агрессию, лучше учатся в школе. Данные P. Tough (2012) указывают, что сформированность тормозных процессов повышает внимательность. Активизацию участия в коллективной школьной деятельности за счет высокого уровня тормозных процессов экспериментально доказал K. Drake с соавт. (2014). Нельзя не отметить, что максимального развития указанные функции достигают в подростковом возрасте, когда идет интенсивное созревание префронтальной коры (Kaunhoven, Dorjee, 2017). При этом нет однозначной связи между развитием префронтальной коры и эффективностью тормозных процессов испытуемых. Например, в лонгитюдном исследовании (в возрастные периоды от раннего детства к подростковому возрасту) соотношения вовлеченности префронтальных областей и тормозного контроля было показано с использованием томографии снижение активации префронтальной коры в задачах, направленных на оценку функций управления изменением поведения (Ordaz, 2013). Результат объяснялся уменьшением усилий с возрастом для выполнения одного и того же задания.

Обращение к тормозному контролю в рамках нашего исследования обусловлено тем, что именно для данной функциональной характеристики свойственна высокая прогностическая значимость. В одном из самых масштабных исследований были оценены 1000 детей-ровесников, рожденных в одном населенном

пункте. Лонгитюд продолжался 32 года. Тщательность исследования подтверждается тем, что через 32 года исследователи смогли найти 96 % первоначальных испытуемых (Moffitt, 2014). Результаты, полученные в ходе данного исследования, свидетельствуют о том, что имевшие в возрасте от 3 до 11 лет лучший тормозной контроль (например, были более терпеливы, настойчивы и менее импульсивны в выполнении заданий) затем реже курили и пользовались наркотиками. Взрослыми они были в лучшей физической форме и не зависели от привычек. Получали более высокую зарплату и не нарушали закон в сравнении с теми, у кого был меньший тормозной контроль до 11 лет.

Второй функциональной характеристикой, способной оказать влияние на процесс управления человеком своим поведением, можно считать сенсомоторную интеграцию. Анализ исследований ряда отечественных психологов (Даренская, Ушаков, Иванов, Насонова, Есауленко, Попов, 2004) позволяет утверждать, что измерение времени сенсомоторных реакций, как правило, производится в рамках серии тестовых проб демонстрации испытуемым тех или иных стимулов в определенной последовательности и за определенный промежуток времени. При этом рядом исследователей (Нехорошкова, Грибанов, Депутат, 2015) отмечается необходимость учета одного из важнейших компонентов инструкции, а именно: «установка реагировать как можно быстрее».

Ранее измерение сенсомоторных реакций использовались для выявления особенностей функционирования организма взрослых, но в последнее время сенсомоторные тесты стали применяться и при проведении психофизиологических исследований детей. На это указывают данные, представленные в работах ряда отечественных и зарубежных психологов и психофизиологов (Зайцев, Лупандин, Сурнина, 1999; Тарасова, Селиверстова, Жданкина, 2000; Канжина, Грибанов, 2009; Gamble, Raree, 2009; Нехорошкова, Грибанов, 2011; Нехорошкова, Грибанов, Депутат, 2015, Nikolaeva et al., 2018). Как правило, характеристики сенсомоторного реагирования используются для оценки и описания когнитивных функций (восприятия, внимания, памяти, мышления) человека или для определения профессиональной пригодности, а также уровня работоспособности (Чуприкова, 1995; Ендриховский, Шамшинова, Соколов, 1996; Коробейникова, 2000; Тарасова, Селиверстова, Жданкина, 2000; Демакова, Шерстяных, 2004; Айдаркин, 2005; Фейгенберг, 2008; Savion-Lemieux, Bailey, Penhune, 2009; Нехорошкова, Грибанов, Депутат, 2015, Nikolaeva et al., 2018).

Такой подход, по нашему мнению, сужает спектр использования полученных в ходе диагностики данных. Мы солидарны с мнением А.Н. Нехорошковой, А.В. Грибанова, И.В. Депутата (2015), которые указывают, что «изучению эмоционально-мотивационной составляющей сенсомоторной деятельности должного внимания не уделяется. Метод измерения показателей сенсомоторных реакций является информативным и для психофизиологического изучения эмоционально-личностной сферы человека. Необходимость в совершенствовании способов оценки функционирования эмоциональных структур ЦНС обусловлена актуальностью проблемы исследования высшей нервной деятельности человека в стрессогенных ситуациях для современного научного мира» (Нехорошкова, Грибанов, Депутат, 2015, с. 45).

В большинстве случаев изменение поведения требует предварительного решения, связанного с сенсомоторной интеграцией. Поэтому сенсомоторную реакцию можно рассматривать как некий универсальный показатель общего состояния центральной нервной системы человека, который позволяет определить способность к быстрому и адекватному реагированию на изменение среды, даже на неожиданные изменения. При оценке сенсомоторной реакции фиксируется так называемое время реакции. Измерение времени сенсомоторной реакции является универсальным методом оценки психологического состояния человека, так как время этой реакции человека определяют внутренние механизмы человека. Зная особенности сенсомоторной реакции человека, можно еще до возникновения стрессогенной обстановки подготовить человека к определенному сценарию развития событий. Сенсомоторная интеграция лежит в основе обеспечения компенсации, что способствует целенаправленному следованию выбранной модели поведения, определенному плану, соответствию требованиям.

Обозначенные выше функциональные характеристики могут выступать некой психофизиологической основой, фундаментом внутренней позиции человека и определять вектор его активности. В связи с этим *целью нашего исследования* являлось детальное изучение внутренней позиции человека, в той или иной степени потерявшего здоровье, для того чтобы не только понять основную причину потери здоровья, но и выстроить грамотное отношение к заболеванию, что будет способствовать как формированию конструктивного поведения людей уже потерявших здоровье, так и предотвращению потери здоровья.

Процедура и методы

Выборка. В качестве респондентов были отобраны добровольные участники (из сферы науки и образования), средний возраст которых составил 35,1 лет. Общая численность — 98 человек, из них 60 женщин и 38 мужчин. Участники были с разным уровнем здоровья:

1) люди, имеющие диагноз — хроническое заболевание — в стадии клинической ремиссии (3 группа здоровья). Общая численность представителей данной группы — 50 человек (возраст от 17 до 40 лет);

2) здоровые люди, имеющие те или иные функциональные отклонения, но без симптомов хронических заболеваний (2 группа здоровья) — 48 человек (возраст от 17 до 34 лет).

Уровень здоровья испытуемых был установлен на основании анализа медицинских карт, который проводился с письменного согласия респондентов. Как отмечалось выше, испытуемые были разного пола, но между мужчинами и женщинами не выявлено достоверного статистического различия по изучаемым показателям, поэтому всех участников исследования можно объединить в выборку без учета половой принадлежности.

Методики. Для диагностики типов отношения к болезни использовалась методика «Тип отношения к болезни» (ТОБОЛ), которая позволяет диагностировать следующие 12 типов отношения: сенситивный, тревожный, ипохондрический, меланхолический, апатический, неврастенический, эгоцентрический, параной-

яльный, анозогнозический, дисфорический, эргопатический и гармоничный (Вассерман и др., 2005, с. 6). В основу структурирования по типам были положены подструктуры отношений личности к болезни, ее лечению, врачам и медперсоналу, родным и близким, окружающим, работе (учебе), одиночеству, будущему, а также самооценка самочувствия, настроения, сна и аппетита (Вассерман и др., 2005, с. 6).

Эти типы отношения к болезни объединены в три блока согласно двум критериям: «адаптивность — дезадаптивность» и «интер — интрапсихическая направленность» дезадаптации (в случае дезадаптивного характера отношения). Первый блок, характеризующийся отсутствием психической дезадаптации, включает три типа отношения к болезни: гармоничный, эргопатический и анозогнозический. «Во второй и третий блоки включены типы реагирования на болезнь, характеризующиеся наличием психической дезадаптации в связи с заболеванием и различающиеся преимущественно интрапсихической или интерпсихической направленностью реагирования на болезнь» (Вассерман и др., 2005, с. 6). Результаты, полученные в ходе диагностики с использованием ТОБОЛ, позволяют выявить конструктивное и не конструктивное отношение к здоровью в ситуации его потери. То или иное отношение позволяет нам определить некую внутреннюю позицию личности в ситуации потери здоровья.

Для оценки способности респондентов распознавать упорядоченность сенсорного потока и степени сформированности тормозного контроля использовалась компьютерная методика РеБОС (Вергунов, 2018), с помощью которой фиксировались простая и сложная сенсомоторная реакция. В случае оценки простой сенсомоторной реакции испытуемый должен был сидеть перед экраном монитора, на котором появлялись круги разного цвета. При появлении круга любого цвета респондент должен максимально быстро нажать клавишу «пробел». При фиксации сложной сенсомоторной реакции, инструкция определяла следующий алгоритм действий: участнику исследования нужно реагировать на стимул нажатием клавиши «пробел» при появлении любых кругов, кроме красного, что позволило оценивать тормозные процессы. Поток предъявляемых сигналов имел фрактальную структуру. Оценивались следующие показатели: среднее время реакции и пропуски стимула, то есть ошибки. Фиксировались ошибки первого, второго и третьего рода. Ошибки первого рода — испытуемый нарушает инструкцию, не нажимает на «пробел», хотя необходимо было нажать. Ошибки второго и третьего рода: в серии простой сенсомоторной реакции — реагирует на стимул нажатием клавиши «пробел» в случаях, когда этого не надо было делать; в сложной сенсомоторной реакции — нажимает на клавишу в ходе демонстрации «запрещенного» стимула (круга красного цвета). В англоязычной литературе фиксация сенсомоторной реакции получила название go/go, go/no-go и stop/go. Задача go/go соответствует простой сенсомоторной реакции. Задачи go/no-go и stop/go — сложной сенсомоторной реакции, то есть испытуемому предлагается не реагировать при появлении определенного сигнала. Фиксация указанных показателей позволяет оценить характер сенсомоторной интеграции и уровень тормозного контроля. Следует отметить одну особенность: программа построена таким образом, что вторая часть сенсорного потока точно дублирует первую, но испытуемым об особенностях диагностической программы не сообщается.

Для определения статистической значимости различий средних величин использовался t-критерий Стьюдента. Статистическая обработка осуществлялась с помощью программы IBM SPSS Statistics версии 22.

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе исследования были проанализированы данные, полученные в ходе диагностики типов отношения к болезни. Анализ результатов позволяет утверждать, что не было выявлено различий в типах отношения к болезни между представителями разных групп здоровья. Показан практически идентичный набор типов. Тем не менее у представителей второй группы здоровья диагностируется больше типов реагирования на болезнь, характеризующиеся наличием психической дезадаптации в связи с заболеванием. Следует отметить, что выявлены доминирующие типы отношения к болезни. Это анозогнозический и эргопатический.

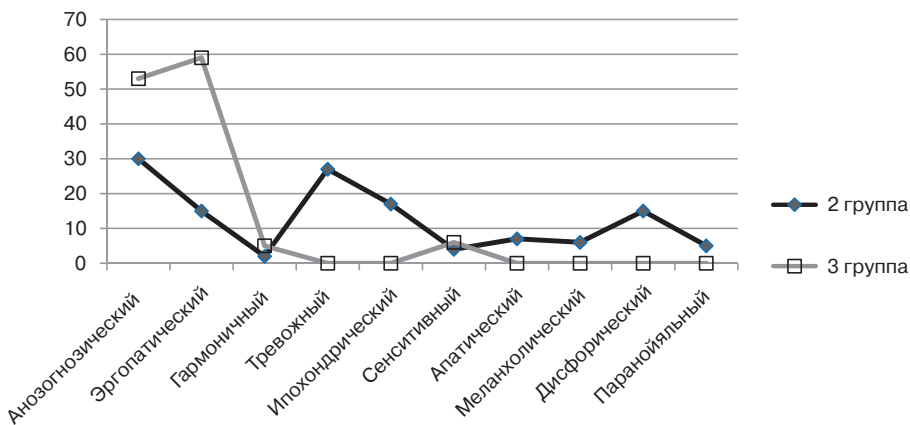

Рисунок. Графическое изображение типов отношения к болезни у испытуемых разных групп здоровья (вертикальная ось указывает среднее значение в баллах)

[Figure. Graphical representation of the types of attitude to the disease among the respondents from different health groups (vertical axis indicates the average value)]

Таким образом, можно говорить о том, что подавляющее большинство испытуемых, вне зависимости от наличия или отсутствия психической и социальной адаптации, имеют неконструктивное отношение к болезни.

Полученные результаты позволили нам произвести дальнейшее деление респондентов с учетом их «адаптивности» и «деадаптивности» в связи с заболеванием. Испытуемые были разделены на две группы:

- 1) имеющие тип отношения к болезни, при котором психическая и социальная адаптация существенно не нарушается (первый блок);
- 3) имеющие тип реагирования на болезнь, характеризующийся наличием психической дезадаптации в связи с заболеванием (второй и третий блоки).

Данное деление позволило определить степень идентичности психофизиологических механизмов, лежащих в основе выбора неконструктивного отношения как в случае нарушения адаптации, так и при наличии отношений к болезни, при которых психическая и социальная адаптация существенно не нарушается. Вли-

яние состава групп на состав блоков с позиций изучаемых показателей не обнаружено.

Затем была проведена серия рефлексометрических измерений при помощи компьютерной методики РеБОС. На начальном этапе проводилась тренировочная серия, в ходе которой испытуемые запоминали инструкцию и нажимали на «пробел» при появлении стимула (табл. 1).

Как видно из данных представленных в табл. 1, испытуемые, у которых выявлены типы отношения к болезни, относящиеся к первому блоку, успешно и стабильно прошли тренировочную серию. Среднее время реакции фактически не изменилось, равно как и количество ошибок. У испытуемых, имеющих тип отношения к болезни, указывающий на наличие дезадаптации, среднее время реакции возросло во второй части потока, но нельзя не отметить, что количество ошибок осталось практически неизменным. При сравнении их с испытуемыми первой группы выявлено, что количество ошибок первого рода (надо нажимать — испытуемый не нажал) у них выше.

В серии простых сенсомоторных реакций допущенные испытуемыми ошибки сопровождалась звуковым сигналом, таким образом испытуемые понимали, что допустили ошибку. Изменившиеся условия сказались на результатах. Показано, что у испытуемых, психическая и социальная адаптация которых существенно не нарушена, увеличилось среднее время реакции во второй части потока и количество ошибок, особенно третьего рода (нажимает, когда не надо нажимать) (табл. 2). Следует отметить, что среднее время реакций намного стабильнее, чем у испытуемых другой группы. Участники исследования, имеющие тип отношения к болезни, характеризующийся наличием психической дезадаптации в связи с заболеванием, в начале серии показали «лучшее» время реакции в сравнении с представителями первой группы, но во второй части сенсорного потока время значительно возросло, при этом уменьшилось количество ошибок как первого, так и третьего рода. То есть дезадаптированные испытуемые перестроились, мобилизовались и даже при увеличении «времени реакции» стали совершать меньше ошибок, что нельзя сказать об адаптированных испытуемых, которые явно растерялись и начали совершать большее количество ошибок, хотя в тренировочной серии демонстрировали завидную стабильность.

В серии сложных сенсомоторных реакций, как уже отмечалось выше, не нужно было нажимать на клавишу «пробел» при появлении определенного стимула (красного круга), ошибки также сопровождалась звуковым сигналом.

Из представленных в табл. 3 данных видно, что к концу проведения рефлексометрических проб практически все испытуемые «научились» реагировать на стимулы. На это указывает уменьшение количества ошибок во второй части потока. Но лучше всего с задачей справились испытуемые, тип реагирования на болезнь которых характеризуется наличием психической дезадаптации в связи с заболеванием: у них незначительно увеличилось среднее время реакции, но количество ошибок во второй части потока значительно уменьшилось. В то время как у испытуемых, психическая и социальная адаптация которых существенно не нарушена, во второй части потока увеличилось как среднее время реакции, так и количество ошибок третьего рода.

Таблица 1 / Table 1

**Результаты тренировочной серии рефлексометрических измерений (среднее и стандартное отклонение)
[Results of training series of reflectometric measurements (mean and standard deviation)]**

Тип отношения к болезни	Первая часть потока			Вторая часть потока		
	Среднее время реакций	Количество ошибок 1 рода	Количество ошибок 3 рода	Среднее время реакций	Количество ошибок 1 рода	Количество ошибок 3 рода
Первый блок типов отношения к бо-лезни	321,3 ± 41,4	2,15 ± 3,3	1,05 ± 1,8	320,2 ± 43,9	1,9 ± 3	1,25 ± 1,9
Второй и третий блоки типов отноше-ния к болезни	311,2* ± 24,8	3,0 ± 5,3	1,4 ± 2,3	322,6* ± 48,3	3,5 ± 5,7	1,2 ± 1,7

* — $p \leq 0,05$ (уровень значимости различий между соответствующими показателями первой и второй частей сенсорного потока по t-критерию Стьюдента).

Таблица 2 / Table 2

**Результаты рефлексометрических измерений в серии простых сенсомоторных реакций (среднее и стандартное отклонение)
[Results of reflectometric measurements: series of simple sensorimotor reactions (mean and standard deviation)]**

Тип отношения к болезни	Первая часть потока			Вторая часть потока		
	Среднее время реакций	Количество ошибок 1 рода	Количество ошибок 3 рода	Среднее время реакций	Количество ошибок 1 рода	Количество ошибок 3 рода
Первый блок типов отношения к бо-лезни	320,05 ± 53,4	1,7 ± 2,8	1,55 ± 2,8	328,1 ± 51,7	2,05 ± 2,7	2,1 ± 5
Второй и третий блоки типов отноше-ния к болезни	308,1* ± 22,1	2,2 ± 2,8	0,6 ± 0,7	321,7* ± 42,7	1,2 ± 1,9	0,5 ± 0,7

* — $p \leq 0,05$ (уровень значимости различий между соответствующими показателями первой и второй частей сенсорного потока по t-критерию Стьюдента).

Таблица 3 / Table 3

**Результаты рефлексометрических измерений в серии сложных сенсомоторных реакций (среднее и стандартное отклонение)
[Results of reflectometric measurements: series of complex sensorimotor reactions (mean and standard deviation)]**

Тип отношения к болезни	Первая часть потока			Вторая часть потока		
	Среднее время реакций	Количество ошибок 1 рода	Количество ошибок 2 рода	Среднее время реакций	Количество ошибок 1 рода	Количество ошибок 2 рода
Первый блок типов отношения к бо-лезни	380,8 ± 43,7	3,1 ± 2,8	7,15 ± 3,1	395,7 ± 42,7	2,8 ± 4	5,4 ± 3,5
Второй и третий блоки типов отно-шения к болезни	370,9 ± 48,5	3,0* ± 3,5	6,8 ± 3	375,8 ± 39,9	1,35* ± 1,4	5 ± 2,5

* — $p \leq 0,05$. ** — $p \leq 0,01$ (уровень значимости различий между соответствующими показателями первой и второй частей сенсорного потока по t-критерию Стьюдента).

Заключение

На основании полученных в ходе диагностики результатов можно прийти к следующим выводам.

1. Не обнаружено различий в типах отношения к болезни между представителями различных групп здоровья. У представителей второй, равно как третьей групп здоровья диагностируется практически идентичный набор типов отношения к болезни, имеющих неконструктивный характер. Люди, в той или иной степени потерявшие здоровье, стремятся либо отвергать наличие у них симптомов болезни, либо «погружаются» в работу, тем самым «вытесняя» мысли о наличии у них заболевания.

2. Результаты рефлексометрических измерений при помощи компьютерной методики РеБОС свидетельствуют о том, что испытуемые, психическая и социальная адаптация которых существенно не нарушена (о чем свидетельствует выявленный тип отношения к болезни), тяжелее перестраиваются в меняющихся условиях. В ходе восприятия сенсорного потока представители данной группы от серии к серии демонстрируют ригидность и недостаточную развитость тормозных процессов, на это указывает увеличение среднего времени реакции и количества ошибок. По всей видимости, длительное переживание симптомов болезни привело к адаптации, стимулировало выработку некой модели поведения в ситуации потери здоровья. Представители данной группы способны к целенаправленному следованию выбранной модели поведения и следованию определенному внутреннему плану (на это указывает практически неизменное «среднее время реакции»), но при этом неразвитость тормозных процессов не позволяет им остановить реализацию неконструктивной модели поведения.

3. Результаты рефлексометрических измерений показывают, что у испытуемых, тип реагирования которых на болезнь характеризуется наличием психической дезадаптации в связи с заболеванием, нервная система более пластична и лучше развиты тормозные процессы, на что указывает уменьшение количества ошибок от серии к серии. То есть представители данной группы также способны к целенаправленному следованию выбранному отношению к болезни, но в отличие от испытуемых предыдущей группы они способны «затормозить» реализацию выбранной модели поведения. Однако, судя по типам отношения к болезни, респонденты анализируемой группы сконцентрированы на собственном эмоциональном состоянии, что мешает им осуществить осознанный тормозной контроль.

4. Полученные результаты позволяют утверждать, что восприятие сенсорного потока и уровень тормозных процессов, безусловно, связаны с внутренней позицией личности по отношению к болезни, они могут способствовать целенаправленному следованию модели поведения, «цементировать» выбранную модель. Но характер данной связи в большей степени определяется степенью конструктивности выбранной модели поведения, особенно в сфере здоровьесбережения. При выборе конструктивного отношения к здоровью положительная связь очевидна, если же отношение имеет противоположный вектор, то целенаправленность и ригидность могут затруднять изменение поведения в сторону здоровьесбережения. В любом случае знание особенностей сенсомоторной интеграции и

тормозных процессов как основы внутренней позиции людей, в той или иной степени потерявших здоровье, позволит в случае необходимости более эффективно воздействовать на выбранное отношение.

В целом полученные результаты не могут не тревожить. Большинство участников исследования вне зависимости от группы здоровья имеют неконструктивные типы отношения к заболеваниям. Необходимо отметить, что в исследовании принимали участие люди, имеющие те или иные заболевания, но при этом активно работающие или учащиеся, сохраняющие свой социальный статус. Это в полной мере соответствует адаптации к болезни, с одной стороны, и полной незащищенности от нее — с другой. У большинства участвующих в исследовании есть стратегия реализации в жизни, но отсутствует стратегия преодоления болезни, что может сказаться на их здоровье позднее. В рамках описанного этапа исследования указанный аспект не изучался, поэтому наше утверждение носит гипотетический характер и нуждается в дальнейшей проверке. Тем не менее это важные данные, которые должны знать психологи, консультирующие хронических больных.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-413-480007 а(р).

Список литературы

- Айдаркин Е.К.* Исследование особенностей взаимодействия зрительной и слуховой систем в условиях сенсомоторной интеграции // Проблемы нейрокибернетики: материалы 14-й Международной конференции. Т. 1. Ростов н/Д.: ООО «ЦВВР», 2005. С. 125–128.
- Ананьев В.А.* Введение в психологию здоровья // Интегративные исследования в клинической психологии: наука и практика: юбилейный сборник научных и методических работ сотрудников кафедры клинической психологии РГПУ им. И.А. Герцена / под ред. В.А. Ананьева, С.А. Кулакова. СПб.: Изд-во ПП «Стратегия будущего», 2006. С. 64–82.
- Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Карпова Э.Б., Вукс А.Я.* Психологическая диагностика отношения к болезни: пособие для врачей. СПб.: Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 2005. 32 с.
- Вергунов Е.Г., Николаева Е.И., Балиоз Н.В., Кривощёков С.Г.* Латеральные предпочтения как возможные фенотипические предикторы резервов сердечно-сосудистой системы и особенности сенсомоторной интеграции у альпинистов // Физиология человека. 2018. Т. 44. № 3. С. 97–108. doi: 10.7868/S0131164618030116
- Даренская Н.Г., Ушаков И.Б., Иванов И.В., Насонова Т.А., Есауленко И.Э., Попов В.И.* Экстраполяция экспериментальных данных на человека: принципы, подходы, обоснование методов и их использование в физиологии и радиобиологии: руководство. Воронеж, 2004. 232 с.
- Демакова О.А., Шерстяных В.А.* Зависимость времени простой зрительно-моторной реакции от латентного периода предъявления стимула и уровня функционального напряжения // Биология — наука XXI века: 8-я Пушкин. шк.-конф. молодых ученых: сб. ст. Пушкино, 2004. С. 109.
- Ендриховский С.Н., Шамшинова А.М., Соколов Е.Н.* Время сенсомоторной реакции человека в современных психофизических исследованиях // Сенсорные системы. 1996. Т. 10. № 2. С. 13.

- Зайцев А.В., Лупандин В.И., Сурнина О.Е. Возрастная динамика времени реакции на зрительные стимулы // *Физиология человека.* 1999. Т. 25. № 6. С. 34—37.
- Канжина Н.Н., Грибанов А.В. Аудиомоторные реакции у детей младшего школьного возраста с разным уровнем тревожности // *Экология человека.* 2009. № 10. С. 19—22.
- Коробейникова И.И. Параметры сенсомоторных реакций, психофизиологические характеристики, успеваемость и показатели ЭЭГ человека // *Психологический журнал.* 2000. Т. 21. № 3. С. 132—136.
- Мухина В.С. Личность: мифы и реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). 5-е изд., испр. и доп. М.: Национальный книжный центр, 2017.
- Нехорошкова А.Н., Грибанов А.В. Особенности зрительно-моторных реакций детей 8—11 лет с высоким уровнем тревожности // *Экология человека.* 2011. № 5. С. 43—48.
- Нехорошкова А.Н., Грибанов А.В., Депутат И.С. Сенсомоторные реакции в психофизиологических исследованиях (обзор) // *Журнал медико-биологических исследований.* 2015. № 1. С. 38—48.
- Николаева Е.И. Предсказания детства: возможен ли прогноз здоровья взрослого, основанный на изучении данных развития ребенка (на примере лонгитюдных исследований) // *Медицинская психология в России: электрон. науч. журн.* 2016. Т. 2. № 37. URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 04.12.2018).
- Тарасова А.Ф., Селиверстова Н.В., Жданкина Л.В. Исследование времени простой и сложной акустикомоторной реакции учащихся // *Физиология и психофизиология мотиваций: межрегион. сб. науч. работ. Вып. 4.* Воронеж, 2000. С. 52—54.
- Фейгенберг И.М. Быстрота моторной реакции и вероятностное прогнозирование // *Физиология человека.* 2008. Т. 34. № 5. С. 51—62.
- Чуприкова Н.И. Время реакции и интеллект: почему они связаны // *Вопросы психологии.* 1995. № 4. С. 65—114.
- Drake K., Belsky J., Fearon R.M.P. From early attachment to engagement with learning in school: The role of self-regulation and persistence // *Developmental Psychology.* 2014. Vol. 50. No. 5. Pp. 1350—1361. doi: 10.1037/a0032779.supp
- Gamble A.L., Rapee R.M. The Time-Course of Attentional Bias in Anxious Children and Adolescents // *Journal of Anxiety Disorders.* 2009. Vol. 23. No. 7. Pp. 841—847. doi: 10.1016/j.janxdis.2009.04.001
- Kaunhoven R.J., Dorjee D. How does mindfulness modulate self-regulation in pre-adolescent children? An integrative neurocognitive review // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews: Accepted Manuscript.* 2017. Vol. 74. Part A. Pp. 163—184. doi: 10.1016/j.neubiorev.2017.01.007
- Moffitt T.E. Childhood self-control predicts adult health, wealth, and crime: Paper presented at the Multi-Disciplinary Symposium Improving the Well-Being of Children and Youth Copenhagen. 2012. doi: 10.1073/pnas.1010076108
- Nikolaeva E.I., Shirokova I.V., Vergunov E.G. The ratio of working memory and parameters of sensorimotor integration in the go-go paradigm in children 7—8 years old // *International Journal of Psychophysiology.* 2018. Vol. 131. No. S. P. S61. doi: 10.1016/j.ijpsycho.2018.07.182
- Nikolaeva E.I., Novikova A.V., Vergunov E.G. The correlation between intelligence, creativity and the parameters of sensorimotor integration in children of different ages // *Psychology in Russia: State of the Art.* 2018. Vol. 11. No. 2. Pp. 68—80. doi: 10.11621/pir.2018.0206
- O'Toole S.E., Monks C.P., Tsermentseli S. Executive function and theory of mind as predictors of aggressive and prosocial behavior and peer acceptance in early childhood // *Social Development.* 2017. Vol. 26. No. 4. Pp. 907—920. doi: 10.1111/sode.12231

Ordaz S.J., Foran W., Velanova K., Luna B. Longitudinal growth curves of brain function underlying inhibitory control through adolescence // *Journal of Neuroscience*. 2013. Vol. 33. No. 46. Pp. 18109–18124. doi: 10.1523/JNEUROSCI.1741-13.2013

Savion-Lemieux T., Bailey J.A., Penhune V.B. Developmental Contributions to Motor Sequence Learning // *Experimental Brain Research*. 2009. Vol. 195. No. 2. Pp. 293–306. doi: 10.1007/s00221-009-1786-5

Tough P. How children succeed. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2012.

История статьи:

Поступила в редакцию: 29 ноября 2018 г.

Принята к печати: 15 января 2019 г.

Для цитирования:

Ельникова О.Е., Меренкова В.С. Соотношение сенсомоторной интеграции и тормозных процессов с особенностями внутренней позиции личности больного // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2019. Т. 16. № 1. С. 39–54. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-1-39-54>

Сведения об авторах:

Ельникова Оксана Евгеньевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и психофизиологии Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец, Россия). E-mail: eln-oksana@yandex.ru

Меренкова Вера Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и психофизиологии Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец, Россия). E-mail: krakovv@mail.ru

Research article

**Relations of
Sensorimotor Integration and Inhibitory Processes
with Internal Position of Patient's Personality**

Oksana E. Elnikova, Vera S. Merenkova

Bunin Yelets State University
28/1 Kommunarov St., Yelets, 399770, Russian Federation

Abstract. The article discusses the relations of the sensorimotor integration and inhibitory processes with the features of the internal position of the patient's personality. Sensorimotor integration is considered as a characteristic of the mental processes, allowing us to estimate the peculiarities of the flexible rearrangements in the brain in the course of the formation of the new connections. Inhibitory control is considered as a psychophysiological characteristic responsible for cognitive inhibition and

suppression of a certain type of behavior. The respondents were voluntary participants (a total of 98 people, 60 women and 38 men) with different levels of health, namely: (1) chronically ill (health group 3) — the total number of 50 people (average age 37 ± 11.1 years); (2) healthy people with certain functional abnormalities — 48 people (average age 34 ± 10.6 years). The types of attitudes to the disease were measured with the TOBOL inventory by L. Vasserman et al. The ReBOS technique by E. Vergunov was used to diagnose the orderliness of the sensory flow and the inhibitory processes level.

It is shown that the representatives of the second and third health groups are diagnosed with an identical set of types of attitude to the disease, which is not constructive. That allowed us to divide them into groups according to the degree of adaptation. The respondents, whose mental and social adaptation is not impaired, are more difficult to adapt to the changing conditions, they have recorded rigidity and insufficient development of the inhibitory processes, they are capable of purposefully following the chosen model of behavior, but the underdevelopment of the inhibitory processes does not allow them to stop the implementation of the non-constructive attitude to health. In the respondents, whose type of response to the disease is characterized by the presence of mental maladaptation, the nervous system is more flexible and the inhibitory processes are better developed, they are able to purposefully follow the selected attitude to the disease, and are able to “slow down” the implementation of the chosen strategy. At the same time, the respondents are focused on their own condition, which prevents them from exercising conscious inhibitory control. The results suggest that the perception of the sensory flow and the level of inhibitory processes are related to the internal position of the individual, but the nature of the connections is determined by the degree of the constructive attitude to the disease.

Key words: health, disease, types of attitudes to the disease, sensorimotor integration, inhibitory control, task go/go, task go/no-go, internal position of the patient’s personality

References

- Aydarkin, E.K. (2005). Issledovaniye osobennostey vzaimodeystviya zritel'noy i slukhvoy sistem v usloviyakh sensomotornoy integratsii. *Problemy neyrokibernetiki*. Conference Proceedings (vol. 1, pp. 125—128). Rostov-on-Don: OOO “TSVVR” Publ. (In Russ.)
- Ananyev, V.A. (2006). Vvedeniye v psikhologiyu zdorov'ya. In V.A. Ananyev, & S.A. Kulakov (Eds.). *Integrativnyye issledovaniya v klinicheskoy psikhologii: nauka i praktika* (pp. 64—82). Saint Petersburg: Strategiya budushchego Publ. (In Russ.)
- Chuprikova, N.I. (1995). Vremya reaktsii i intellekt: pochemu oni svyazany. *Voprosy psikhologii*, (4), 65—114. (In Russ.)
- Darenskaya, N.G., Ushakov, I.B., Ivanov, I.V., Nasonova, T.A., Esaulenko, I.E., & Popov, V.I. (2004). *Ekstrapolyatsiya eksperimental'nykh dannykh na cheloveka: printsipy, podkhody, obosnovaniye metodov i ikh ispol'zovaniye v fiziologii i radiobiologii*: manuscript. Voronezh. (In Russ.)
- Demakova, O.A., & Sherstyanykh, V.A. (2004). Zavisimost' vremeni prostoy zritel'no-motornoy reaktsii ot latentnogo perioda pred'yavleniya stimula i urovnya funktsional'nogo napryazheniya. *Biologiya — nauka XXI veka*. Conference Proceedings (p. 109). Pushchino. (In Russ.)
- Drake, K., Belsky, J., & Fearon, R.M.P. (2014). From early attachment to engagement with learning in school: The role of self-regulation and persistence. *Developmental Psychology*, 50(5), 1350—1361.
- Endrikhovskiy, S.N., Shamshinova, A.M., & Sokolov, E.N. (1996). Vremya sensomotornoy reaktsii cheloveka v sovremennykh psikhofizicheskikh issledovaniyakh. *Sensornyye sistemy*, 10(2), 13. (In Russ.)
- Feygenberg, I.M. (2008). Bystrota motornoy reaktsii i veroyatnostnoye prognozirovaniye. *Fiziologiya cheloveka*, 34(5), 51—62. (In Russ.)
- Gamble, A.L., & Rapee, R.M. (2009). The Time-Course of Attentional Bias in Anxious Children and Adolescents. *Journal of Anxiety Disorders*, 23(7), 841—847.

- Kanzhina, N.N., & Griбанov, A.V. (2009). Audiomotornyye reaktsii u detey mladshhego shkol'nogo vozrasta s raznym urovnem trevozhnosti. *Ekologiya cheloveka*, (10), 19–22. (In Russ.)
- Kaunhoven R.J., & Dorjee, D. (2017). How does mindfulness modulate self-regulation in pre-adolescent children? An integrative neurocognitive review. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews: Accepted Manuscript*, 74(Part A), 163–184. doi: 10.1016/j.neubiorev.2017.01.007
- Korobeynikova, I.I. (2000). Parametry sensomotornykh reaktsiy, psikhofiziologicheskkiye kharakteristiki, uspeyayemost' i pokazateli EEG cheloveka. *Psikhologicheskii zhurnal*, 21(3), 132–136. (In Russ.)
- Mukhina, V.S. (2017). *Lichnost': mify i real'nost' (Al'ternativnyy vzglyad. Sistemnyy podkhod. Innovatsionnyye aspekty)*. Moscow: National Book Center Publ. (In Russ.)
- Nekhoroshkova, A.N., & Griбанov, A.V. (2011). Osobennosti zritel'no-motornykh reaktsiy detey 8–11 let s vysokim urovnem trevozhnosti. *Ekologiya cheloveka*, (5), 43–48. (In Russ.)
- Nekhoroshkova, A.N., Griбанov, A.V., & Deputat, I.S. (2015). Sensomotor reactions in psychophysiological studies (Review). *Journal of Medical and Biological Research*, (1), 38–48. (In Russ.)
- Nikolayeva, E.I. (2016). Predskazaniya detstva: vozmozhen li prognoz zdorov'ya vzroslogo, osnovanny na izuchenii dannykh razvitiya rebenka (na primere longityudnykh issledovaniy). *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*, 2(37). <http://mprj.ru> (accessed: 04.12.2018). (In Russ.)
- Moffitt, T.E. (2012). Childhood self-control predicts adult health, wealth, and crime. *Paper presented at the Multi-Disciplinary Symposium Improving the Well-Being of Children and Youth*. Copenhagen.
- Nikolaeva, E.I., Shirokova, I.V., & Vergunov E.V. (2018). The ratio of working memory and parameters of sensorimotor integration in the go-go paradigm in children 7–8 years old. *International Journal of Psychophysiology*, 131(S), S61. doi: 10.1016/j.ijpsycho.2018.07.182
- Nikolaeva, E.I., Novikova, A.V., & Vergunov, E.G. (2018). The correlation between intelligence, creativity and the parameters of sensorimotor integration in children of different ages. *Psychology in Russia: State of the Art*, 11(2), 68–80. doi: 10.11621/pir.2018.0206
- O'Toole, S.E., Monks, C.P., & Tsermentseli, S. (2016). Executive function and theory of mind as predictors of aggressive and prosocial behavior and peer acceptance in early childhood. *Social Development*, 26(4), 907–920. doi: 10.1111/sode.12231
- Ordaz, S.J., Foran, W., Velanova, K., & Luna, B. (2013). Longitudinal growth curves of brain function underlying inhibitory control through adolescence. *Journal of Neuroscience*, 33(46), 18109–18124. doi: 10.1523/JNEUROSCI.1741-13.2013
- Savion-Lemieux, T., & Bailey, J.A., & Penhune, V.B. (2009). Developmental contributions to motor sequence learning. *Experimental Brain Research*, 195(2), 293–306. doi: 10.1007/s00221-009-1786-5
- Tarasova, A.F., Seliverstova, N.V., & Zhdankina, L.V. (2000). Issledovaniye vremeni prostoy i slozhnoy akustikomotornoy reaktsii uchashchikhsya. *Fiziologiya i psikhofiziologiya motivatsiy* (vol. 4, pp. 52–54). Voronezh. (In Russ.)
- Tough, P. (2012). *How children succeed*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt.
- Vasserman, L.I., Iovlev, B.V., Karpova, E.B. & Vuks, A.Ya. (Eds.) (2005). *Psikhologicheskaya diagnostika otnocheniya k bolezni*. Manual for Physicians. Saint Petersburg: V.M. Bekhterev Psychoneurological Research Institute Publ. (In Russ.)
- Vergunov, E.G. (2018). Lateralnye predpoctenia kak vozmoznyye fenotipiceskie prediktory rezervov serdecno-sosudistoy sistemy i osobennosti sensomotornoj integracii u alpinistov. *Fiziologiya cheloveka*, 44(3), 97–108. (In Russ.)
- Zaytsev, A.V., Lupandin, V.I., & Surnina, O.E. (1999). Vozrastnaya dinamika vremeni reaktsii na zritel'nyye stimuli. *Fiziologiya cheloveka*, 25(6), 34–37. (In Russ.)

Article history:

Received: 29 November 2018

Revised: 25 January 2019

Accepted: 30 January 2019

For citation:

Elnikova, O.E., & Merenkova, V.S. (2019). Relations of Sensorimotor Integration and Inhibitory Processes with Internal Position of Patient's Personality. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(1), 39–54. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-1-39-54>

Bio Notes:

Oksana E. Elnikova — Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of Psychology and Psychophysiology Department, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia). E-mail: eln-oksana@yandex.ru

Vera S. Merenkova — Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of Psychology and Psychophysiology Department, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia). E-mail: krakovv@mail.ru

Научная статья

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-1-55-70

УДК 159.97

Мишени психологической работы с людьми, имеющими высокий уровень алекситимии**Э.В. Гаус, Е.А. Проненко, О.С. Васильева**

Южный федеральный университет

Российская Федерация, 344038, Ростов-на-Дону, Нагибина пр., 13

В статье рассмотрены современные эмпирические исследования алекситимии, обобщены теоретические представления о феномене алекситимии, описаны затруднения, с которыми сталкиваются люди с высоким уровнем алекситимии, предлагаются направления психологической работы с алекситимиками. Новизна исследования заключается в формулировке аспектов практической работы психолога для повышения уровня адаптации алекситимиков, улучшения качества их жизни, чему на данный момент посвящено недостаточное количество исследований.

Основным результатом статьи является выявление направлений психологической работы с алекситимиками: улучшение связи с телом, коррекция ряда личностных проблем, психологическая помощь в гармонизации межличностных отношений. Показано, что нарушенная связь с телом является одной из самых существенных проблем алекситимиков и тем фактором, который способствует развитию психосоматических заболеваний. Для улучшения связи с телом предлагаются такие пункты психологической работы, как дифференциация телесных ощущений, более полное понимание карты своего тела, умение управлять состоянием тела, принятие тела и повышение удовлетворенности им. Предлагаются пути работы с наиболее значимыми личностными проблемами у алекситимиков: неадаптивными копинг-стратегиями, низким уровнем удовлетворенности жизнью, ригидностью, неустойчивостью эмоциональной сферы. Выделяются направления работы по улучшению отношений алекситимиков с окружающими людьми: увеличение знаний об эмоциональной сфере, работа с близкими людьми, обучение навыкам общения с учетом влияния алекситимии.

В заключение делается вывод о важности комплексной психологической работы с людьми с высоким уровнем алекситимии, что позволит разработать конкретные инструменты для всесторонней помощи алекситимикам.

Ключевые слова: алекситимия, психологические проблемы алекситимиков, межличностные отношения алекситимиков, коррекция алекситимии, адаптация алекситимиков

© Гаус Э.В., Проненко Е.А., Васильева О.С., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Введение

Алекситимия является непростым, но в тоже время весьма интересным предметом для исследования, так как статус данного феномена претерпел значительные изменения со временем. Начало его изучения было положено в рамках исследования особенностей пациентов с психосоматическими заболеваниями, однако на сегодняшний день алекситимия изучается не только и не столько в рамках психосоматики, а рассматривается как большое отдельное психологическое и/или психофизиологическое нарушение. С увеличением количества исследований стало очевидно, что алекситимия имеет довольно широкое распространение, и необходимо параллельно с выяснением причин алекситимии и обнаружением корреляций с другими психологическими явлениями уделять большее внимание психологической работе с людьми, имеющими высокий уровень алекситимии.

Актуальность исследований, направленных на поддержку психологической работы с алекситимиками обуславливается тем, что данная группа людей является довольно уязвимой в современных условиях. Стремительные изменения в современном мире порождают высокие требования к человеку, который стремится реализоваться и быть социально успешным: развитые навыки конкурентоспособности, коммуникации, стрессоустойчивость, высокая степень адаптации к окружающим условиям. От того, насколько хорошо человек сумеет приспособиться к социальным изменениям, зависит и уровень его достижений, самореализации и субъективного благополучия. Успешность социально-психологической адаптации личности и сопряженных с ней внутриличностных конфликтов определяется способностью осуществлять конструктивные стратегии поведения в затрудненных и трудных жизненных ситуациях (Безуглова, Васильева, Правдина, 2017). Выявленные у алекситимиков ригидность, сниженный уровень социальных контактов, предпочтение неконструктивных копинг-стратегий существенно затрудняют их адаптацию в современном мире.

Исследования последних лет рассматривают алекситимию с различных позиций: от нарушения межполушарного взаимодействия до влияния социума на проявление чувств. В контексте данной статьи особенное внимание уделено конкретным методам работы с алекситимией (Малкина-Пых, 2009; Маркова, Смык, Вотчин, 2015) и тем проблемам, которые затрудняют адаптацию алекситимиков: трудность в понимании своего тела (Sowden, Brewer, Catmur, 2016), различные личностные проблемы (Плотников, Северьянова, Плотников, 2017, с. 21), сложности выстраивания межличностных отношений (Никулина, Синеева, 2008; Holder, Love, Timoney, 2015).

Целью данной статьи является обобщение современных данных о тех трудностях, с которыми сталкиваются люди с высоким уровнем алекситимии. Определение проблемных аспектов позволит переформулировать их в «мишени» коррекции, а сама коррекционная работа позволит улучшить знание и чувствование себя, улучшить качество межличностных отношений, позволит повысить уровень субъективного благополучия и в целом уровень адаптации алекситимиков к окружающему миру.

Новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении различных проявлений алекситимии и ее связи с многочисленными личностными проблемами, что позволило выделить несколько ключевых направлений психологической работы; это открывает возможность целостной поддержки людей с высоким уровнем алекситимии.

Обзор современных взглядов на алекситимию

Анализ работ последних лет показывает, что алекситимия связана со многими сферами жизни и представляет собой не отдельный специфический признак психосоматических пациентов, а сложную, многоаспектную личностную характеристику, на формирование которой влияют нарушения биологической и/или психологической сферы. Данные говорят о том, что алекситимия распространена довольно широко, особенно среди молодежи. По данным С.А. Красенковой и Т.О. Зинченко, у 33 % девочек и 36 % мальчиков 14 лет, учащихся 8 класса, выявлен высокий уровень алекситимии (Красенкова, Зинченко, 2015). По данным другого исследования (Юткина, 2017), 26,2 % школьников в возрасте от 10 до 14 лет и 22,1 % в возрасте от 15 до 18 лет имеют высокие баллы по Торонтской шкале алекситимии (Toronto Alexithymia Scale, TAS). Схожие результаты получены при исследовании мальчиков 13 лет (Бартош, Бартош, Мычко, 2016) — высокий уровень алекситимии выявлен у 31 % выборки, а также в исследовании Е.В. Валиуллиной: алекситимический тип личности отмечен у 33 % девушек и юношей от 17 до 22 лет (Валиулина, 2017). Высокий уровень алекситимии был обнаружен у 26,8 % девушек и 41,1 % юношей в возрасте от 18 до 22 лет (Северьянова, Плотников, Плотников, 2013); среди современной молодежи 19—30 лет доля респондентов с высоким уровнем алекситимии составила 25 % (Акименко, 2016).

Таким образом, мы можем говорить о том, что у значительной доли людей наблюдаются проблемы с опознанием своего и чужого эмоционального состояния. Для детей и молодежи алекситимия несет еще большие риски, т.к. ведет к нарушениям в развитии эмоциональной сферы, а в дальнейшем — к затруднению в области межличностных контактов, что негативно сказывается на адаптации личности в целом.

Анализ работ, посвященных алекситимии, показывает чрезмерную широту взглядов относительно причин ее возникновения: нарушение межполушарного взаимодействия (Ten Houten, 1986), блокировка импульсов от висцерального (эмоционального) мозга к коре (Искусных, 2015), регрессия при травмировании (Yelsma, Marrow, 2003; Schechter, 2015), влияние негативного (враждебного, директивного) родительского стиля (Воробьева, Шульгина, Ермаков, 2015) либо гиперопеки, вызывающей застревание на симбиотическом уровне (Брель, 2012), ограничения социума на выражение чувств (Трунов, 2013). В современных зарубежных работах рассматриваются различные психофизиологические и нейропсихологические предпосылки развития алекситимии: уменьшенный объем серого вещества (Borsci, Boccardi, Rossi, et al., 2009), функциональные нарушения передней поясной извилины коры (Heinzel, Minnerop, Schäfer, 2012), функцио-

нальные нарушения в лобно-стриарной схеме (Lee, Lee, Park, 2011). Показано, что низкая эмоциональная реактивность при аффективной алекситимии связана с большими объемами серого вещества правой поясной извилины (Goerlich-Dobre, Bruce, Martens, et al., 2014).

Возникает вопрос, насколько правомерно одним термином обозначать невозможность идентифицировать и адекватно словесно выражать свои чувства вследствие нарушенных связей между полушариями, по причине враждебного родительского стиля или из-за наложения обществом запрета на выражение чувств? Вполне возможно, что явление, называемое сегодня алекситимией, представляет собой ряд схожих по проявлению, но различающихся по природе образования психологических феноменов.

Как было сказано ранее, алекситимия все чаще предстает как чрезвычайно сложная личностная характеристика, и мы поддерживаем мнение, что в структуре данного психологического феномена можно предполагать существование различных вариантов соотношения компонентов (Малкина-Пых, 2009). То есть алекситимия может иметь и определенные психофизиологические предпосылки в виде нарушений или особенностей строения головного мозга, развиваться на фоне враждебного родительского стиля или гиперопеки и в дальнейшем закрепляться в социальных отношениях или определенной культуре.

Однако, если причиной алекситимии служит нарушение работы головного мозга, и сама алекситимия в этом случае является устойчивой характеристикой человека, то вероятно, что психотерапия, направленная на осознание, дифференциацию, вербализацию чувств, либо не даст положительного эффекта, либо он будет кратковременным. В этом случае необходимы коррекционные мероприятия, направленные именно на адаптацию алекситимиков к жизни в социуме. В тех же случаях, когда алекситимия поддается коррекции, необходимо применение комплекса мероприятий, с возможностью интенсификации работы по тому направлению, которое дает наибольший результат. Но независимо от причины возникновения алекситимии, проблемы, с которыми сталкиваются алекситимики, возможно, схожи. Таким образом, от описания предполагаемых причин этого явления можно перейти к разработке программ непосредственной помощи людям с алекситимией — по сути, научить их жить с этой характеристикой, улучшить качество их жизни.

Проведенное теоретическое исследование позволило выявить важные направления для работы в области исследуемого явления, которые будут подробно рассмотрены в следующем разделе.

Направления психологической работы с алекситимиками

Телесно-ориентированная работа

Одним из механизмов связи алекситимии и психосоматических заболеваний выступает избыточный физиологический ответ, возникающий вследствие затрудненной вербализации аффектов (Малкина-Пых, 2009). Заметной чертой алекситимиков является замена описания своих эмоциональных переживаний пере-

числением физиологических состояний тела. Так, люди с высоким уровнем алекситимии используют собственное тело как замену вербальному и осознанному выражению своих эмоций и чувств. Однако при этом у алекситимиков затруднена связь с собственным телом. Исследование S. Sowden, R. Brewer, C. Catmur, G. Bird показало, что с возрастанием уровня алекситимии ухудшается interoцепция (понимание сигналов собственного тела) (Sowden, Brewer, Catmur, 2016). Алекситимия предстает не просто как нарушение интерпретации собственных эмоций, она оказывается связанной с более общими interoцептивными затруднениями. Данные, полученные И.Г. Малкиной-Пых, говорят о том, что в группе с высоким уровнем алекситимии наблюдается более низкая степень удовлетворенности собственным телом по сравнению с контрольной группой, где уровень алекситимии находился в пределах нормы (Малкина-Пых, 2009).

Таким образом, можно выделить первое направление психологической работы с алекситимиками — работу с собственной телесностью, дифференциацию телесных ощущений, более полное понимание карты своего тела, умение управлять состоянием тела, принятие тела и повышение удовлетворенности им.

Перспективность и важность данного направления подтверждается успешным применением телесно-ориентированной психокоррекции больных бронхиальной астмой с высоким уровнем алекситимии (Маркова, Смык, Вотчин, 2015). Комплекс проведенных мероприятий привел к некоторому снижению уровня алекситимии и увеличению контроля над астмой. Снижение алекситимии и повышение удовлетворенности собственным телом отмечается и при применении ритмо-двигательной терапии (Малкина-Пых, 2009).

Психологические «мишени» работы с личностью алекситимика

Алекситимия как личностная характеристика включает в себя много компонентов, связана с другими характеристиками и накладывает на них отпечаток. Важными задачами становятся выявление на основе современных данных основных личностных затруднений, с которыми сталкиваются люди с высоким уровнем алекситимии, анализ их личностного профиля и разработка программы социально-психологической адаптации.

Как было обнаружено в недавнем исследовании подростков-алекситимиков, алекситимия связана с акцентуациями характера. У мальчиков с алекситимическими признаками более выражены, чем у сверстников-неалекситимиков, черты дистимического и экзальтированного типов. Они характеризуются склонностью к пониженному настроению, пессимизму, утомляемости в контактах, некоторой заторможенностью в протекании психических и моторных процессов. Имеют тенденцию глубоко реагировать на отдельные события, им характерны резкие колебания настроения (Бартош, Бартош, Мычко, 2016).

В исследовании Л.А. Северьяновой, В.В. Плотникова, Д.В. Плотникова установлено, что с повышением выраженности феномена возрастает частота акцентуаций эмоциональной нестабильности, повышается личностная тревожность, увеличиваются показатели нервно-психической возбудимости, нарастает доля

неадаптивных копинг-стратегий (Северьянова, Плотников, Плотников, 2013). Данные об особенностях выбора копинг-стратегий людей с высоким уровнем алекситимии подтверждаются в исследовании А.К. Акименко. Респонденты, демонстрирующие выраженные алекситимичные черты, в большинстве случаев в социальном поведении предпочитают стратегии дистанцирования, самоконтроля и бегства-избегания (Акименко, 2016).

Д.В. Зайцев и Ю.В. Селиванова на основе исследования алекситимии и аддикций среди молодежи делают вывод о том, что алекситимия «выступает одним из факторов риска развития аддиктивности у молодежи. Взаимосвязь алекситимии и аддикций обнаруживается в результате реализации различных форм аддиктивного поведения, а также трансформации личности человека. Взаимосвязь алекситимии с аддикциями у молодежи проявляется в недостаточной устойчивости ее эмоционально-волевой сферы, а также невысоком уровне самоконтроля» (Зайцев, Селиванова, 2017, с. 65).

В исследовании М.В. Сергеевой выявлена отрицательная корреляция между показателями алекситимии и субшкалами смысловых ориентаций: «осмысленность жизни», «процесс жизни». Таким образом, чем выше у людей уровень алекситимии, тем больше они испытывают неудовлетворенность своей жизнью в настоящем, неудовлетворенность результатами прошлого, нежелание быть хозяином своей жизни, проявляющееся на фоне недоверия и признания ее неконтролируемости, а также расценивают жизнь как бессмысленную и бесполезную (Сергеева, 2015). В этом же исследовании получены данные, что «высокий уровень алекситимии тесно связан с психической ригидностью, которая проявляется неготовностью к гибкому реагированию и страхом изменить привычные, стереотипные формы поведения, которые не позволяют перестроить его в соответствии с требованиями изменяющейся ситуации» (Сергеева, 2015, с. 115).

Д.В. Плотников с соавторами выделили алекситимический профиль личности, для которого характерны: «сниженная активность во взаимодействии с социальным и предметным миром; впечатлительность; ранимость; возбудимость; неустойчивость настроения; пессимистичность; ригидность; повышенный общий уровень тревожности и особенно таких ее компонентов, как затрудненность социальных контактов (робость) и неуверенность в себе (низкая самооценка); преобладание неадаптивных и относительно адаптивных копинг-стратегий, т.е. сниженные возможности преодоления стресса, связанного с конфликтными ситуациями и другими социальными затруднениями» (Плотников, Северьянова, Плотников, 2017, с. 21). Исследование Д.С. Никулиной и С.Н. Синевой, посвященное связи алекситимии и удовлетворенности жизнью, позволило рассмотреть новые аспекты характеристик людей с высоким уровнем алекситимии (Никулина, Синеева, 2008). В целом таким испытуемым свойственно низко оценивать удовлетворенность своей жизнью. В частности, для них характерно низкое оценивание своего здоровья; телесные ощущения не связаны с эмоциями. Эмоции же обладают сигнальной функцией для таких людей, и контакт со своим телом становится затруднительным. Также была показана значимая связь высокого уровня алекситимии как с низким уровнем удовлетворенности жизни в целом, так и с

основными составляющими этой удовлетворенности: низкой самооценкой здоровья, высокими значениями психосоциального стресса, низкими показателями удовлетворения основных жизненных потребностей. Алекситимики «довольно часто переживают разочарование как в себе, так и в своей жизни, демонстрируя высокие показатели присутствия психосоциального стресса, а также низкие показатели удовлетворенности качеством жизни в целом» (Никулина, Синеева, 2008, с. 79).

Аналогичные данные получены и в зарубежных исследованиях. Так, при исследовании 437 бакалавров высокие уровни алекситимии были обнаружены у 18,5 % респондентов и связаны с высокими уровнями депрессии и негативного влияния жизненных обстоятельств, а также с низким уровнем удовлетворенности своей жизнью, субъективным ощущением низкого уровня счастья и отсутствием положительных эмоций (Holder, Love, Timoney, 2015).

Таким образом, на основе анализа индивидуально-личностных особенностей алекситимиков мы можем выделить ряд «мишеней» психологической работы с целью их лучшей адаптации в социуме.

Во-первых, как показывают проанализированные исследования, алекситимики склонны использовать неадаптивные копинг-стратегии, причиной чему может быть либо отсутствие опыта конструктивного решения проблем, либо нарушение вследствие психологической травмы. При этом накапливается дополнительное психологическое напряжение, т.к. меньше возможностей преодолеть стресс. Соответственно, необходимо *обучение адаптивным копинг-стратегиям*, эффективным способам работы со стрессом. Психологическое просвещение и тренинговые мероприятия позволят повысить осознанность стратегий своего поведения в сложных ситуациях, снизить внутреннее напряжение, что откроет дальнейший путь к преодолению влияния алекситимии.

Во-вторых, в связи с тем, что алекситимики склонны к пессимизму, определению своей жизни как несчастной, часто бывают разочарованы собственной жизнью и собой, необходима психологическая помощь с целью *повышения удовлетворенности своей жизнью, определения личностных смыслов, повышения самооценки*. Тренинговые мероприятия, направленные на принятие себя, повышение самооценки, и работа, направленная на выявление личностных смыслов, — все это позволит значительно повысить качество жизни алекситимиков.

В-третьих, у людей с высоким уровнем алекситимии могут возникать проблемы в адаптации, связанные с недостаточной психологической гибкостью. Рекомендуется проведение психологической работы для помощи алекситимикам в *снижении уровня ригидности, повышении гибкости мышления и поведения*.

В-четвертых, несмотря на то, что алекситимики не могут выразить свои чувства словесно, они их вовсе не лишены. Сниженная способность дифференцировать эмоциональные состояния ведет к накоплению напряжения, что выражается в нестабильности настроения, ранимости, излишней возбудимости и глубине реакций на происходящие события. Соответственно, необходимо вести психологическую работу в направлении *стабилизации и повышения устойчивости эмоциональной сферы алекситимиков*.

Нормализация сферы взаимоотношений

Третьей сферой затруднений алекситимиков, наравне с затруднением связи с телом и личностными проблемами, являются отношения с другими людьми. Основной проблемой в этой сфере является сниженная способность алекситимиков понимать и различать эмоции других людей.

В исследовании Д.С. Никулиной, С.Н. Синеевой было выявлено, что у испытуемых с высоким уровнем алекситимии присутствуют серьезные затруднения в межличностном общении в силу сложностей с пониманием, распознаванием своих эмоций и эмоций других людей (Никулина, Синеева, 2008). Алекситимия также отрицательно коррелирует с качеством романтических отношений и приверженностью интимным отношениям с другими людьми, доверием, удовлетворением в любовных отношениях (Holder, Love, Timoney, 2015).

В ряде исследований обнаружены особенности восприятия алекситимиками лицевых эмоций. В эксперименте по кодированию эмоций (Donges, Suslow, 2015) были представлены гневные, напуганные, счастливые и нейтральные лица. Через 30 минут был проведен тест на распознавание. Частичный корреляционный анализ показал, что высокие показатели по шкале TAS-20 обратно коррелировали с правильным распознаванием страшных и сердитых лиц. Авторы исследования предполагают, что алекситимия, по-видимому, негативно влияет на функции памяти, отвечающие за негативные выражения лица. В работе R. Brewer и соавт. способность распознавать лицевые эмоции была исследована в группе людей с расстройствами пищевого поведения (РПП) и различными степенями проявления алекситимии и в контрольной группе людей с наличием алекситимии (как клинического диагноза) (Brewer, Cook, Cardi, Treasure, Bird, 2015). Авторы пришли к выводу, что алекситимия сама по себе, без сопутствующей симптоматики РПП, была первопричиной индивидуальной способности/неспособности распознавать эмоции. При этом способность распознавать идентичность людей нарушена не была — это выяснилось при контрольном показе и последующем распознавании эмоционально-нейтральных лиц на фото.

М.А. Москачева, А.Б. Холмогорова, Н.Г. Гаранян при исследовании связи алекситимии и распознавания лицевой экспрессии получили схожие результаты: труднее всего испытуемым с бедным эмоциональным словарем дается распознавание эмоций удивления и презрения; имеется тенденция к снижению точности распознавания эмоций страха и печали на лице другого человека (Москачева, Холмогорова, Гаранян, 2014).

Эти данные расширяют понимание влияния алекситимии на разные аспекты эмоциональной сферы человека. Алекситимия связана не только с неспособностью вербализовать эмоции, но и влияет на визуальное восприятие эмоциональной информации на лицах других людей, особенно на восприятие и запоминание негативных эмоций.

Еще одной существенной проблемой во взаимоотношениях алекситимика с другими людьми является сниженная способность к эмпатии. М.А. Москачева, А.Б. Холмогорова, Н.Г. Гаранян пришли к выводу, что «испытуемые с высокими показателями алекситимии характеризуются специфическим соотношением форм эмоциональной эмпатии: их эмпатийная способность представлена в основном

склонностью к примитивному эмоциональному заражению переживаниями окружающих людей; при этом отмечается дефицит умения понимать чувства окружающих, сопереживать им и дифференцированно откликаться на их эмоциональные состояния. При этом такой параметр алекситимии, как “бедность фантазии”, положительно связан с готовностью “включаться в проблемы других”, что можно интерпретировать как свидетельство стремления компенсировать бедность собственной внутренней жизни интенсивным участием в проблемах других людей» (Москачева, Холмогорова, Гаранян, 2014, с. 111).

Следовательно, можно выделить несколько «мишеней» для психологической работы в целях нормализации сферы взаимоотношений алекситимиков с другими людьми.

1. *Информирование о многогранности эмоциональных состояний.* Алекситимики, особенно если эта характеристика наблюдается с детства, могут не обладать достаточным знанием об эмоциях и чувствах других людей. Психологом должна быть проведена работа по объяснению людям с высоким уровнем алекситимии на понятном им языке о том, какие эмоциональные состояния могут быть у людей и как они проявляются внешне. Важно рассказать человеку с высоким уровнем алекситимии, какое значение для других людей имеют чувства и разговоры о них.

2. *Работа с членами семьи алекситимика.* Проблемы во взаимоотношениях могут возникать из-за того, что партнеры или члены семьи не понимают, почему алекситимик реагирует именно так; из-за непонимания партнером особенностей алекситимика снижается качество романтических и семейных отношений, что еще больше усугубляет его психологическое состояние. Его неспособность распознать эмоции и должным образом реагировать может быть принята за целенаправленные действия. Близкие алекситимика должны знать об этих особенностях, в частности о том, что алекситимия негативно влияет на восприятие лицевых эмоций.

3. *Развитие навыков общения с учетом влияния алекситимии.* С людьми с высоким уровнем алекситимии должна проводиться специальная индивидуальная или групповая психологическая работа по обучению общению с учетом их особенностей.

Заключение

Проведенный анализ современных исследований алекситимии позволяет сделать ряд *выводов*.

1. Алекситимия является сложной интегральной личностной характеристикой, которая может иметь разные причины возникновения, изучаемые в рамках биологического, психологического и социального подходов.

2. Многочисленные данные подтверждают наличие ряда устойчивых психологических особенностей у людей с высоким уровнем алекситимии, что позволяет говорить о наличии так называемого алекситимического профиля (люди, по той или иной причине обладающие данной личностной характеристикой, сталкиваются со схожими проблемами, с похожим рядом затруднений адаптации).

3. Алекситимия негативно влияет на многие сферы жизни человека, снижая его возможности в ключевых для адаптации аспектах, что проявляется в:

- затруднениях личностной регуляции поведения;
- снижении общего уровня психологического здоровья: имеются нарушения связи с телом, излишнее внутреннее напряжение, риски развития психосоматических заболеваний и возникновения аддикций;
- низким уровне осмысленности жизни, самоуважения, самооценки;
- склонности к неадаптивным стратегиям поведения в затрудненных и трудных жизненных ситуациях.

4. Психологическая программа адаптации алекситимиков должна быть комплексной и включать несколько пунктов («мишеней»):

- улучшение связи с собственным телом, более полное понимание карты своего тела, умение управлять состоянием тела;
- обучение адаптивным копинг-стратегиям, преодоление ригидности, повышение уровня осмысленности и удовлетворенности своей жизнью, увеличение устойчивости эмоциональной сферы;
- обучение навыкам межличностных взаимоотношений с учетом влияния алекситимии, информирование как самого алекситимика, так и членов его семьи об особенностях его эмоциональной сферы и ее проявлений.

5. Среди категорий алекситимиков, с которыми должна проводиться такая работа, можно выделить подростков и молодежь, а также супругов в браке. Для подростков и молодых людей это актуально по причине необходимости их адаптации в социальном мире, которая может быть существенно осложнена из-за высокого уровня алекситимии. Для супругов в браке такая психологическая работа крайне важна, так как отношения между ними могут быть значительно нарушены из-за непонимания особенностей поведения партнера с высоким уровнем алекситимии, например отсутствие достаточных эмоциональных реакций может восприниматься как целенаправленное отстранение, а алекситимик, в силу своих особенностей, даже не сможет понять, в чем состоят претензии партнера.

Обозначая *перспективы психологической работы* с людьми с высоким уровнем алекситимии важно отметить, что телесно-ориентированная терапия в этом случае может дать существенный позитивный эффект, однако необходима дополнительная работа по коррекции выработанных годами негативных установок по отношению к себе, деструктивных и неадаптивных паттернов поведения. Алекситимия требует многосторонней психологической работы, направленной как на ее коррекцию, так и на помощь алекситимикам в социально-психологической адаптации. Таким образом, важен комплексный подход к проблеме алекситимии, необходима разработка программы психологической работы, затрагивающей разные сферы жизни людей с высоким уровнем алекситимии.

Список литературы

Акименко А.К. Алекситимия в структуре совладающего поведения личности молодежи // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 8 ч. Ч. 3. / под ред. В.С. Белгород-

- ского, О.В. Кашеева, В.В. Зотова, И.В. Антоненко. М.: Изд-во ФГБОУ ВО «МГУДТ», 2016. С. 127–131.
- Бартош О.П., Бартош Т.П., Мычко М.В.* Акцентуация характера у мальчиков-подростков с разным уровнем алекситимии // Вестник психофизиологии. 2016. № 4. С. 20–24.
- Безуглова А.А., Васильева О.С., Правдина Л.Р.* Особенности социально-психологической адаптации у лиц с разными стратегиями совладающего поведения // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 4. С. 180–204. doi: 10.21702/rpj.2017.4.9
- Брель Е.Ю.* Проблема изучения алекситимии в психологических исследованиях // Вестник КемГУ. 2012. № 3 (51). С. 173–176.
- Валиуллина Е.В.* Алекситимия — свойство личности // Научные преобразования в эпоху глобализации: сборник статей Международной научно-практической конференции (1 мая 2017 г., г. Уфа): в 4 ч. Ч. 4. Уфа: АЭТЕРНА, 2017. С. 156–158.
- Воробьева Е.В., Шульгина И.П., Ермаков П.Н.* Влияние ретроспективной оценки материнского стиля воспитания, реализуемого в детстве, на проявления алекситимии и эмпатии у молодежи с полинаркоманией // Российский психологический журнал. 2015. № 3. С. 114–133.
- Зайцев Д.В., Селиванова Ю.В.* Психосоциальные аспекты взаимосвязи алекситимии и аддикций у молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. № 1. С. 62–66.
- Искусных А.Ю.* Алекситимия. Причины и риски возникновения расстройства // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сборник статей по материалам LIII Международной научно-практической конференции. 2015. № 52. С. 59–68.
- Корстелева И.С., Ротенберг В.С.* Проблема алекситимии в контексте поведенческих концепций психосоматических расстройств // Телесность человека: междисциплинарные исследования. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 136–143.
- Красненкова С.А., Зинченко Т.О.* К вопросу о профилактике психосексуальных отклонений у подростков // Вестник КемГУ. 2015. № 2–5 (62). С. 97–101.
- Малкина-Пых И.Г.* Об одном возможном методе психологической коррекции алекситимии // Сибирский медицинский журнал. 2009. № 3. С. 99–107.
- Маркова Е.В., Смык А.В., Вотчин И.С.* Психокоррекционное воздействие при психосоматической патологии // Концепт. 2015. № 3. С. 1–9.
- Москачева М.А., Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г.* Алекситимия и способность к эмпатии // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Т. 22. № 4. С. 98–114.
- Никулина Д.С., Синеева С.Н.* Удовлетворенность качеством жизни студентов с разным уровнем алекситимии // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2008. № 6. С. 76–80.
- Плотников Д.В., Северьянова Л.А., Плотников В.В.* Акцентуация интегральных параметров индивидуальности как основа феномена алекситимии // Социальная и клиническая психиатрия. 2017. № 2. С. 17–23.
- Рагозинская В.Г., Колосова О.С.* Связь алекситимии и функциональной асимметрии мозга у подростков в патогенезе психосоматических расстройств // Специальное образование. 2005. № 5. С. 47–50.
- Северова Е.А., Охалкин А.С., Даутова М.А., Реутова Е.В.* Алекситимия как феномен, объединяющий некоторые аспекты психической и психосоматической патологий // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2016. № 4. С. 126–133.
- Северьянова Л.А., Плотников В.В., Плотников Д.В.* Интегративные основы алекситимии // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного медицинского университета

имени академика И.П. Павлова. 2013. Т. 20. № 3. С. 65—68. doi: 10.24884/1607-4181-2013-20-3-65-68

Сергеева М.В. Взаимосвязь алекситимии с проявлениями психической ригидности и смысло-жизненными ориентациями у пациентов с пищевой зависимостью // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие.* 2015. № 4 (11). С. 111—116.

Трунов Д.Г. Уровни вербализации эмоционального опыта // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология.* 2013. № 1 (13). С. 102—107.

Юткина О.С. Изучение уровня алекситимии у детей школьного возраста // *Современные проблемы науки и образования.* 2017. № 2. С. 68.

Borsci G., Boccardi M., Rossi R., Rossi G., Perez J., Bonetti M., Frisoni G.B. Alexithymia in healthy women: a brain morphology study // *Affect Disord.* 2009. Vol. 114. No. 1—3. Pp. 208—215. doi: 10.1016/j.jad.2008.07.013

Brewer R., Cook R., Cardi V., Treasure J., Bird G. Emotion recognition deficits in eating disorders are explained by co-occurring alexithymia // *Royal Society Open Science.* 2015. Vol. 2. No. 1. P. 140382. doi: 10.1098/rsos.140382

Donges U.S., Suslow T. Alexithymia and memory for facial emotions // *Universitas Psychologica.* 2015. Vol. 14. No. 1. Pp. 103—110. doi: 10.11144/Javeriana.upsy14-1.amfe

Goerlich-Dobre K.S., Bruce L., Martens S., Aleman A., Hooker C.I. Distinct associations of insula and cingulate volume with the cognitive and affective dimensions of alexithymia // *Neuropsychologia.* 2014. Vol. 53. Pp. 284—292. doi: 10.1016/j.neuropsychologia.2013.12.006

Heinzel A., Minnerop M., Schäfer R., Müller H.W., Franz M., Hautzel H. Alexithymia in healthy young men: a voxel-based morphometric study // *Affect Disord.* 2012. Vol. 136. No. 3. Pp. 1252—1256. doi: 10.1016/j.jad.2011.06.012

Holder M.D., Love A.B., Timoney L.R. The poor subjective well-being associated with alexithymia is mediated by romantic relationships // *Journal of Happiness Studies.* 2015. Vol. 16. No. 1. Pp. 117—133. doi: 10.1007/s10902-014-9500-0

Lee B.T., Lee H.Y., Park S.A., Lim J.-Y., Tae W.S., Lee M.-S., Joe S.-H., Jung I.-K., Ham B.-J. Neural substrates of affective face recognition in alexithymia: a functional magnetic resonance imaging study // *Neuropsychobiology.* 2011. Vol. 63. No. 2. Pp. 119—124. doi: 10.1159/000318086

Schechter D.S., Suardi F., Manini A., Cordero M.I., Rossignol A.S., Merminod G., Gex-Fabry M., Moser D.A., Serpa S.R. How do maternal PTSD and alexithymia interact to impact maternal behavior? // *Child Psychiatry & Human Development.* 2015. Vol. 46. No. 3. Pp. 406—417. doi: 10.1007/s10578-014-0480-4

Sowden S., Brewer R., Catmur C., Bird G. The specificity of the link between alexithymia, interoception, and imitation // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance.* 2016. Vol. 42. No. 11. Pp. 1687—1692. doi: 10.1037/xhp0000310

TenHouten W.D., Hoppe K.D., Bogen G.E., Walter D.O. Alexithymia and the split brain: IV Gottschalk-Gleser contentanalysis, in overview // *Psychotherapy and Psychosomatics.* 1986. Vol. 44. No. 3. Pp. 113—121.

Yelsma P., Marrow S. An examination of couples' difficulties with emotional expressiveness and their marital satisfaction // *The Journal of Family Communication.* 2003. Vol. 3. No. 1. Pp. 41—62.

История статьи:

Поступила в редакцию: 30 июня 2018 г.

Принята к печати: 15 января 2019 г.

Для цитирования:

Гаус Э.В., Проненко Е.А., Васильева О.С. Мишени психологической работы с людьми, имеющими высокий уровень алекситимии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 1. С. 55–70. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-1-55-70>

Сведения об авторах:

Гаус Эмма Викторовна — аспирант кафедры общей и педагогической психологии, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: emma@psygod.ru

Проненко Евгений Александрович — преподаватель кафедры общей и педагогической психологии, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия). ORCID ID: 0000-0002-6032-6059. E-mail: pronenko@sfedu.ru

Васильева Ольга Семеновна — кандидат биологических наук, профессор кафедры общей и педагогической психологии, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия). ORCID ID: 0000-0003-0600-1066. E-mail: vos@sfedu.ru

Scientific article

Targets of Psychological Work for High Alexithymia People

Emma V. Gaus, Evgeny A. Pronenko, Olga S. Vasilyeva

Southern Federal University
13 Nagibina Ave., Rostov-na-Donu, 344038, Russian Federation

Abstract. The article reviewed the modern empirical studies of alexithymia, summarized the theoretical understanding of the phenomenon of alexithymia, describes the difficulties faced by the people with a high level of alexithymia and suggested tips on psychological work with the alexithymic people. The novelty of this research consists in the formulation of the aspects of the practical work of a psychologist in order to increase the level of the adaptation of the alexithymics and improve the quality of their life. At the moment, this problem is covered in only a small amount of research.

The main result of the article is the identification of the areas of psychological work with the alexithymics: (1) the improvement of the connection with the body; (2) the correction of personality problems; (3) the psychological assistance in the harmonization of the interpersonal relations. It has been shown that disrupted connection with the body is one of the most significant problems of the alexithymics and the factor which contributes to the development of psychosomatic diseases. For the improvement of the connection with the body the authors suggest such types of psychological work as the differentiation of physical feelings, a fuller understanding of the body map, the ability to control the condition of the body, the acceptance of the body and the increase in the satisfaction with it. The ways of working with the most significant personality problems of the alexithymics are singled out (correction of non-adaptive coping-strategies, low level of life satisfaction, rigidity, and instability of the emotional sphere). The areas of work on improving the relations of the alexithymics with the

surrounding people are highlighted (gaining more knowledge about the emotional sphere, working with friends and relatives, teaching communication skills, taking into account the influence of alexithymia).

Finally, the conclusion is made about the importance of the integrated psychological work with the people with a high level of alexithymia in order to develop the specific tools for comprehensive assistance to alexithymics.

Key words: alexithymia, personality problems of alexithymics, interpersonal relations of alexithymics, correction of alexithymia, adaptation of alexithymics

References

- Akimenko, A.K. (2016). Alexithymia in the structure of coping behavior. *Gumanitarnye osnovaniya sotsial'nogo progressa: Rossiya i sovremennost'*. Conference Proceedings (pp. 127—131). Moscow: MGUDT Publ. (In Russ.)
- Bartosh, O.P., Bartosh, T.P., & Mychko, M.V. (2016). Character accentuations demonstrated by male adolescents with different levels of alexithymia. *Psychophysiology News*, (4), 20—24. (In Russ.)
- Bezuglova, A.A., Vasileva, O.S., & Pravdina, L.R. (2017). Socio-psychological adaptation in individuals with different coping strategies. *Russian Psychological Journal*, 14(4), 180—204. doi: 10.21702/rpj.2017.4.9 (In Russ.)
- Borsci, G., Boccardi, M., Rossi, R., Rossi, G., Perez, J., Bonetti, M., & Frisoni, G.B. (2009). Alexithymia in healthy women: a brain morphology study. *Affect Disord*, 114(1—3), 208—215. doi: 10.1016/j.jad.2008.07.013
- Brel, E.Yu. (2012). The problem of studying alexithymia in psychological research. *Bulletin of Kemerovo State University*, 3(51), 173—176. (In Russ.)
- Brewer, R., Cook, R., Cardi, V., Treasure, J. & Bird, G. (2015). Emotion recognition deficits in eating disorders are explained by co-occurring alexithymia. *Royal Society Open Science*, 2(1), 140382. doi: 10.1098/rsos.140382
- Donges, U.S., & Suslow, T. (2015). Alexithymia and memory for facial emotions. *Universitas Psychologica*, 14 (1), 103—110. doi: 10.11144/Javeriana.upsy14-1.amfe
- Goerlich-Dobre, K.S., Bruce, L., Martens, S., Aleman, A., & Hooker, C.I. (2014). Distinct associations of insula and cingulate volume with the cognitive and affective dimensions of alexithymia. *Neuropsychologia*, 53, 284—292. doi: 10.1016/j.neuropsychologia.2013.12.006
- Heinzel, A., Minnerop, M., Schäfer, R., Müller, H.W., Franz, M., & Hautzel, H. (2012). Alexithymia in healthy young men: a voxel-based morphometric study. *Affect Disorders*, 136(3), 1252—1256. doi: 10.1016/j.jad.2011.06.012
- Holder, M.D., Love, A.B., & Timoney, L.R. (2015). The poor subjective well-being associated with alexithymia is mediated by romantic relationships. *Journal of Happiness Studies*, 16(1), 117—133. doi: 10.1007/s10902-014-9500-0
- Iskusnykh, A. (2015). Alexithymia. Causes and risks of disorders. *Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii*. Conference Proceedings (pp. 59—68). Novosibirsk: SibAK Publ. (In Russ.)
- Korosteleva, I.S., & Rotenberg, V.S. (1991) Telesnost' cheloveka: mezhdistsiplinarnye issledovaniya. *Problema aleksitimii v kontekste povedencheskikh kontseptsii psikhosomaticheskikh rasstroistv*. Conference Proceedings (pp. 136—143). Moscow: MGU Publ. (In Russ.)
- Krasnenkova, S.A., & Zinchenko, T.O. (2015). To the question of prophylaxis of teenagers' psychosexual aberration. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2—5(62), 97—101. (In Russ.)
- Lee, B.T, Lee, H.Y., Park, S.A., Lim, J.-Y., Tae, W.S., Lee, M.-S., Joe, S.-H., Jung, I.-K., & Ham, B.-J. (2011). Neural substrates of affective face recognition in alexithymia: a functional magnetic resonance imaging study. *Neuropsychobiology*, 63(2), 119—124. doi: 10.1159/000318086

- Malkina-Pykh, I.G. (2009). On one possible method of psychological treatment for alexithymia. *Siberian Medical Journal*, (3), 99–107. (In Russ.)
- Markova, E., Smyk, A., & Votchin, I. (2015). Psychocorrective effects in psychosomatic pathology. *Concept*, (03), 1–9. (In Russ.)
- Moskacheva, M.A., Kholmogorova, A.B., & Garanian, N.G. (2014). Alexithymia and empathy. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 22(4), 98–114. (In Russ.)
- Nikulina, D.S., & Sineeva, S.N. (2008). Satisfaction with the quality of life of students with different levels of alexithymia. *Izvestiya SFedU. Engineering Sciences*, (6), 76–80. (In Russ.)
- Plotnikov, D.V., Severyanov, L.A., & Plotnikov, V.V. (2017). Accentuation of integral individual parameters as a basis of alexithymia phenomenon. *Social and Clinical Psychiatry*, (2), 17–23. (In Russ.)
- Ragozinskaya, V.G., & Kolosova, O.S. (2005) Svyaz' aleksitimii i funktsional'noi asimmetrii mozga u podrostkov v patogeneze psikhosomaticheskikh rasstroistv. *Special Education*, (5), 47–50. (In Russ.)
- Schechter, D.S., Suardi, F., Manini, A., Cordero, M.I., Rossignol, A.S., Merminod, G., Gex-Fabry, M., Moser, D.A., & Serpa, S.R. (2015). How do maternal PTSD and alexithymia interact to impact maternal behavior? *Child Psychiatry & Human Development*, 46(3), 406–417. doi: 10.1007/s10578-014-0480-4
- Sergeeva, M.V. (2015). Relationship between alexithymia and the manifestations of mental rigidity and life orientations in patients with food addiction. *Personality in a changing world: health, adaptation, development*, 4(11), 111–116. (In Russ.)
- Severova, E.A., Okhapkin, A.S., Dautova, M.A., & Reutova, E.V. (2016). Alexithymia as a phenomenon, combining some aspects of mental and psychosomatic disorders. *Vestnik of Smolensk State Medical Academy*, (4), 126–133. (In Russ.)
- Severyanova, L.A., Plotnikov, V.V., & Plotnikov, D.V. (2013). The integrative fundamentals of alexithymia. *The Scientific Notes of the I.P. Pavlov Saint Petersburg State Medical University*, 20(3), 65–68. doi: 10.24884/1607-4181-2013-20-3-65-68 (In Russ.)
- Sowden, S., Brewer, R., Catmur, C., & Bird, G. (2016). The specificity of the link between alexithymia, interoception, and imitation. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 42(11), 1687–1692. doi: 10.1037/xhp0000310
- TenHouten, W.D., Hoppe, K.D., Bogen, G.E., & Walter, D.O. (1986). Alexithymia and the split brain: IV Gottschalk-Gleser contentanalysis, in overview. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 44(3), 113–121.
- Trunov, D.G. (2013). The levels of verbalization of emotional experience. *Journal Perm University Herald. Series: Philosophy. Psychology. Sociology*, 1(13), 102–107. (In Russ.)
- Valiullina, E.V. (2017). Alexitimia is a property of a person. *Nauchnye preobrazovaniya v epokhu globalizatsii*. Conference Proceedings (pp. 156–158). Ufa: AETERNA Publ. (In Russ.)
- Vorobyeva, E.V., Shulgina, I.P., & Ermakov, P.N. (2015). The influence of retrospective estimates of maternal parenting style in childhood on the manifestations of alexithymia and empathy at young people with polydrug. *Russian Psychological Journal*, 12(3), 114–133. (In Russ.)
- Yelsma, P., & Marrow, S. (2003). An examination of couples' difficulties with emotional expressiveness and their marital satisfaction. *The Journal of Family Communication*, 3(1), 41–62.
- Yutkina, O.S. (2017). The inspection of standard of alexithymia among schoolchildren. *Modern Problems of Science and Education*, (2), 68. (In Russ.)
- Zaitsev, D.V., & Selivanova, Yu.V. (2017). Psychosocial aspects of the relationship of alexithymia and addiction among youth. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 17(1), 62–66. doi: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-62-66 (In Russ.)

Article history:

Received: 06 June 2018

Revised: 10 January 2019

Accepted: 15 January 2019

For citation:

Gaus, E.V., Pronenko, E.A., & Vasilyeva, O.S. (2019). Targets of Psychological Work for High Alexithymia People. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(1), 55–70. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-1-55-70>

Bio Notes:

Emma V. Gaus — postgraduate student of General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: frau.gaus2018@yandex.ru

Evgeny A. Pronenko — Lecturer of General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). ORCID ID: 0000-0002-6032-6059. E-mail: pronenko@sfedu.ru

Olga S. Vasilyeva — Ph.D. in Biology, Professor, Professor of General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). ORCID ID: 0000-0003-0600-1066. E-mail: vos@sfedu.ru

Исследовательская статья

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-1-71-87

УДК 159.9.075

Особенности отношения к стоматологическому лечению и здоровью у лиц с медицинским и немедицинским образованием

Е.В. Ситкина, И.А. Трегубенко, Е.А. Беляева, Е.Р. Исаева

Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет
имени академика И.П. Павлова*Российская Федерация, 197022, Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, 6—8*

В статье рассматриваются различия в отношении к стоматологическому здоровью среди лиц с медицинским образованием и без него. Описаны критерии оценки качества стоматологической помощи, предпочитаемые качества врача-стоматолога и причины дентофобии у взрослого населения. Выделены способы повышения уровня комплаентности и снижения страха и тревоги перед посещением врача-стоматолога.

Обследовано 88 условно здоровых респондентов (средний возраст — $32 \pm 12,5$ лет), не проходящих стоматологическое лечение на момент исследования (52 женщины и 36 мужчин). Использованы психодиагностические методы: 1) опросник «Отношение к здоровью», разработанный Р.А. Березовской, позволяющий оценить отношение респондентов к собственному здоровью по 4 шкалам: эмоциональной, поведенческой, когнитивной, ценностно-мотивационной; 2) шкала оценки качества жизни, разработанная Н.Е. Водопьяновой, которая позволяет определить общий индекс качества жизни и оценить самооценку качества жизни респондентов по таким категориям, как: работа, личные достижения, здоровье, общение с близкими, поддержка, оптимистичность, напряженность, самоконтроль, негативные эмоции; 3) анкета «Отношение к стоматологическому здоровью», разработанная на кафедре общей и клинической психологии ПСПбГМУ имени акад. И.П. Павлова.

По результатам исследования были сделаны основные выводы о том, что большинство пациентов предпочитают обращаться к сопереживающему, недирективному типу врача-стоматолога; при этом важны профессиональные и коммуникативные навыки специалиста. Выявлены и проанализированы различия в отношении к стоматологическому здоровью у пациентов с медицинским образованием и без него.

Ключевые слова: отношение к здоровью, стоматологическое здоровье, стоматологическое лечение, комплаенс, качество жизни

© Ситкина Е.В., Трегубенко И.А., Беляева Е.А., Исаева Е.Р., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Введение

По статистическим данным РБК за 2017 год, стоматология остается наиболее востребованной областью медицины в России. Продолжается рост количества частных клиник. Например, в Санкт-Петербурге лишь каждая 30-я стоматологическая клиника является государственной (РБК, 2016, 2017). Рост негосударственных клиник сопровождается переходом на рыночные отношения, трансформацией стоматологической помощи в оказание услуг и, как следствие, приводит к повышению конкуренции за пациента (Исмаилов, Каратаева, 2016).

Еще с 80-х годов XX века началось исследование взаимосвязи стоматологического здоровья и качества жизни (Reisine, 1989). Стоматологическое здоровье — это совокупность анатомо-физиологического, психического, психологического и социально-бытового компонентов, которые принимают участие в исполнении жевательных, фонетических и эстетических функций, а значит, способствуют психологическому благополучию человека (Савина, Булкина, Ломакина, Олевская, 2011). То есть на качество жизни человека оказывают влияние такие факторы, как: возможность безболезненного пережевывания пищи, коммуникации без ограничений из-за неприятного запаха изо рта или функциональных нарушений челюсти, отсутствие проблем в эстетически значимой зоне (красивая улыбка). Некоторые врачи-стоматологи не признают разделение между общим здоровьем и здоровьем полости рта, поскольку полость рта как составляющая всего организма человека не может считаться здоровой или нездоровой изолированно от общего физического благополучия (Гажва, Гажва, Гулуев, 2012; Чигарина, 2016).

Почти 100 % взрослого населения планеты имеют различные заболевания зубов и полости рта (от кариеса и гингивита до пародонтоза, остеомиелита и адентии) (Vermaire, 2017; Тимохова, Грицкевич, 2018). Любые нарушения целостности зуба приводят к дефектам жевания и впоследствии к эстетическим дефектам, что негативно сказывается на качестве жизни людей. Эстетические дефекты повышают замкнутость, затрудняют процесс коммуникации (Яременко, Исаева, Колегова, Ситкина, Васильева, 2018; Тимохова, Грицкевич, 2018).

Несмотря на растущее количество стоматологических клиник в России уровень стоматологического здоровья населения ухудшается, и распространенность заболеваний растет. Поэтому важен поиск критериев и факторов, позволяющих снизить негативную динамику (Hathiwala, Acharya, Patil, 2015). Многие специалисты отмечают, что игнорирование стоматологических заболеваний и страх перед посещением стоматолога зарождаются в детском возрасте и носят устойчивый характер в период взрослости. Психологи и стоматологи сходятся во мнении, что большинство причин возникновения страхов перед стоматологическими процедурами и лечением связаны с внешними факторами окружающей среды, однако существует и генетическая предрасположенность к дентофобии. Среди детерминант формирования тревоги или страха перед лечением выделяют: прошлый травматичный опыт лечения, усвоенный от родителей в детском возрасте паттерн поведения, наличие тревожных расстройств у пациента. Исследователи отмечают, что внимательное отношение к пациенту со стороны медицинского персонала снижает уровень тревоги (Фирсова, Михальченко, Македонова, 2013; Beaton, Freeman, Humphris, 2014).

Наличие тревоги или даже страха перед стоматологическим лечением приводит к избеганию врачей. U. Berggren описал модель последствий стоматологического страха и тревоги, которую многие специалисты называют «порочным кругом» (Berggren, Meynert, 1984). Модель представлена на рис. 1.

Рис. 1. Модель U. Berggren последствий стоматологического страха и тревоги (Berggren, Meynert, 1984)
[**Figure 1.** The effects of dental fear and anxiety, model by U. Berggren (Berggren, Meynert, 1984)]

Согласно данной модели, пациент, испытывающий страх перед лечением, старается отсрочить момент встречи с врачом. Отсутствие своевременного лечения непременно приводит к ухудшению состояния здоровья, отчего появляется чувство вины и неполноценности. Чувство вины только усиливает страх перед лечением. Таким образом, из-за дентофобии ухудшается состояние здоровья и снижается качество жизни (Sven, Boman, Magnus, 2013; Crego, Carrillo-Diaz, Armfield, 2014; Clay, 2016).

Еще одной важной задачей является поиск факторов, повышающих комплаентность стоматологическому лечению у населения. В медицине под комплаентностью принято понимать следование рекомендациям врача и выполнение назначенной терапии. Но выполнение рекомендаций пациентами зависит от отношения к здоровью и личностных особенностей каждого конкретного пациента (Данилов, 2014; Саркисов, 2014; Масі, 2016)

Таким образом, необходимость качественного и количественного анализа факторов, позволяющих повысить уровень стоматологического здоровья и приверженности пациентов стоматологическому лечению, определили цель исследования, представленного в данной статье.

Процедура и методы

Участники. Исследование проводилось на базе НИИ стоматологии и ЧЛХ ПСПбГМУ имени академика И.П.Павлова. Было обследовано 88 условно здоровых респондентов, не проходящих стоматологическое лечение на момент исследования, из которых 52 женщины и 36 мужчин. Средний возраст составил $32 \pm 12,5$ лет. Среди респондентов было 38 человек, не имеющих медицинского образования, и 50 человек с медицинским образованием. Критерии включения в иссле-

дование: 1) возраст от 18 лет; 2) подписание добровольного информированного согласия.

Психодиагностические методики. 1. Опросник «Отношение к здоровью» Р.А. Березовской (Никифоров, 2005) позволяет оценить здоровье по следующим шкалам: эмоциональная (умение наслаждаться состоянием своего здоровья и уровень тревожности относительно здоровья); когнитивная (уровень компетентности человека в области здоровья, определение роли здоровья в своей жизни); ценностно-мотивационная (уровень мотивации к сохранению и поддержанию здоровья); поведенческая (соответствие действий и поведения человека требованиям ЗОЖ). Анализ результатов может проводиться следующими способами: анализ каждого утверждения в отдельности; анализ по каждому вопросу; анализ по каждой шкале (Никифоров, 2005). В исследовании мы брали за единицу анализа каждое утверждение анкеты и 4 шкалы отношения к здоровью. Нормативных значений для опросника не установлено, однако анкета позволяет определить ведущий уровень отношения к здоровью у респондентов.

2. Шкала оценки качества жизни Н.Е. Водопьяновой (Никифоров, 2005), которая позволяет оценить удовлетворенность респондента по следующим категориям: работа, личные достижения, здоровье, общение с близкими, поддержка (внутренняя и внешняя — социальная), оптимистичность, напряженность (физический и психологический дискомфорт), самоконтроль, негативные эмоции (настроение). Принятые нормативные значения по шкалам: 4—10 баллов — очень низкий; 11—20 — низкий; 21—29 — средний; 30—40 — высокий уровень удовлетворенности (Никифоров, 2005).

3. Анкета «Отношение к стоматологическому здоровью», разработанная для исследования на кафедре общей и клинической психологии ПСПбГМУ имени академика И.П. Павлова. Анкета направлена на выявление самооценки состояния стоматологического здоровья, мотивации на лечение заболеваний и поддержание здоровья зубов и полости рта, предпочитаемых качеств врача-стоматолога и критериев оценки качества оказанной медицинской стоматологической помощи. Анкета состоит из 23 закрытых вопросов (4 вопроса с возможностью выбора нескольких ответов).

Статистическая обработка полученных данных проводилась с помощью пакета прикладных программ для статистических расчетов с использованием языка R (R version 3.1.3, среда разработки R Studio version 0.98.1103). При описании данных применялись методы описательной статистики. Качественные переменные представлены абсолютными (N) и относительными (%) частотами. Сравнение двух средних проводилось с использованием двувыворочного t-критерия Стьюдента для независимых выборок с уровнем значимости 5 % ($p = 0,05$). Корреляционный анализ проводился с помощью коэффициента ранговой корреляции ζ -Кенделла.

Результаты и их обсуждение

На первом этапе респонденты заполняли анкету, которая содержала вопросы, касающиеся представлений о стоматологическом здоровье, предпочитаемом типе

врача, отношении к стоматологическому лечению, эмоциях, испытываемых перед посещением стоматолога, и т.д.

Прежде всего респондентам предлагалось дать оценку состоянию здоровья своих зубов и полости рта по 100-бальной шкале. Лица, не имеющие медицинского образования, в среднем оценили состояние своего пародонта на $73,2 \pm 23,4$ балла, а лица с медицинским образованием — на $64,5 \pm 23$ баллов. По t-критерия Стьюдента между этими значениями обнаружены статистически значимые различия ($p \leq 0,05$). Респонденты с медицинским образованием ниже оценили состояние своего стоматологического здоровья, что может быть связано с тем, что они имеют более полное представление о собственном здоровье в силу медицинских знаний.

Большинство респондентов, не имеющих медицинского образования (37 %), отметили, что «стоматологическое здоровье» — это физическое здоровье и отсутствие болевых ощущений. Среди респондентов с медицинским образованием на первом месте было определение «стоматологического здоровья» как отсутствия заболеваний (43 %).

Далее респонденты отвечали на вопрос: «Какие эмоции Вы испытываете перед консультацией врача-стоматолога?». Средние данные по двум группам представлены на рис. 2.

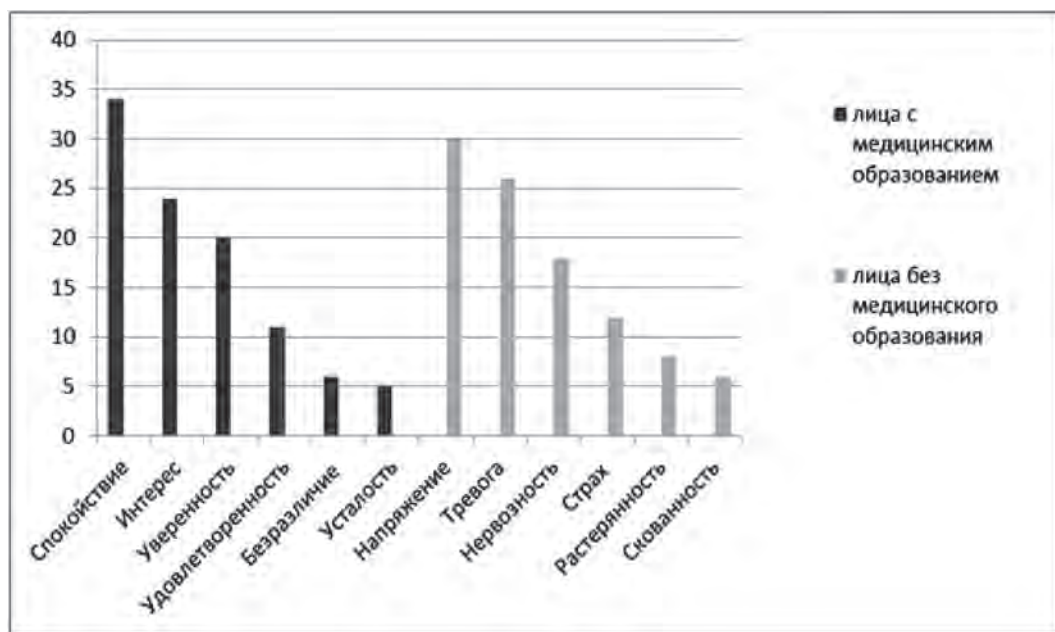

Рис. 2. Эмоции, испытываемые респондентами перед консультацией врача-стоматолога (%)
[Figure 2. Emotions experienced by respondents before dentist consultation, %]

На рис. 2 видно, что чаще всего респонденты, имеющие медицинское образование, перед посещением врача-стоматолога испытывали такие эмоции, как спокойствие (34 %), удовлетворенность (24 %) и уверенность (20 %). Как правило, пациенты отмечают страх перед неизвестностью во время лечения и отсутствием возможности контролировать ситуацию. В связи с этим отсутствие страха и тре-

воги перед посещением стоматолога у данной категории респондентов мы можем обосновать тем, что лица с медицинским образованием имеют достаточное количество знаний, чтобы понимать манипуляции, производимые стоматологом.

Респонденты без медицинского образования чаще всего испытывали перед посещением врача-стоматолога такие эмоции, как напряжение (30 %), тревога (26 %) и нервозность (18 %). Чувство страха и растерянности говорит о наличии у пациентов стоматологической тревоги, с которой сталкивается врач в процессе работы. Именно на данном этапе требуется психологическое сопровождение психолога и коррекция страха и тревоги перед лечением.

Следующий вопрос касался выбора критериев оценки «стоматологической помощи как качественной». Результаты представлены на рис. 3.

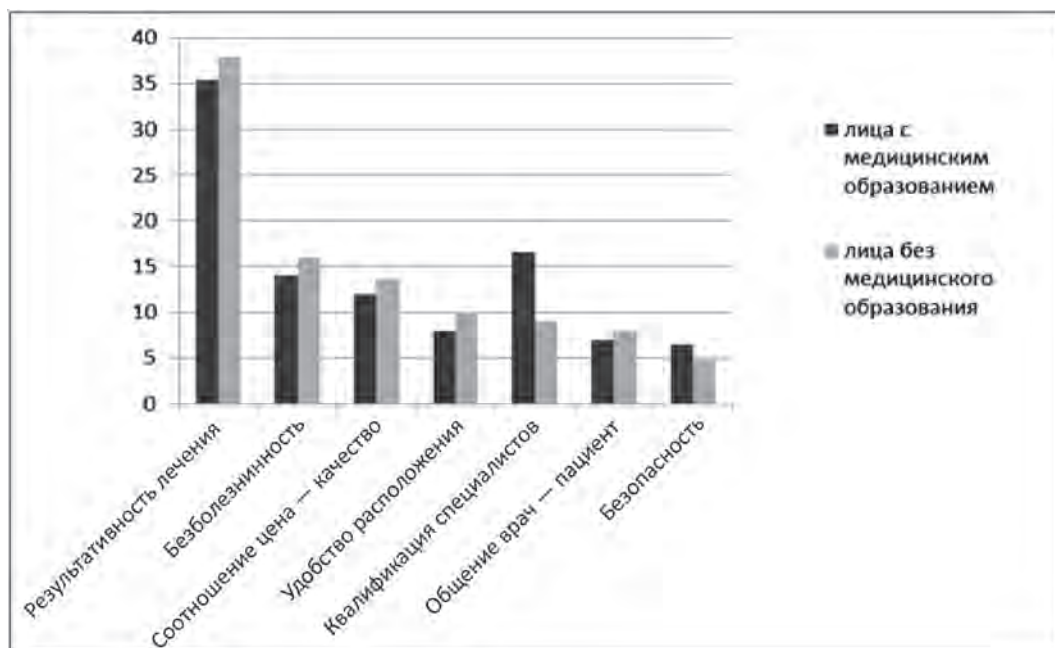

Рис. 3. Критерии оценки стоматологической помощи как качественной (%)
[Figure 3. Criteria for evaluating dental care as a quality, %]

Из результатов, представленных на рис. 3, следует, что 38 % респондентов, не имеющих медицинского образования, и 35,4 % респондентов с медицинским образованием оценивают стоматологическую помощь по результатам лечения как качественную при: определении врачом верной тактики лечения, использовании высоких современных технологий, по состоянию зубов после лечения и гарантии на выполненные работы.

Респонденты без медицинского образования на второе по значимости место (16 %) поставили критерий безболезненности процедур и отсутствия нежелательных побочных эффектов (например, воспаления, отечности после проведения лечения). Лица с медицинским образованием на второе место поставили критерий «квалификация специалистов» (16,6 %).

Исходя из ответов респондентов, мы выделили 5 качеств врача-стоматолога, важных для пациентов. Результаты представлены на рис. 4.

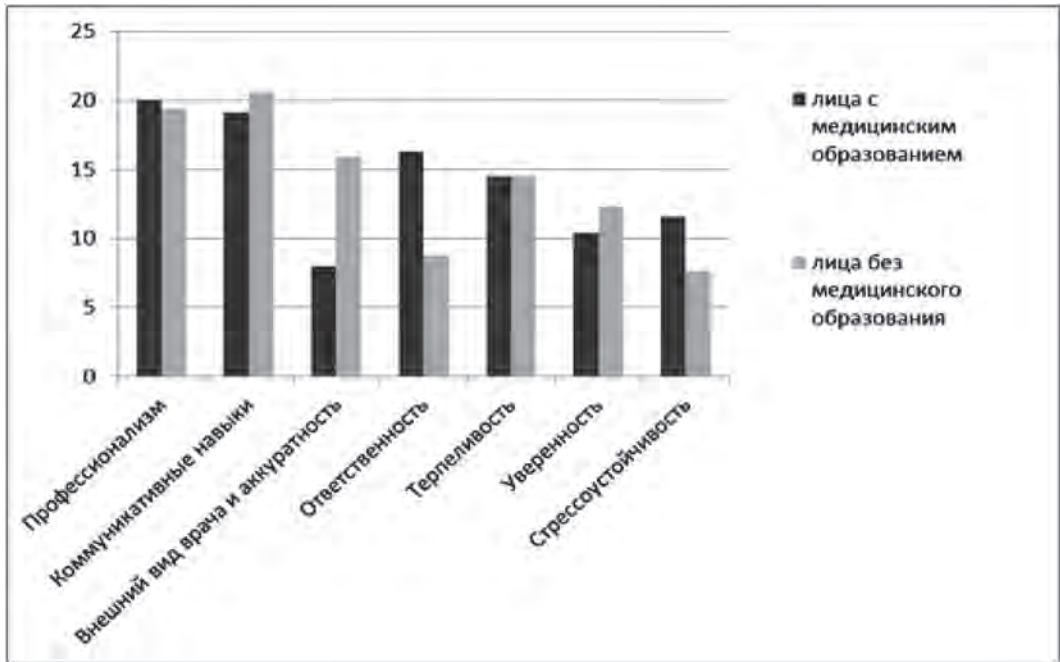

Рис. 4. Предпочитаемые качества врача-стоматолога (%)
[**Figure 4.** Preferred qualities of a dentist, %]

Для эффективной коммуникации с пациентом врач должен обладать необходимыми навыками и психологическими качествами. По результатам анкетирования определены качества врача-стоматолога, которые особенно важны для пациентов. Вне зависимости от своего образования обе группы респондентов отмечали важность профессиональных качеств врача-стоматолога. В эту группу вошли: опыт работы, использование современных технологий и методов лечения, уровень образования и универсальность (отмечали, что предпочитали бы лечиться у врача, который имеет сертификаты по разным специальностям и способен выполнить комплекс процедур). Важными для респондентов оказались коммуникативные навыки, куда вошли такие качества, как общительность, доброжелательность, способность к пониманию и умение слушать. Также все респонденты отметили, что важным навыком является способность врача рассказать о заболевании и объяснить тактику лечения.

Респонденты, имеющие медицинское образование, прежде всего выделили ответственность (16,3 %), терпеливость (14,5 %) и стрессоустойчивость (11,6 %) врача-стоматолога. Лица, не имеющие медицинского образования, выделили среди важных качеств внешний вид и аккуратность (15,9 %), терпеливость (15,4 %) и уверенность в своих действиях (12,3 %) врача-стоматолога.

Был проведен анализ ответов респондентов на вопрос: «Какой тип врача-стоматолога Вы предпочитаете?». Результаты представлены на рис. 5.

Наиболее предпочтительным типом врача оказался «Сопереживающий не директивный» (38,8 % респондентов без медицинского образования и 35,7 % респондентов с ним), который характеризуется ориентацией на партнерство, склон-

ностью принимать к рассмотрению точку зрения больного при диагностике и способе терапевтического лечения. Такой врач способен установить с пациентом доверительные отношения, выслушать его и совместно выработать план лечения, которому впоследствии будет привержен пациент.

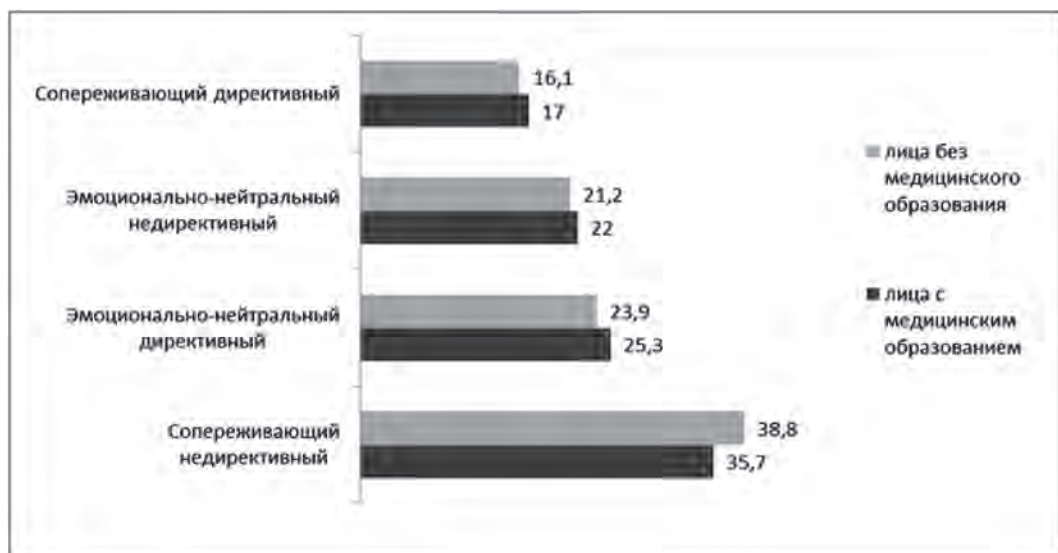

Рис. 5. Предпочитаемый тип врача-стоматолога (%)
[Figure 5. Preferred dentist type, %]

Наименее предпочтительным оказался тип врача «Сопереживающий директивный», который также характеризуется способностью понять проблемы пациента, но находится в роли учителя, указывает, как поступать и что делать, выстраивает неравноправные взаимоотношения.

Поскольку стоматологи считают неразделимыми понятия «здоровье» и «стоматологическое здоровье», и ввиду того, что отсутствуют специализированные методики для определения отношения к стоматологическому здоровью, на следующем этапе исследования мы воспользовались методикой «Отношение к здоровью» Р.А. Березовской. Все респонденты получили инструкцию при ответах на вопросы методики иметь в виду, что речь идет о стоматологическом здоровье. Выявленные статистически значимые различия между изучаемыми группами респондентов представлены в табл. 1.

Согласно результатам опросника «Отношение к здоровью», люди, имеющие медицинское образование, в отличие от людей без медицинского образования больше доверяют врачам в вопросах здоровья и получения информации о нем. Представители обеих групп выделяли фактор «вредные привычки» как наиболее значимый, влияющий на состояние здоровья. Однако респонденты с медицинским образованием придавали этому фактору большее значение, чем респонденты без него. Это можно объяснить тем, что медицинские работники в большей степени осознают пагубность влияния алкоголя, сигарет и психоактивных веществ на организм человека в отличие от людей без медицинского образования. Вместе с тем лица без медицинского образования чаще избегали вредных привычек для

сохранения своего здоровья, чем лица с медицинским образованием. Таким образом, несмотря на то, что лица с медицинским образованием больше других людей знают о вреде для здоровья курения или употребления алкоголя, они чаще пренебрегают этими знаниями.

Таблица 1/Table 1

Различия в отношении к стоматологическому здоровью у лиц с медицинским образованием и без него
[Differences in attitudes towards dental health in persons with and without medical education]

Утверждения методики	Люди, имеющие медицинское образование (n = 52)	Люди, не имеющие медицинского образования (n = 36)	t-критерий Стьюдента	Уровень значимости
Доверие врачам-специалистам	6,05 ± 0,7	5,04 ± 0,9	2,71	p ≤ 0,05
Вредные привычки как фактор, влияющий на состояние здоровья	6,33 ± 1,2	5,42 ± 0,8	2,29	p ≤ 0,05
Избегание вредных привычек	3,33 ± 0,6	4,49 ± 0,9	-2,02	p ≤ 0,05
Когда со здоровьем все благополучно — ничего не беспокоит	3,24 ± 0,9	4,18 ± 1,5	-2,09	p ≤ 0,05
Респонденты встревожены, когда состояние здоровья ухудшается	2,52 ± 1,4	3,55 ± 0,9	-2,13	p ≤ 0,05
Респонденты не знают, что делать для сохранения своего здоровья	1,81 ± 0,7	2,73 ± 1,1	-2,18	p ≤ 0,05
Респонденты сами принимают меры для улучшения своего состояния	4,41 ± 1,7	5,22 ± 2,3	-2,45	p ≤ 0,05

На вопрос «Как вы чувствуете себя чаще всего, когда со здоровьем у вас все благополучно?» респонденты отвечали, что их ничего не беспокоит. Из этого можно сделать вывод о том, что люди без медицинского образования не обеспокоены своим здоровьем, когда у них нет беспокоящих, неприятных симптомов. Но они испытывают чувство тревоги, когда узнают об ухудшении своего здоровья. На вопрос «Если вы заботитесь о своем здоровье недостаточно или нерегулярно, то почему?» люди, не имеющие медицинского образования, отвечали: «Не знаю, что нужно для этого сделать». Возможно, что лица без медицинского образования имеют низкий уровень знаний в области гигиены и заботы о своем стоматологическом здоровье.

Пациенты без медицинского образования отвечали, что, чувствуя недомогание, в большей степени сами принимали меры по улучшению своего состояния в отличие от медицинских работников, которые обращались за помощью к коллегам-врачам. Такой результат объясняется тем, что люди без медицинского образования не спешат получить профессиональную медицинскую помощь, так как надеются, что появившееся симптомы временные.

Также был проведен анализ различий удовлетворенностью уровнем здоровья и качеством жизни между двумя изучаемыми группами по методике «Удовлетворенность качеством жизни» Н.Е. Водопьяновой, однако значимых различий не было обнаружено, средние значения представлены в табл. 2.

Как следует из табл. 2, у респондентов, имеющих медицинское образование, оценки качества жизни по шкалам «Оптимистичность», «Самоконтроль» и «Негативные эмоции» находятся в диапазоне низких значений. Все остальные оцен-

ка качества жизни находятся в диапазоне средних значений. Общий индекс качества жизни у лиц с медицинским образованием также был в диапазоне средних значений. У респондентов, не имеющих медицинского образования, оценки качества жизни по шкалам «Здоровье», «Оптимистичность», «Самоконтроль» и «Негативные эмоции» находятся в диапазоне низких значений. Ни одна из сфер жизни в оценках респондентов не достигала высокого уровня, общий индекс качества жизни также имел среднее значение.

Таблица 2/ Table 2

**Оценка удовлетворенности здоровьем и качеством жизни
у лиц с медицинским образованием и без него
[Assessment of satisfaction with health and quality of life
in people with and without medical education]**

Шкалы методики	Люди, имеющие медицинское образование (n = 52)	Люди, не имеющие медицинского образования (n = 36)	t-критерий Стьюдента	Уровень значимости
Работа	27,81	25,75	1,13	0,26
Личные достижения	29,52	27,25	1,33	0,19
Здоровье	26,10	24,78	0,75	0,46
Общение с людьми	28,33	27,67	0,42	0,68
Поддержка со стороны окружающих	25,57	25,10	0,36	0,72
Оптимистичность	14,14	17,36	-1,37	0,17
Напряженность	26,05	25,22	0,51	0,61
Самоконтроль	21,19	21,81	-0,33	0,74
Негативные эмоции	20,10	19,85	0,13	0,90
Индекс качества жизни	23,90	23,84	0,05	0,96

На заключительном этапе исследования мы проанализировали взаимосвязи самооценки состояния стоматологического здоровья, отношения к здоровью и качества жизни у респондентов с медицинским и немедицинским образованием. Статистически значимые корреляции представлены в табл. 3.

Как следует из табл. 3, в группе респондентов с медицинским образованием обнаружено, что чем выше удовлетворенность качеством жизни по параметру «Работа», тем ниже показатели по шкалам «Эмоциональный уровень отношения к здоровью» и «Ценностно-мотивационный уровень отношения к здоровью» (и наоборот). То есть при высокой степени удовлетворенности работой может снижаться значимость заботы о своем здоровье и при этом усиливаться беспокойство за здоровье. Эти взаимосвязи возможно объяснить тем, что достижение удовлетворенности работой требует больших усилий: временных, физических и эмоциональных. Также в этой группе обнаружена положительная корреляция между самооценкой стоматологического здоровья и шкалой «Поведенческий уровень отношения к здоровью». Поведенческий уровень отношения к здоровью определяется готовностью к активным действиям для сохранения и поддержания здоровья. Исходя из этого можно предположить, что лица, высоко оценивающие свое стоматологическое здоровье, в то же время следят за ним, выполняют рекомендации и назначения врачей и в случае необходимости своевременно проходят лечение. Ценностно-мотивационный уровень отношения к здоровью (положение

здоровья в индивидуальной иерархии ценностей) имел положительные корреляции с удовлетворенностью качеством жизни по параметрам «Оптимистичность» и «Самоконтроль». Респонденты с высокой степенью удовлетворенности, уверенности в себе и своем окружении, дисциплинированности обладали высокой мотивацией на поддержание собственного здоровья.

Таблица 3/Table 3

Коэффициенты корреляции самооценки состояния стоматологического здоровья, отношения к здоровью и качества жизни
[The correlation between self-esteem of dental health, attitudes to health and quality of life]

Параметры удовлетворенности здоровьем и качеством жизни	Шкалы отношения к здоровью			
	Когнитивный уровень	Эмоциональный уровень	Поведенческий уровень	Ценностно-мотивационный уровень
Респонденты с медицинским образованием				
Самооценка состояния здоровья	-0,05	-0,10	0,38*	0,07
Работа	0,31	-0,40*	-0,03	-0,22*
Оптимистичность	-0,05	0,20	0,34	0,37*
Самоконтроль	0,25	0,16	0,12	0,45*
Респонденты без медицинского образования				
Самооценка состояния здоровья	0,05	0,30*	-0,06	-0,02
Поддержка со стороны окружающих	0,20	0,25*	-0,07	0,07
Оптимистичность	0,32*	0,14	0,21	0,31*
Общий индекс качества жизни	0,27*	0,05	-0,01	0,06

Примечание. * $p \leq 0,05$.

В группе лиц с немедицинским образованием также выявлены корреляции индексов качества жизни и уровней отношения к здоровью. Обнаружены положительные взаимосвязи когнитивного уровня отношения к здоровью (степень осведомленности в области поддержания и сохранения здоровья) с удовлетворенностью качеством жизни по параметру «Оптимистичность» и «Общим индексом качества жизни». Вероятно, осведомленность о своем здоровье, понимание важности поддержания состояния здоровья и профилактики заболеваний тесно связаны с общей удовлетворенностью качеством жизни, оптимизмом и уверенностью в прогнозе на будущее у респондентов без медицинского образования.

Эмоциональный уровень отношения к здоровью среди лиц с немедицинским образованием был положительно взаимосвязан с самооценкой стоматологического здоровья. Предположительно, респонденты с низким уровнем тревожности за свое здоровье выше оценивают его состояние, так как меньше обращают внимание на слабые симптомы начинающегося заболевания. То есть уровень тревожности и беспокойства за свое здоровье выше у респондентов — не медиков с низкой субъективной оценкой (самооценкой) своего стоматологического здоровья. Кроме того, обнаружена прямая связь шкалы «Ценностно-мотивационный уровень отношения к здоровью» с удовлетворенностью качеством жизни по параметрам «Поддержка со стороны других» и «Оптимистичность». Иными словами,

уровень мотивации на здоровый образ жизни и понимание важности сохранения здоровья среди лиц без медицинского образования были связаны с наличием поддержки со стороны окружающих (прежде всего, со стороны семьи) и высокими показателями жизнерадостности и оптимизма в отношении жизни.

Таким образом, в исследовании показано, что стоматологическое здоровье пациентов тесно связано с их оценкой качества жизни, и эти данные перекликаются с мнением других отечественных исследователей (Савина, Булкина, Ломакина, Олевская, 2011; Гажва, Гажва, Гулуев, 2012; Чигарина, 2016; Яременко, Исаева, Колегова, Ситкина, Васильева, 2018). Существует проблема поиска критериев комплаентного поведения в стоматологии и способов повышения приверженности лечению. Однако специалисты утверждают, что на соблюдение рекомендаций оказывает влияние отношение к собственному здоровью. В нашем исследовании установлено, что большинство людей связывают свое здоровье с физическим и психологическим благополучием. Выявлено, что, несмотря на рост качества оказания медицинской стоматологической помощи и совершенствование технологий лечения, большинство пациентов сталкиваются со страхом и тревогой перед стоматологическим лечением, требующих коррекции как на приеме у врача, так и во время работы с психологом.

Среди факторов комплаентного поведения были выделены такие критерии, как результативность лечения и коммуникативные навыки врача-стоматолога. Респонденты отмечали, что предпочли бы лечиться у врача сопереживающего, недирективного типа, от которого ожидают включенность в проблему, стремление обсуждать план лечения или реабилитации совместно с пациентом, выстраивание партнерских равноправных отношений.

В ходе исследования мы обнаружили различия в отношении к стоматологическому здоровью у лиц с медицинским образованием и без него. Несмотря на свои знания в области медицины, врачи чаще пренебрегают своим здоровьем и не ставят его на первое место. Установлено, что уровень оптимизма, наличие поддержки со стороны близких и высокая удовлетворенность разными сферами жизни тесно связаны с более «ценностным» отношением к здоровью и высоким уровнем мотивации к его сохранению в обеих группах респондентов.

Заключение

Итак, несмотря на бурное развитие и разнообразие стоматологических услуг, до сих пор существует ряд проблем в сфере сохранения стоматологического здоровья. Исследование показало, что дентофобия и незнание правил заботы о здоровье являются актуальными проблемами, решением которых необходимо заниматься как на местном уровне (во время общения врача с пациентом в клинике), так и на государственном (повышение медицинской грамотности населения).

В результате исследования мы пришли к следующим выводам.

1. Большинство респондентов, не имеющих знаний в области медицины, при необходимости посещения врача-стоматолога испытывают негативные эмоции, такие как нервозность, тревога, страх. Пациенты, имеющие медицинское образование, таких эмоций не испытывают, их отмечают спокойствие и уверенность.

2. Среди критериев оценки качества оказания стоматологической помощи респонденты в первую очередь выделяют результативность лечения.

3. Большинство респондентов предпочли бы врача-стоматолога, который готов выслушать пациента, понять причину его страха или тревоги и совместно с ним обсудить возможные варианты лечения. Также пациенты обращают внимание на профессиональные и коммуникативные навыки специалиста.

4. Люди, не имеющие медицинского образования, внимательнее относятся к своему здоровью, чем лица с медицинским образованием, однако они чаще занимаются самолечением. Большинство респондентов отметили недостаток знаний в отношении профилактики стоматологических заболеваний.

5. Вне зависимости от образования (немедицинского или медицинского) отношение к здоровью взаимосвязано с жизнерадостностью и уровнем тревожности.

Результаты исследования могут применяться специалистами любого профиля стоматологии. Знание личностных особенностей помогут врачам-стоматологам подбирать индивидуальные методы межличностного взаимодействия с пациентами. Одним из способов применения результатов данного исследования может быть система кейс-менеджмента в стоматологии, то есть индивидуального сопровождения и управления лечением пациента. При таком подходе пациенту будет уделяться больше времени, а значит, будет возможность более детального, тщательного обсуждения с ним правил гигиены, вариантов и плана лечения, а также предупреждения или психокоррекции стоматологических страхов и тревоги.

Список литературы

- Гажва С.И., Гажва Ю.В., Гулуев Р.С.* Качество жизни пациентов с заболеваниями полости рта (литературный обзор) // *Современные проблемы науки и образования*. 2012. № 4. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=6466> (дата обращения: 30.07.2018).
- Данилов Д.С.* Терапевтическое сотрудничество (комплаенс): содержание понятия, механизмы формирования и методы оптимизации // *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика*. 2014. № 2. С. 4–12.
- Исмаилов А.А., Каратаева А.М.* Маркетинг в стоматологической организации // *Молодой ученый*. 2016. № 7. С. 390–395.
- Никифоров Г.С.* Практикум по психологии здоровья. СПб.: Питер, 2005. 350 с.
- РБК. Обзор платных медицинских услуг и здорового образа жизни. Рынок стоматологических услуг. URL: http://marketing.rbc.ru/reviews/medicine2013/chapter_2_3.shtml (дата обращения: 10.11.2016).
- РБК. Исследование рынка стоматологии Санкт-Петербурга в 2017 году. 2017. URL: <https://business-planner.ru/articles/analitika/issledovanie-rynka-stomatologii-sankt-peterburga-v-2017-godu.html> (дата обращения: 10.07.2018).
- Савина Е.А., Булкина Н.В., Ломакина Д.О., Олевская О.А.* Психотерапевтические приемы при проведении лечебно-профилактических мероприятий в рамках деонтологического поведения врача стоматолога-терапевта // *Саратовский научно-медицинский журнал*. 2011. Т. 7. № 3. С. 683–689.
- Саркисов А.А.* Психологические аспекты формирования взаимоотношений врача и пациента на стоматологическом приеме: дис. ... д-ра мед. наук. М., 2014. 32 с.

- Тимохова Е.С., Грицкевич Е.Р.* Влияние стоматологического статуса полости рта на уровень качества жизни // Сахаровские чтения 2018 года: экологические проблемы XXI века: материалы 18-й Международной научной конференции (Минск, Республика Беларусь). 2018. С. 349—350.
- Фирсова И.В., Михальченко В.Ф., Македонова Ю.А.* COMPLAINTS AS A RESULT OF COMPETENT APPROACH TO TREATMENT IN STOMATOLOGICAL PRACTICE // Российская стоматология. 2014. № 1. С. 46—48.
- Чигарина С.Е.* Стоматологическое здоровье студенческой молодежи // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 10—2. С. 243—245.
- Яременко А.И., Исаева Е.Р., Колегова Т.Е., Ситкина Е.В., Васильева Ю.В.* Удовлетворенность качеством жизни пациентов с минимальными рубцовыми деформациями лица и шеи // Клиническая и специальная психология. 2018. Т. 7. № 1. С. 75—90. doi: 10.17759/crpe.2018070106
- Beaton L., Freeman R., Humphris G.* Why are people afraid of the dentist? Observations and explanations // Medical principles and practice. 2014. Vol. 23. Pp. 295—301. doi: 10.1159/000357223
- Berggren U., Meynert G.* Dental fear and avoidance — causes, symptoms and consequences // Journal of the American Dental Association. 1984. Vol. 109. No. 2. Pp. 247—251. doi: 10.14219/jada.archive.1984.0328
- Clay R.A.* Drilling down on dental fears: A growing number of psychologists are helping patients overcome dental-related anxiety and other oral health concerns // APA. Monitor of Psychology. 2016. Vol. 47. No. 3. URL: <http://www.apa.org/monitor/2016/03/dental-fears.aspx> (дата обращения: 10.11.2016).
- Crego A., Carrillo-Diaz M., Armfield J.M.* From Public mental health to community oral health: the impact of dental anxiety and fear on dental status // Front Public Health. 2014. Vol. 2. P. 16. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3937873/> (дата обращения: 10.11.2016). doi: 10.3389/fpubh.2014.00016
- Hathiwala S., Acharya S., Patil S.* Personality and psychological factors: Effects on dental beliefs // Journal of Indian Society of Pedodontics and Preventive Dentistry. 2015. Vol. 33. No. 2. Pp. 88—92. doi: 10.4103/0970-4388.155110
- Macri D.* The expert advice: Dental patient compliance hinges on effective communication strategies // Registered Dental Hygienists magazine. 2016. URL: <http://www.rdhmag.com/articles/print/volume-36/issue-6/contents/the-expert-advice.html> (дата обращения: 10.11.2016).
- Sven G., Carlsson, Boman U.W., Magnus J.L.* Dental anxiety — a joint interest for dentists and psychologists // European Journal of Oral Sciences. 2013. Vol. 121. Pp. 221—224. doi: 10.1111/eos.12046
- Reisine S.T., Fertig J., Leder S.* Impact of dental conditions on patient's quality of life // Community Dent Oral Epidemiology. 1989. Vol. 17. Pp. 7—10. doi: 10.1111/j.1600-0528.1989.tb01816
- Vermaire J.H., van Exel N.J.A.* Parental attitudes towards oral health and caries-risk in their children // International Journal of Dental Hygiene. 2017. Vol. 2. No. 16. Pp. 1—8. doi: 10.1111/idh.12296

История статьи:

Поступила в редакцию: 13 декабря 2018 г.

Принята к печати: 25 февраля 2019 г.

Для цитирования:

Ситкина Е.В., Трегубенко И.А., Беляева Е.А., Исаева Е.Р. Особенности отношения к стоматологическому лечению и здоровью у лиц с медицинским и немедицинским образо-

ванием // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 1. С. 71–87. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-1-71-87>

Сведения об авторах:

Ситкина Евгения Владимировна — ассистент кафедры общей и клинической психологии Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: sitkina_evgenya@mail.ru

Трегубенко Илья Александрович — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: ia2312@yandex.ru

Беляева Елена Алексеевна — студентка 6-го курса факультета клинической психологии Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: helenar95@mail.ru

Исаева Елена Рудольфовна — доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей и клинической психологии Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: isajeva@yandex.ru

Research article

**Attitude toward Dental Health and Treatment
in Patients with Medical and Non-Medical Education**

Evgenya V. Sitkina, Ilya A. Tregubenko, Elena A. Belyaeva, Elena R. Isaeva

Pavlov First Saint Petersburg State Medical University
6—8 Lva Tolstogo St., Saint Petersburg, 197022, Russian Federation

Abstract. The article discusses the differences in attitudes towards dental health among persons with and without medical education. The authors described the criteria for assessing the quality of dental care, the preferred quality of a dentist and causes dental phobia in the adult population, as well as highlighted ways to improve compliance and reduce fear and anxiety before visiting the dentist.

A total of 88 apparently healthy respondents who do not pass dental treatment at the time of the study (52 women and 36 men) took part in the study (the average age is 32 ± 12.5 years).

The following techniques were used: (1) the survey Attitude to Health by R.A. Berezovskaya for assessing the respondents' attitude to their own health (emotional, behavioral, cognitive, and value-motivational scales); (2) the Life Quality Scale by N.E. Vodopianova for the assessment of the general life quality index and the self-assessment of the respondents life quality in such categories as: work, personal achievements, health, communication with relatives, support, optimism, tension, self-control, negative emotions; (3) the questionnaire Attitude to dental health developed for research at the Department of General and Clinical Psychology of Pavlov First Saint Petersburg State Medical University.

Key research findings is: (1) most patients prefer an empathic-non-prescriptive type of dentist; (2) for most patients are important professional and communication skills of the dentist; (3) there are differences in attitudes towards dental health in patients with and without medical education.

Keywords: attitude to health, dental health, dental treatment, compliance, quality of life

References

- Beaton, L., Freeman, R., & Humphris, G. (2014). Why are people afraid of the dentist? *Observations and Explanations. Medical Principles and Practice*, 23, 295—301. doi: 10.1159/000357223
- Berggren, U., & Meynert, G. (1984). Dental fear and avoidance — causes, symptoms and consequences. *Journal of the American Dental Association*, 2(109), 247—251. doi: 10.14219/jada.archive.1984.0328
- Chigarina, S.E. (2016). The stomatologic health of students. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 10(2), 243—245. (In Russ.)
- Clay, R.A. (2016). Drilling down on dental fears: A growing number of psychologists are helping patients overcome dental-related anxiety and other oral health concerns. *APA. Monitor of Psychology*, 47(3). Retrieved from: <http://www.apa.org/monitor/2016/03/dental-fears.aspx>
- Crego, A., Carrillo-Diaz, M., & Armfield, J.M. (2014). From public mental health to community oral health: The impact of dental anxiety and fear on dental status. *Front Public Health*, (2), 16. Retrieved from: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3937873/> doi: 10.3389/fpubh.2014.00016
- Danilov, D. (2014). Therapeutic collaboration (compliance): Content of the definition, mechanisms of formation, and methods of optimization. *Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics*, (2), 4—12. (In Russ.)
- Firsova, I.V., Mikhachenko V.F., & Makedonova Yu.A. (2014). The compliance as a result of the rational approach to the treatment in stomatological practice. *The Russian Dentistry*, (1), 46—48. (In Russ.)
- Gazhva, S.I., Gazhva, Yu.V., & Guluev, R.S. (2012). Quality of life of patients with oral cavity diseases (literary review). *Modern Problems of Science and Education*, (4). Retrieved from: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=6466> (In Russ.)
- Hathiwala, S., Acharya, S., & Patil, S. (2015). Personality and psychological factors: Effects on dental beliefs. *Journal of Indian Society of Pedodontics and Preventive Dentistry*, 33(2), 88—92. doi: 10.4103/0970-4388.155110
- Iaremenko, A.I., Isaeva, E.R., Kolegova, T.E., Sitkina, E.V., & Vasilieva, J.V. (2018). Satisfaction with quality of life in patients with minimum cicatricial damage of the face and neck. *Clinical Psychology and Special Education*, 7(1), 75—90. doi: 10.17759/cpse.2018070106 (In Russ.)
- Ismailov, A.A., & Karataeva, A.M. (2016). Marketing in the dental organization. *Young Scientist*, (7), 390—395. (In Russ.)
- Macri, D. (2016). The expert advice: Dental patient compliance hinges on effective communication strategies. *Registered Dental Hygienists Magazine*. Retrieved from: <http://www.rdhmag.com/articles/print/volume-36/issue-6/contents/the-expert-advice.html>
- Nikiforov, G.S. (2005). *Praktikym po psichologii zdorov'ya*. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- RBC. (2016). *Review of Paid Medical Services and a Healthy Lifestyle. The Market for Dental Services*. Retrieved from: http://marketing.rbc.ru/reviews/medicine2013/chapter_2_3.shtml (In Russ.)
- RBC. (2017). *Research of the Market of Dentistry in Saint Petersburg in 2017*. Retrieved from: <https://business-planner.ru/articles/analitika/issledovanie-rynka-stomatologii-sankt-peterburga-v-2017-godu.html> (accessed: 10.07.2018). (In Russ.)
- Reisine, S.T., Fertig, J., & Leder, S. (1989). Impact of dental conditions on patient's quality of life. *Community Dent Oral Epidemiology*, (17), 7—10. doi: 10.1111/j.1600-0528.1989.tb01816

- Sarkisov, A.A. (2014). *Psychologicheskie aspekty formirovaniya vzaimootnoscheniy vracha i pacienta na stomatologicheskom prieme*. Ph.D in Medical Thesis. Moscow. (In Russ.)
- Savina, E.A., Bulkina, N.V., Lomakina, D.O., & Olevskaia, O.A. (2011). Deontology of a therapist: psychological and therapeutic ways of behavior during dental examination and treatment. *Saratov Journal of Medical Scientific Research*, 7(3), 683–689. (In Russ.)
- Sven, G. Carlsson, Boman, U.W., & Magnus, J.L. (2013). Dental anxiety — a joint interest for dentists and psychologists. *European Journal of Oral Sciences*, (121), 221–224. doi.org/10.1111/eos.12046
- Timokhova, E.S., & Gritskevich, E.R. (2018). Impact of the dental status of the oral cavity on the level of quality of life. *Sakharov Readings 2018: Environmental Problems of the 21st Century* (pp. 349–350). Minsk. (In Russ.)
- Vermaire, J.H., & van Excel N.J.A. (2017). Parental attitudes towards oral health and caries-risk in their children. *International Journal of Dental Hygiene*, 16(2), 241–248. doi: 10.1111/idh.12296

Article history:

Received: 13 December 2018

Revised: 22 February 2019

Accepted: 25 February 2019

For citation:

Sitkina, E.V., Tregubenko, I.A., Belyaeva, E.A., & Isaeva, E.R. (2019). Attitude toward Dental Health and Treatment in Patients with Medical and Non-Medical Education. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(1), 71–87. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-1-71-87>

Bio Notes:

Evgenya V. Sitkina — Assistant of General and Clinical Psychology Department, Pavlov First Saint Petersburg State Medical University (Saint Petersburg, Russia). E-mail: sitkina_evgenya@mail.ru

Ilya A. Tregubenko — Ph.D. in Psychology, Associate Professor of General and Clinical Psychology Department, Pavlov First Saint Petersburg State Medical University (Saint Petersburg, Russia). E-mail: ia2312@yandex.ru

Elena A. Belyaeva — 6th year student of the Faculty of Clinical Psychology, Pavlov First Saint Petersburg State Medical University (Saint Petersburg, Russia). E-mail: helenap95@mail.ru

Elena R. Isaeva — Doctor Sc. of Psychology, Head of the General and Clinical Psychology Department, Pavlov First Saint Petersburg State Medical University (Saint Petersburg, Russia). E-mail: isajeva@yandex.ru

Research article

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-1-88-100

UDC 378.016

Analysis of the English Language Needs of Students at the Russian Technological University

Olga G. Rossikhina, Polina V. Ermakova, Olga A. Aleshchenko

National University of Science and Technology MISiS
4 Lenin Ave., Moscow, 119049, Russian Federation

Abstract. The article looks into the English language needs of engineering students and young graduates at one of the leading technological universities in Russia — NUST MISiS. The authors used a mixed methodology approach to explore how often and in what real-life situations current and former students use the English language. 107 paper questionnaires were completed by master's degree students in class and the answers were counted; 123 responses were received online from 2015 and 2016 graduates and processed statistically; 17 structured interviews with college administrators and subject professors were recorded and then coded for the main categories. The results demonstrate that despite dramatic changes at NUST MISiS under The Competitiveness Enhancement Program 5-100, good English competence is not a priority, with the majority of young graduates being 'unsure' about its benefits for their career and some administrators calling it 'the least required competence'. However, the English language needs vary across subject departments. Thus, students majoring in new materials and programming use English on a regular basis, while economists and metallurgists might not really need it in both studies and future job. Overall, the most required skill is reading, and the least used ones are oral communication and academic writing in English. The authors discuss how orientation on potential rather than actual needs can affect the ESP/EAP course design in the context of engineering education in Russia.

Keywords: needs analysis, English, engineering students, employment, questionnaires, structured interviews

Introduction

The English language curriculum in higher educational institutions worldwide is designed with a particular purpose, which is to prepare students for operating successfully in academic and professional contexts. In the majority of universities the English course comprises the English for Academic Purposes (EAP) or English for Specific Purposes (ESP) components or rather a combination of both. Needs analysis plays a vital role in the design of the EAP/ESP course (Hutchinson & Waters, 1997; Jordan, 1997).

© Rossikhina O.G., Ermakova P.V., Aleshchenko O.A., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Needs analysis involves identifying the level to achieve, language to learn, communication situations for language use and study skills needed in the target situation as well as the analysis of their current development and the gap in skills to be bridged (Serafini et al., 2015).

There are many publications (for example, those reviewed by Braine (2002), or a more recent study by Dooley (2010)) on the design of pre-sessional and in-sessional EAP courses in English-medium university based on elaborate analysis of needs of non-native speakers of English. The workplace needs of engineers in the countries where English is widely spoken and how university programmes meet industry demands have also received a lot of attention (Darling & Dannels, 2003; Huhta et al., 2013; Kassim & Ali, 2013; Sageev & Romanowsky, 2001; Prior, 2014).

In Russia the situation is different as the overwhelming majority of universities remain Russian-language medium institutions, where the needs in English are not explicit. Sociologists demonstrate quite low levels of foreign language proficiency even among young generation or people with higher education degrees (e.g. Levada Center survey, 2014). Recruiters in Russia also seem to put low priority to foreign language competence (Sostoyanie rossiyskogo rynka truda, 2018).

However, Russian educators are convinced that a good command of English is important for ‘success in life’ (Gotlib, 2009) or ‘building professional career’ (Aref’ev, 2008; Gotlib, 2009; Levchenko et al., 2016) or ‘improving academic mobility’ (Polenova & Pshegusova, 2015). As there is minimal evidence to support these claims, tertiary institutions often operate perceived rather than real-life needs of their learners. In the British Council Baseline Study Frumina and West (2015, p. 45) described this situation as ‘surprisingly little attention was paid to students’ needs, beyond noting that the majority of students felt that English was important or very important for their careers’. As a result of this lack of factual data, the syllabus of an EAP/ESP course in a Russian university is usually based on general and often theoretical understanding of students’ current and future use of English in their academic and professional lives.

The State educational standards for higher education claim that the general competence for all engineering majors is the ability ‘to communicate orally and in writing in Russian and a foreign language in situations of interpersonal and intercultural interaction’ for bachelors and ‘readiness to communicate in L1 and L2 in the professional context, presenting clear and reasoned opinions and conclusion’ (State Educational Standards for 2016–2018). Unfortunately, there is very little factual evidence of how engineering graduates in Russia meet these requirements.

At the same time, the situation with Russian higher education has changed dramatically since 2012, when the baseline study was conducted. Many universities are undergoing the process of internalization, which means integration of national educational system into the world scientific and academic space.

NUST MISiS (the National University of Science and Technology) is at the forefront of this process, being the winner in the Competitiveness Enhancement Program 5-100. This governmental project for boosting competitiveness of Russian universities in the world high education market triggered drastic changes into the scientific, research, educational and extracurricular activities. Unlike the majority of technical institutions in Russia, NUST MISiS can boast an extensive English language course for all bachelor’s

degree students throughout all four years of their studies. However, it still remains a non-English medium institution in a non-English language country, where the language of instruction in all university courses except international master's programmes is still Russian, and the need in English is not obvious.

Taking this leading technical university as a model, we looked into the actual English language needs of engineering students in Russia. As there is no reliable evidence that NUST MISiS students and alumni really use English outside the English class, let alone how often and in what real-life situations they do it, this paper indicates communication situations in the context of academic studies and alumni's employment needs. The data are obtained from different sources by a variety of methods. We assume that these data can inform the ESP/EAP course design in many similar institutions and make it more relevant to learners' actual needs.

Methodology

Background

NUST MISiS is a vivid example of Russian higher education modernization process, being one of the 21 university participants (www.5top100.ru/en/universities), whose strategic goal is to become world leader in fundamental and applied research in materials science, metallurgy, mining, nanotechnologies, and significantly improve its current standings in IT and biomedicine. The Russian language remains the only language of instruction in all undergraduate disciplines with a few English medium master's programmes launched recently.

However, recognizing the role of English in global communication, in 2010 NUST MISiS launched a specially-conceived English language curriculum for all undergraduates regardless their major (National University of Science and Technology, 2018). Unlike language programmes in the majority of technical universities in our country, this course is long-term and intensive, with many contact and online hours. Another feature of the programme is its external final assessment in the form of IELTS exam.

The 4-year programme comprises General English (GE), EAP and ESP contexts and targets at achieving B2 level of proficiency CEFR by half of graduates. The EAP is taught mainly as IELTS preparation materials, the ESP component currently does not exist as an independent component, but is introduced through project work. The place and role of ESP projects in the curriculum is regularly revised to meet concerns of subject professors. They see the ability to translate technical texts and mastering specific terminology as the key need of their students and believe that only this expertise will enable their students to read research literature extensively and maybe even write articles.

The main scope of the research was conducted in the 2015/2016 academic year, with some findings obtained in 2018. This is important to note because the situation at our university has been changing very fast as it has been rising in international ratings.

Participants and methods

Data were collected from multiple sources using a variety of qualitative and quantitative methods. This mixed-method approach described in detail in Cowling (2007) and Huhta

et al. (2013) allows to obtain more objective and thorough information for needs analysis through triangulation of data.

The methods and informants are listed below:

- background information from recruitment websites;
- online surveys of the 1st–3rd year students;
- online survey of alumni;
- paper questionnaires for postgraduate students;
- semi-structured interviews with domain specialists;
- structured interviews with college administrators and subject professors.

Quantitative data. The Department of Modern Languages (IYAKT) annually conducts two surveys as a monitoring tool. In this article we used the results obtained in 2017/2018. The first survey in the form of paper questionnaires was administered to 1st year students during English classes and 200 responses (about 30 %) were obtained.

The online survey, which monitored 1st, 2nd and 3rd year students' satisfaction with the programme, was completed by 14 % of all undergraduates studying in the English programme.

Postgraduate students were used as a source of quantitative data about the academic context. Questionnaires were distributed and completed in class. Multiple choice questions were prompted by CEF Professional Profiles (Huhta et al., 2013) and concerned mainly frequency and situations of English use during under- and postgraduate studies. Students' questionnaires were revised twice after piloting with several master degree students.

Overall, we received and processed 107 responses out of 228 postgraduates enrolled in the course. Their distribution of responses among colleges was the following: 69 were from College of Engineering (CEng), 29 from College of New Materials (CNM) and 9 from College of Economics (CEc). College of IT (CIT) did not have master degree programmes at the time of research. We applied questionnaires before interviews as we had to have some picture before appointing meetings with university authorities and subject professors.

The online survey of 2015 and 2016 graduates on the role of English in their professional lives was conducted in November/December 2018. The questions were prompted by Technical Communication Survey described in Sageev et al. (2001). The questionnaires with 5-level Likert items ranged from 'strongly agree' to 'strongly disagree' were mailed to 1900 alumni, and 123 responses were obtained and analysed.

Qualitative data. Questionnaires completed by master's degree students informed a small number of semi-structured interviews with subject professors and further on a larger series of structured interviews with university academic and administrative staff. The 1st drafts, which originally contained 12 questions, were piloted in semi-formal interviews with professors who the researchers knew well. As a result, the number of questions was reduced to 7 and wording was revised for more clarity. We conducted 17 interviews with 4 heads of colleges, 6 heads of specialist departments and 7 subject professors. All interviews, which lasted from 30 to 50 minutes, were recorded and then transcribed by the research team. Then they were coded and the main categories developed (Bell & Bryman, 2003).

Job descriptions and requirements for candidates for engineering positions in Russia were retrieved from Russian job hunting websites (www.rabota.ru; www.headhunting.ru and www.superjob.ru) in 2018.

Results

Motivation

The 1st year students were asked to answer two questions:

1. Did you know about the intensive English language programme at NUST MISiS at the point of admission?

2. Did this information affect your decision to enter this university?

The results for all four colleges are presented in Figure.

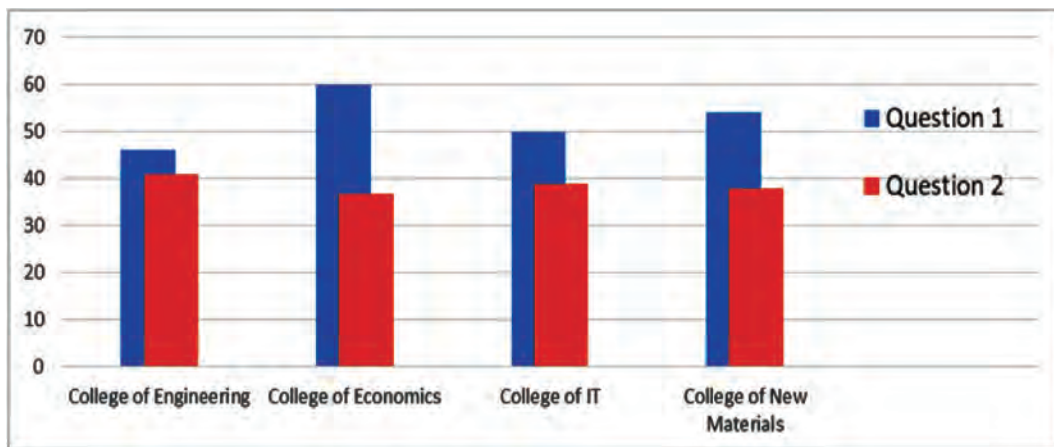

Figure. Awareness of the programme in 2017

The percentage of those aware of the programme varied from 46 to 60 across colleges, and only for 37—41 % this information affected their choice. Thus, quite predictably, entrants are mostly unaware of their English language needs and rely on the university and language department authorities to set the goals and design the language course for them.

Passing IELTS successfully motivates 65 % of 1st, 2nd and 3rd year students, with 35 % either indifferent or not motivated.

The 1st, 2nd and 3rd year-students participated in an online survey, where they were asked if passing IELTS successfully motivated them to study English. The majority of respondents (65 %) answered positively but the proportion of those who are not motivated or unsure was quite high (35 %).

Communication situations in the academic context

Most postgraduates wrote in questionnaires that they used English only occasionally outside English classes in both bachelor and master's degree courses (51 and 47 % accordingly). Far fewer respondents admitted that they needed English almost every day in their bachelor studies (11 %) or use it that often in their master degree course (28 %). A minor proportion of students from both tiers (10 %) never used English in their studies.

A list of communication situations and the percentage of students who opted for each of them are given in Table 1. As can be seen in Table 1, the most common activity is reading online materials and articles. The second most required usage of English is

listening to lectures and writing short pieces like student conference abstracts or business letters.

Table 1

Communication situations in academic context

Communication situations	Bachelor degree, %	Master degree, %
Listening to lectures	41	42
Informal communication with guest researchers in the laboratory	26	24
Conference talks	3 ¹	5
Poster presentations	9	6
Reading articles	53	40
Working with computer programmes	8	26
Reading online materials	67	67
Writing conference abstracts	39	25
Writing research papers	2	1
Writing letters, e.g. CV	34	63
Writing course papers	Single initiative	Some programmes
Writing dissertations	None	Single initiatives

¹ Students' conferences only

Practically no course papers or diplomas are written in English by bachelor's degree students. As far as master's dissertations are concerned, English is the language for writing only in international postgraduate programmes. Only a few students had taken part in academic mobility programmes, and among countries named in questionnaires were non-English speaking countries, such as Germany, France, Poland and Czech Republic.

The quantitative data were supplemented by qualitative information obtained through semi-structured and structured interviews. According to some professors, 'English is the least demanded competence at the university as there is no English-speaking environment. Content professors generally do not know English well enough to give lectures or communicate in the language'. Bachelor degree students hardly ever use English in their studies, but postgraduate and PhD students encounter it much more often.

On the other hand, many administrators and professors admit that the situation is changing gradually with the increasing number of international contacts inside and outside university under Project 5-100. Domain specialists acknowledge the fact that they can currently see advanced students who give talks in English and understand fluent speech. Some professors even take it further saying that 'they can read and write in English better than me'.

The main findings from the interviews with domain specialists are given in Table 2. As the table illustrates, the major area for English use in both tiers remains reading online sources, research papers and working with computer programmes. Practically no course papers, diplomas or master's dissertations are written in English except for single initiatives of two specialist departments. Discipline departments do not make any formal claims concerning English-language sources used in graduation papers, but there are some 'recommendations' to cite 1–2 for bachelor diplomas and at least 5 for master dissertations. Listening to guest lecturers, though optional, is becoming part of university routine, as well as oral communication with visiting students and research or maintenance staff. Public speaking is mainly limited to making occasional poster presentations and answering

questions. The most neglected skill is writing, commonly limited to writing abstracts. Writing research papers in both languages is the prerogative of scientific supervisors, not students. Academic mobility seems to be a rare occasion and it is usually summer schools or short internship programmes in non-English speaking countries.

Table 2

Snapshot of skills exercised in English at different tiers of education

Tier	Reading	Listening and speaking	Writing
Bachelor degree	There are no formal requirements to the number of sources in the bibliography to a graduation paper, but recommended number is 1 or 2. Articles are selected by scientific supervisors.	Students listen to guest lecturers occasionally, but these lectures are usually not compulsory. A small proportion participate in internship in foreign companies in Moscow or summer schools in non-English speaking countries. Talks and presentations at in-house students' conferences are very common.	Abstract for students' conferences is the most common genre. Writing skills beyond mastering Google Translate are not needed.
Master degree	Recommended number of sources is from 5 to 10. Students start reading authentic English articles and use English-medium computer programmes.	Students listen to some lectures and communicate with visiting research staff. Single students join master programmes abroad or make poster presentations at international conferences.	Abstracts for conference talks remain the most popular genre. There can be single course papers or even dissertations, but English in these papers is not assessed.

According to the interviews, there are great differences in language needs across departments. Thus, students of economics and management can easily survive professionally without a foreign language as all literature in the economy of domestic industrial plants is published in Russian, and the majority of computer programmes are translated into Russian as well. Those students who are already involved in research, for example, students from CNM studying semiconductors or new materials, have to read professional literature in English to be aware of the current situation in their field, though they do not read widely and two or three articles seem sufficient. Students of CIT and CNM also sometimes use computer programmes and instructions which exist only in English.

The immediate needs are also changing as students advance in their studies. Table 2 demonstrates progression of target needs from almost non-existent during the first years of studies to a strong need for students involved in research in near-graduation and post-graduation years. Unfortunately, due to objective reasons, English curriculum unfolds in a backward direction. In junior years students have many English classes, but at this time learners are outside any professional context. In the 4th year, when they start working in their discipline departments, their English course comes to the end. In senior years, i.e. in postgraduate and doctoral programmes, the number of hours is very limited and may not provide much support to learners.

Employment needs

Job descriptions and requirements for candidates for engineering positions in Russia obtained from three job hunting websites brought the following information.

Out of 72 positions the English language was mentioned only in 12 (17 %), and almost all employers from these 17 % asked for candidates with 'technical English' or 'ability to

read/work with technical documents’ or ‘technical English is a plus’. The essential requirements included strong specialist knowledge, relevant qualifications and experience and personal qualities such as self-discipline or result-orientation, not high command of English.

Interviews with domain specialists enabled us to get some understanding of the employment sector for the university alumni. The interviewers were first asked to give a rough estimation of the proportion of their graduates who do or do not have a job related to their major. The consensus opinion was that currently about 80–90 % of alumni practice their profession, and these figures did not vary much across disciplines.

The second question concerned the place of work, namely the laboratory, the manufacturing plant, the office or the educational institution. Obviously, the places of work and responsibilities are different for four colleges.

Graduates from CIT are more likely to find employment with foreign companies or even abroad, but at the same time FSB and similar structures offer many employment opportunities. English language is needed in both scenarios.

Graduates from CEng work in a plant, laboratory and office in almost equal proportions. Laboratory work involves applied engineering research, closely linked with production.

CNM graduates researchers, so laboratory context predominates over industry and office work. Alumni from CEc find employment in banks, insurance companies and offices of metallurgical companies, and they are never involved in production or research. Educational sector is also not uncommon for economists and managers.

Despite domain-related differences, the consensus view was that the majority of graduates are not going to use English at all as they will be working either in the military—industrial complex, where information is classified, or in Russian financial institutions (CEc). Some will go home to CIS countries to work in industry and they will unlikely to use English there:

‘Our students are not going to need English unless they find a position abroad or with an international employer. But these are rare occasions’ (CNM).

‘In our domain almost all printed and internet resources are in Russian’ (CEc).

However, a small proportion of alumni who will follow the science path, have different needs:

‘English is the language of science because all topical publications are in this language. About 10 % of our students work in science, and they cannot be successful in the profession without English’ (CNM).

This qualitative information was supplemented with quantitative data obtained from online questionnaires completed by NUST MISiS alumni who graduated in 2015 and 2016. There were three questions (Table 3) with 5 variants of answers: strongly agree (5), agree (4), do not agree or disagree (3), disagree (2) and strongly disagree (1).

Table 3

The impact of command of English on alumni’s jobs

#	Question	Mean	Median
1	Command of the English language helped me get a job	2.97	3.0
2	Knowledge and experience I received in English classes help me in my job	3.42	4.0
3	Command of the English language helps me in career advance	3.17	3.0

The statistical results can be interpreted as uncertain needs for many respondents. The majority of alumni are unsure about the benefits of good command of English, though they do not deny its positive impact on their job in general (question 2 gets the highest score). As all respondents had no more than three years of service, their career advancement was not an issue yet. However, for many graduates knowledge of English was their employment advantage (mean 2.97).

Discussion

The results demonstrate that the English language needs of undergraduate and postgraduate students even at a leading technical university in Russia are often limited and cannot be clearly defined as an average NUST MISiS student can graduate from the university having hardly ever used English in their subject disciplines. These findings do not comply with the requirements for foreign language competence specified in State Educational Standard (www.fgos.ru) and common belief that Russian students see English proficiency as an essential attribute of successful career (Arefev, 2008; Gotlib, 2009; Levchenko et al., 2016), but they agree with the research made by Frumina and West (2012) and Frumin and Dobryakova (2012). The authors claimed that ‘students in Russian institutions of higher education are rarely required to use English in their studies — for listening to lectures, by accessing books, articles or websites, or by writing papers or assignments’ (Frumina & West, 2012, p. 44).

However, the situation has changed since 2012 as at least half of NUST MISiS graduates reported using English in their jobs and see it as a competitive advantage (Table 3). More than half of bachelors are motivated by the perspective to pass IELTS exam, though the entrants mainly choose the university for other reasons.

This 50:50 proportion of those who need English for employment and who do not is due to different career paths for different majors. Thus, two college administrators explained that the main employer for engineers in Russia is military—industrial complex, where international ties are very restricted. Citing Head of CEng, ‘The possibility that our graduates will need English working on a metallurgical plant somewhere in Navoi, or Novolipetsk, or Tuesunzade is very low’. At the same time, students who are planning to work in science, programming or seek employment in international companies have well-defined needs in English.

The subject disciplines respond to the challenges of internationalization of engineering education but not very fast. There are still neither formal requirements to use English sources in student’s papers nor necessity for oral communication outside the English class. Subject lecturers rarely have English proficiency sufficient to give lectures or write papers in English.

The most required are receptive skills, while oral and written communication like writing research papers and making presentations is often neglected. According to our results, bachelors and masters occasionally give talks and write abstracts in English for students ‘events only, and articles are written almost exclusively by scientific advisors. The situation is changing vary fast, though, with more international students coming to study at the university and more contacts establishing with scientists and engineers abroad.

In the situation where there is no clear request from industry or academic community, it seems hardly possible to design an English course which meets learners’ actual needs.

In the current situation any English course for engineers in our country will be aimed at their potential rather than real-life needs. We believe that the primary goal today is to get learners to B1/B2 level of proficiency. Having become ‘independent users’ (Council of Europe, 2001), students will be able to use the language flexibly and not be confined to a particular skill or context.

Secondly, although reading seems the most required skill for those 50 % who use English in their careers, we cannot neglect oral and writing communication. In order to develop all language skills in a balanced manner, the orientation on international exams such as IELTS Academic Module can be the best solution. However, the impediment here might be low proficiency levels, insufficient to operate successfully in EAP environment.

IELTS materials provide the focus on academic skills, which particularly benefit those who have chosen career in research. At the same time transferable skills students acquire and develop in academic modules can be applicable to any career path (Rossikhina & Ermakova, 2018).

The most debatable issue is integration of ESP in the syllabus as the task to cater for all majors is really challenging. As a result, at NUST MISiS subject-specific aspects are introduced only through ESP projects. The main concern of many subject professors is that students demonstrate poor knowledge of technical terms, which ‘leads to inability to translate articles, listen to lectures and present results of research’. IYAKT department believes that all the problems listed above can be easily overcome if the level of language proficiency is sufficiently high. This view is supported by other academics who admit that ‘students with good command of English can easily learn specialist vocabulary themselves’.

We believe that currently the English language needs of engineering students in Russia are very similar and the situation at NUST MISiS can be generalized to many other technical universities in the country. Students’ actual needs can inform any EAP/ESP course syllabus, though they have to be revised regularly due to changing academic and professional landscape in Russia.

References

- Arefiev, A. (2008). The international educational market and Russian universities. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, (2), 144–157. (In Russ.)
- Artemeva, N., Logie, S., & St. Martin, J. (1999). From page to stage: how theories of genre and situated learning help introduce engineering students to discipline-specific communication. *Technical Communication Quarterly*, (8), 301–316. doi: 10.1080/10572259909364670
- Bell, E., & Bryman, A. (2003). *Business Research Methods*. Oxford: Oxford University Press. 776 p.
- Braine, G. (2002). Academic literacy and the nonnative speaker graduate student. *Journal of English for Academic Purposes*, 1, 59–68. doi: 10.1016/S1475-1585(02)00006-1
- Council of Europe. (2001). *Common European framework of references to languages: learning, teaching, assessment*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Cowling, D.J. (2007). Needs analysis: planning a syllabus for a series of intensive workplace courses at a leading Japanese company. *English for Specific Purposes*, 26, 426–442. doi: 10.1016/j.esp.2006.10.003

- Darling, A.L., & Dannels, D.P. (2003). Practicing engineers talk about the importance of talk: a report on the role of oral communication in the workplace. *Communication Education*, 52, 1—16. doi: 10.1080/03634520302457
- Dooley, P. (2010). Students perspectives of an EAP pathway program. *Journal of English for Academic Purposes*, 9, 184—197. doi: 10.1016/j.jeap.2010.02.013
- Frumin, I., & Dobryakova, M. (2012). Chto zastavlyayet menyatsa rossiyskie vusy: dogovor nevolechennosti. *Voprosy obrazovaniya*, (2), 159—190. (In Russ.)
- Frumina, E., & West, R. (2012). British Council Baseline Study: Internalization of Russian Higher Education — the English Language Dimension. Available at: https://www.britishcouncil.ru/sites/default/files/russian_baseline_report_2012.pdf
- Gotlib, R.A. (2009). Social'naya vostrebovanost znanya inostrannogo yazyka. *Sociologicheskie issledovaniya*, (2), 122—127. (In Russ.)
- Huhta, M., Vogt, K., Johnson, E., & Tulkki, H. (2013). *Needs Analysis for Language Course Design. A Holistic Approach*. Cambridge: Cambridge University Press. 266 p.
- Hutchinson, T., & Waters, A. (1997). *English for Specific Purposes: a Learning-Centered Approach*. Cambridge: Cambridge University Press. 183 p.
- Jordan, R. (1997). *English for Academic Purposes*. Cambridge: Cambridge University Press. 403 p.
- Kassim, H., & Ali, F. (2010). English communication events and skills needed at the workplace: feedback from the industry. *English for Specific Purposes*, 29, 168—182. doi: 10.1016/j.esp.2009.10.002
- Levchenko, V., Postnikova E., & Dudovich, D. (2016). Otor i strukturirovanie sodержaniya vysshego obrazovaniya v kontexte internalizatsii. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities*, (9), 60—64. (In Russ.)
- Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. (2018). *5-100 Russian Academic Excellence Project*. Available at: <https://www.5top100.ru/en>
- Polenova, A. & Pshegusova, G. (2015). Foreign language as a tool for professional mobility development for students specializing in economics. *Journal of Economic Regulation*, 6(1), 129—136. (In Russ.)
- Prior, J. (2014). Investigating the university-workplace interface: implications for English for Specific Academic Purposes instruction. *Journal of the IATEFL ESP SIG*, 44, 19—24.
- Rosikhina, O., & Ermakova P. (2018). The role of an English course in transferable skill acquisition. *Inoyazychnoe obrazovanie v polikulturnoi srede. XXIV NATE Conference Proceedings*, 108—116. Samara: Samara University Publ.
- Sageev, P., & Romanovski, C. (2001). A message from recent engineering graduates in the workplace: results of a survey on technical communication skills. *Journal of Engineering Education*, 90(4), 685—693. doi: 10.1002/j.2168-9830.2001.tb00660.x
- Serafini, E., Lake, J., & Long, M. (2015). Needs analysis for specialized learner populations: essential methodological improvements. *English for Specific Purposes*, 40, 11—26. doi: 10.1016/j.esp.2015.05.002
- Sostoyanie rossiyskogo rynka truda dlya molodyrh specialistov*. (2018). Available at: <https://hhcdn.ru/file/16535632.pdf>
- Federalnye obrazovatelnye standarty 2016—2018 [State Educational Standards for 2016—2018]*. Available at: www.fgos.ru (In Russ.)
- Levada Center. (2014). *Center for Human Technologies: Information+Analytical Portal: 70 percent of Russians Do Not Speak Foreign Languages*. Available at: <http://gtmarket.ru/news/2014/05/28/6787> (In Russ.)

Article history:

Received: 03 February 2019

Revised: 19 February 2019

Accepted: 20 February 2019

For citation:

Rossikhina, O.G., Ermakova, P.V., & Aleshchenko, O.A. (2019). Analysis of the English Language Needs of Students at the Russian Technological University. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(1), 88–100. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-1-88-100>

Bio Notes:

Olga G. Rossikhina — Ph.D. in Biology, Associate Professor of the Department of Modern Languages and Communication of the National University of Science and Technology MISiS (Moscow, Russia). ORCID ID: 0000-0001-7569-0139. E-mail: rossog@rambler.ru

Polina V. Ermakova — Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of Modern Languages and Communication of the National University of Science and Technology MISiS (Moscow, Russia). ORCID ID: 0000-0003-3169-491. E-mail: polina.ermakova.misis@gmail.com

Olga A. Aleshchenko — Assistant Professor of the Department of Modern Languages and Communication of the National University of Science and Technology MISiS (Moscow, Russia). ORCID ID: 0000-0001-9488-2769. E-mail: olganikif@mail.ru

Исследовательская статья

**Анализ потребности в изучении английского языка
у студентов российского технологического университета**

О.Г. Россихина, П.В. Ермакова, О.А. Алешенко

Национальный исследовательский технологический университет МИСиС
Российская Федерация, 119049, Москва, Ленинский проспект, 4

В статье рассматривается потребность в изучении английского языка у студентов и недавних выпускников российского инженерного вуза — НИТУ МИСиС. Авторы изучали, насколько часто и в каких ситуациях в академическом и профессиональном контексте респондентам необходимо знание английского языка. Для исследования была использована смешанная качественная и количественная методология. Были проанализированы 107 бумажных анкет студентов-магистров, статистически обработаны 123 результата онлайн-опроса выпускников университета 2015 и 2016 годов, а также проведены 17 структурированных интервью с руководителями подразделений и профессорами предметных кафедр с целью выделения основных категорий использования английского языка как инструмента общения. В результате было показано, что, несмотря на значительные успехи НИТУ МИСиС на пути интернализации в рамках Проекта 5-100, владение английским языком все еще не является приоритетом. Большинство вчерашних выпускников «не уверено», что это помогло им в трудоустройстве, а некоторые администраторы считают эту компетенцию наименее востребованной. Тем не менее степень использования английского языка зависит от специализации студента: на-

учные направления и программирование без этого невозможны, тогда как экономисты и многие инженерные специальности могут коммуницировать исключительно на родном языке. Авторы размышляют о том, как ориентация на потенциальные нужды студентов отражается на дизайне курсов академического и специального английского языка.

Ключевые слова: анализ потребностей, английский язык, студенты инженерных специальностей, трудоустройство, анкетирование, систематизированные интервью

История статьи:

Поступила в редакцию: 02 февраля 2019 г.

Принята к печати: 20 февраля 2019 г.

Для цитирования:

Rossikhina O.G., Ermakova P.V., Aleshchenko O.A. Analysis of the English Language Needs of Students at the Russian Technological University (Анализ потребности в изучении английского языка у студентов российского технологического университета) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 1. С. 88—100. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-1-88-100>

Сведения об авторах:

Россихина Ольга Глебовна — кандидат биологических наук, доцент кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий Национального исследовательского технологического университета МИСиС (Москва, Россия). ORCID ID: 0000-0001-7569-0139. E-mail: rossog@rambler.ru

Ермакова Полина Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий Национального исследовательского технологического университета МИСиС (Москва, Россия). ORCID ID: 0000-0003-3169-491. E-mail: polina.ermakova.misis@gmail.com

Алещенко Ольга Алексеевна — старший преподаватель кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий Национального исследовательского технологического университета МИСиС (Москва, Россия). ORCID ID: 0000-0001-9488-2769. E-mail: olganikif@mail.ru

Scientific report

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-1-101-109

UDC 159.99

**First and Only Russian Psi Chi Chapter:
5 years at the RUDN University!****Irina A. Novikova¹, Valeriia S. Tarkhova²,
Sayad Z. Kardashova¹, Alexey A. Kharitonenko¹**¹ Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
*6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation*² National Research University "Higher School of Economics"
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation

In October 2018, the first and the only one in Russia Chapter of Psi Chi, the International Honor Society in Psychology, opened in 2013 at the Philology Department of the RUDN University, turned 5 years (RUDN University, 2018).

The official story of this society starts in 1929, when the national fraternity of psychology was founded at Yale University during the IX International Psychological Congress. The fraternal society was called Psi Chi in 1930. In 1958, Psi Chi became the first official affiliated member of the American Psychological Association (APA), in 1965 it was accepted into the Association of Honor Societies of American Colleges, in 1990 it became an affiliated member of the Association of Psychological Sciences (APS). Now Psi Chi is one of the largest honor societies in the USA and around the world, and includes over 750,000 members in the universities of the USA and several other countries (Psi Chi, 2019b; Hogan, Takooshian, 2004). The membership in this society is considered as confirmation of the quality of psychological education and the experience of students' scientific research. The students can enter it from the 2nd year of study, as well as the masters, post-graduate students, alumni, or lecturers who provide psychology education at a level recognized by Psi Chi as sufficiently high.

The main goal of Psi Chi is to contribute to students' scientific achievements through a varied program of arranging conferences, publications, awards, local campus events and annual Grants amounting to \$ 400,000 for students and their lecturers (Psi Chi, 2019c).

The society became international only in 2009 (McCormick et al., 2014; Psi Chi, 2019a). At the moment, there are 19 active chapters of Psi Chi outside the USA: in the Great Britain, Guatemala, Guam, Egypt, Ecuador, Ireland, Canada (5 chapters), Cyprus, Malaysia, New Zealand, Puerto-Rico (2 chapters), Trinidad and Tobago, Virginian Islands

© Novikova I.A., Tarkhova V.S., Kardashova S.Z., Kharitonenko A.A., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

and in Russia (Psi Chi, 2019a). RUDN University was the first Russian university to gain the right to open a Psi Chi Chapter, which, in due time, had become the first one not only in Russia, but also in Eastern Europe and the second in Europe (after Ireland).

The procedure of recognizing the right of RUDN University to open such a chapter took almost three years. It started in November 2010, when Professor Harold Takooshian (the post-graduate student of St. Milgram) visited the RUDN University as a part of the International Conference dedicated to the 50th anniversary of the classical Milgram's experiments on obedience to the authority (Voronov, Takooshian, 2011). Professor H. Takooshian has first introduced the history and the tasks of Psi Chi to the lecturers and students of the RUDN University, and has also invited the representatives of the Department of Social and Differential Psychology to scientific cooperation.

Since 2011, the professors, post-graduate students and students of the psychological department of RUDN University have been regularly participating in the meetings of the Eastern Psychological Association (EPA) and other events arranged by the American Psychological Association (APA), and conducting workshop sessions at various US universities (Novikova et al., 2012; Takooshian et al., 2014). During these visits to the USA, the representatives of RUDN University have met with many American colleagues, including the leaders of Psi Chi (Zlokovich et al., 2013). At the same time, the process of submitting and considering an application for joining Psi Chi has begun, which required great efforts to translate and coordinate a variety of documents confirming the quality of psychological education at RUDN University.

Due to the permanent interaction and support from the management of Psi Chi and its executive director Martha Zlokovich, the application of RUDN University was approved in November 2012 (Novikova et al., 2012; Zlokovich, 2014). After that, it took time to agree on the Constitution of the Psi Chi Chapter at RUDN University, to elect its management, etc.

Finally, on October 11, 2013, during the annual student Festival of Science at the Faculty of Philology, the solemn installation ceremony of the Psi Chi Chapter at RUDN University took place, which was attended by over 150 students, professors, and lecturers (Chebotareva et al., 2014; Takooshian et al., 2014). On behalf of the Psi Chi Board of Directors, Professor Harold Takooshian, the “International Psi Chi Ambassador”, the President of Psi Chi in 1998—1999, the representative of the American Psychological Association in the UNO, the prize winner of the “International Mentor” 2011, has held the ceremony. The ceremony was held according to the traditional ritual, which included handing in the certificates to each new member of the society and special symbols to the community management, as well as lighted candles, symbolizing the continuation and transmission of the glorious traditions of Psi Chi (Figure 1).

Elena Yu. Chebotareva, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, became the first Faculty Adviser, Valeria Tarkhova became the President, Svetlana Panshina — the Vice President, and Anastasia Gurskaya — the Secretary of the Chapter.

It is symbolic that the celebration of the 5th anniversary of the Psi Chi Chapter at RUDN University has started during the traditional students' Science Festival at the Faculty of Philology of the RUDN University on 12—13 October 2018. Alexandra Nevzorova and Diana Maksakova, the students of the Department of Social and Differential Psychology, have prepared a colorful poster dedicated to this event, which was posted on the stand of the Faculty of Philology Dean's office (Figure 2).

Figure 1. New Psi Chi members with a lighted candle at the end of Installation Ceremony on October 11, 2013

Figure 2. Psychology students and faculty near poster dedicated to the 5th anniversary of Psi Chi Chapter at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) on October 12, 2018

The main part of the celebration was held as a part of the program of the International Conference of young scientists “The Psychological Science and Practice”, arranged by the Department of Social and Differential Psychology of the RUDN University under the auspices of Psi Chi on November 15, 2018 (Figure 3). The festive meeting was attended

by the faculty from the Department of Social and Differential Psychology (most of whom are members of Psi Chi); the Psi Chi members who joined the society in different years (alumni, graduate students, undergraduate students); the conference participants from different universities, as well as graduate and undergraduate students of the Department of Social and Differential Psychology of the Philological Faculty.

Figure 3. Faculty, alumni and students members of the Psi Chi Chapter at RUDN University at the beginning of the festive meeting on November 15, 2018

At the beginning of the meeting, the congratulations received from the USA colleagues were read out. Firstly, it was a welcoming letter from the Psi Chi Board of Directors addressed to all members of the Chapter. They expressed their gratitude for the contribution to the preparation and professional development of psychology students, as well as strengthening the authority of Psi Chi as a whole. The Psi Chi Board of Directors also sent a commemorative certificate in honor of the 5th anniversary of the chapter at the RUDN University, signed by President of the Society R. Eric Landrum and Executive Director Martha Zlokovich.

Secondly, it was a congratulatory letter addressed to the Rector of the RUDN University, Prof. Vladimir M. Filippov, First Vice-Rector of RUDN Prof. N.S. Kirabaev, Head of the Department of Social and Differential Psychology, Prof. S.I. Kudinov, from the professor of Fordham University (USA) Harold Takooshian, who was the initiator of installing the Psi Chi chapter at RUDN University. In particular, Professor Takooshian noted that *“Even five years after 2013, though there are many outstanding universities in Russia, RUDN remains the only Psi Chi chapter among the 1.100 institutions in Russia — continuing to serve as a model for other schools. Hearty congratulations and thanks to RUDN on your inspiring leadership”*.

The ceremony also featured the congratulations to the audience from the Associate Professor Alexander Ya. Voronov, Ph.D. in Biology (Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences). Starting in 2010, he made a significant contribution to the establishment of international contacts of the Department of Social and Differential Psychology and the installing of the Psi Chi chapter at the RUDN University.

Further on, a presentation on the history of the Psi Chi chapter at the RUDN University, as well as the perspectives and advantages that membership offers for students, was made by Elena Yu. Chebotareva, Ph.D. in Psychology, Faculty Adviser of the Chapter. Next, Irina A. Novikova, Ph.D. in Psychology, told the audience about the achievements of the chapter members over the past 5 years. She paid special attention to the scientific and professional development of the students. For the example, since 2013, 2 of the Chapter members received a Ph.D. in Psychology, 8 — a MA in Psychology, 10 — a BA in Psychology. 5 students became lecturers of psychology, 5 — counseling psychologists.

The following Chapter members have come out with short messages about their achievements within the 5 years: Marina Gridunova (she joined the Chapter in 2013 being a master's student, and now she has Ph.D. in Psychology), Elina Kaminskaya (she entered the Chapter in 2013 as a graduating master's student, and now she is the senior lecturer of the Department of Social and Differential Psychology of the RUDN University, Ph.D. applicant), Nadezhda Anfimova (she entered the Chapter in 2015, as a master's student, and now she is the postgraduate student of the 3rd year of study), Karl Marin Jerez (he joined the Chapter in 2016 as a post-graduate student, and now he is the lecturer at the Moscow Institute of Gestalt and Psychodrama, MIGiP), Sayad Kardashova and Alexey Kharitonenko (they are the youngest members who joined the Chapter in 2017 and now they are the 4th year undergraduate students) told about the requirements for applicants and the procedure for joining Psi Chi.

Valeria Tarkhova, president of the Psi Chi Chapter at the RUDN University, who joined the Chapter in 2013 as a graduate student and now is a lecturer of psychological disciplines at the HSE and Moscow University for the Humanities, told the audience about the main events (conferences, workshops, scientific competitions, grants, etc.), which were organized under the auspices of the Chapter.

She emphasized that since 2013 the Psi Chi Chapter at the RUDN University has flourished in many ways. First of all, a fair amount of students' scientific conferences, in which dozens and hundreds of students of the RUDN University and other Russian universities have the opportunity to participate, were organized: (1) First Moscow Psi Chi Conference (27th of October 2013) in which more than 40 lecturers and students from different universities took part with their reports; (2) Annual Young Psychologists Conference at Social and Differential Psychology Department of the RUDN University (2013—2018); (3) Teleconference with the UN Psychological Coalition (USA) "New global agenda: the success of the UN psychologists in the field of preservation of mental health and well-being, focus on working with socially vulnerable groups of the population" (30th of October 2015), etc.

Secondly, several international competitions of students' research projects were organized by the Psi Chi Chapter at the RUDN University: (1) The International competition of research projects for young scientists on psychological well-being in modern society; 3 winners from the RUDN University (October — November 2015);

(2) The competition for the I. Petrovich award for the best multicultural research, conducted by Fordham University (USA); 4 winners from the RUDN University (November 2015); (3) The annual competition of students' reports at the Young Psychologists Conferences at the RUDN University (2013—2018).

Thirdly, the Psi Chi Chapter at the RUDN University supported students' participation in international scientific conferences, meetings, and congresses in Russia and abroad: (1) Annual meetings of the EPA, APA, and APS (USA, 2013—2016); (2) Annual Conferences of Psychologists and Educators, organized by the Social and Differential Psychology Department at the RUDN University, panel session for Young Psychologists (2013—2018); (3) The First APS Regional Teaching workshop in Russia on "Improving the Psychology Teaching Techniques" (HSE, 2015); etc.

At the end of the event the re-election of the Chapter Officers was held: Associate Professor I.A. Novikova, Ph.D. in Psychology, became Faculty Advisor, Elina Kaminskaya became President, Nadezhda Anfimova became Vice-President, Sayad Kardashova became Secretary.

The work of the festive meeting was held in an informal setting, the audience had the opportunity to ask questions, participate in the discussion. This event aroused interest among the participants, several students expressed a desire and readiness to join Psi Chi in the near future (Figure 4).

The final sing-off of the 5th anniversary celebration was held on November 20 during the traditional annual concert dedicated to the Psychologist's Day, which was attended by over 200 students, post-graduate students, alumni, lecturers and the guests of the Department of Social and Differential Psychology of RUDN University. First, a video was shown about the opening of the Psi Chi Chapter at the Department of Philology of the RUDN University in 2013 (RUDN University, 2013), and then a photo report about the celebration of the 5th anniversary of this event was presented. In conclusion, I.A. Novikova, the new Advisor of the Chapter, conveyed sincere thanks of the Academic Council of the Department of Philology to H. Takooshian, A.Ya. Voronov, E.Yu. Chebotareva, V.S. Tarkhova, A.S. Samsonova for the contribution to the generation and development of the Psi Chi Chapter at RUDN University.

Figure 4. Members of the Psi Chi Chapter at RUDN University and the guests at the end of the festive meeting on November 15, 2018

Currently, the members of the Chapter are preparing to participate in the Psi Chi President elections to be held in March 2019, as well as in celebration of the 90th anniversary of the organization of Psi Chi and the 10th anniversary of the internationalization of the society, which will be held in September 2019. The publications in the following issues of *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics* will be dedicated to this festive event.

References

- Chebotareva, E., Novikova, I., & Novikov, A. (2014). The first Psi Chi Chapter installed in Russia. *International Psychology Bulletin*, 18(1), 50–51.
- Hogan, J.D., & Takooshian, H. (2004, Spring). Psi Chi, the National Honor Society in Psychology: 75 years of scholarship and service. *Eye on Psi Chi*, 8, 16–39.
- McCormick, M.A., Takooshian, H., Denmark, F.L., del Pilar Grazioso, M., Velayo, R.S., Wang, A.Y., & Zlokovich, M.S. (2014). Building Bridges: Psi Chi and International Psychology. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (4), 5–16. doi: 10.22363/2313-1683-2014-4-5-16
- Novikova, I.A., Chebotareva, E.Y., & Novikov, A.L. (2012). 83rd Annual meeting of the Eastern Psychological Association. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (2), 142–146.
- Psi Chi. (2019a). *Chapter Directory Search*. Retrieved from: https://www.psichi.org/page/chapter_search#.XGqvOuQzZko
- Psi Chi. (2019b). *History Timeline*. Retrieved from: <https://www.psichi.org/page/timeline#.XFmKgtIzZko>
- Psi Chi. (2019c). *Mission & Purpose*. Retrieved from: <https://www.psichi.org/page/purpose#.XGqpdeQzZko>
- RUDN University. (2013, October, 16). *Installations of Psi Chi Chapter at RUDN University* [Video file]. Retrieved from: www.youtube.com/watch?v=ggtdPVAPjJY
- RUDN University. (2018). *5th Anniversary of the RUDN University Chapter of Psi Chi, the International Honor Society in Psychology*. Retrieved from: <http://eng.rudn.ru/media/news/science/5th-anniversary-of-the-rudn-university-chapter-of-psi-chi-the-international-honor-society-in-psychology/>
- Takooshian, H., Novikova, I.A., & Chebotareva, E.Y. (2014). Psi Chi at PFUR: First Russian Chapter of the International Honor Society in Psychology. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (1), 118–123.
- Voronov, A., & Takooshian, H. (2011). Moscow conference promoted cross-national psychology. *International Psychology Bulletin*, 15(1), 24–25.
- Zlokovich, M. (2014). Psi Chi Approves first Russian Federation Chapter, second Irish Chapter. *International Psychology Bulletin*, 18(1), 52.
- Zlokovich, M., Young, J., Lavooy, M., & Chebotareva, E. (2013). Using Honor societies and professional organizations to enhance international collaboration and research: The case of Psi Chi. *Proceedings of 13th European Congress of Psychology (ECP 2013), Stockholm, 9–12 July 2013*. Retrieved from: https://abstracts.congrec.com/scripts/JMEEvent/ProgrammeLogic_Abstract_P.asp?PL=Y&Form_Id=3&Client_Id='CXST'&Project_Id='13078006'&Person_Id=2800550

Article history:

Received: 03 February 2019

Accepted: 20 February 2019

For citation:

Novikova, I.A., Tarkhova, V.S., Kardashova, S.Z., & Kharitonenko, A.A. (2019). First and Only Russian Psi Chi Chapter: 5 years at the RUDN University! *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(1), 101—109. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-1-101-109>

Bio Notes:

Irina A. Novikova — Ph.D in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Social and Differential Psychology Department of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia). Psi Chi member since 2013. Faculty Advisor of the Psi Chi Chapter at RUDN University since 2018. E-mail: Novikova_ia@pfur.ru

Valeriia S. Tarkhova — Master of Psychology, Lecturer at Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, Higher School of Economics (Moscow, Russia). Psi Chi member since 2013. First President of the Psi Chi Chapter at RUDN University (2013—2018). E-mail: valeria.tarhova@gmail.com

Sayad Z. Kardashova — 4th year undergraduate student of the Social and Differential Psychology Department of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia). Psi Chi member since 2017. Secretary of the Psi Chi Chapter at RUDN University since 2018. E-mail: sayadkardashova@gmail.com

Alexey A. Kharitonenko — 4th year undergraduate student of the Psychology and Pedagogics Department of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia). Psi Chi member since 2017. E-mail: bandicod@mail.ru

Научный отчет

**Первое и единственное в России отделение
Международного психологического общества почета
Psi Chi: 5 лет в РУДН!**

И.А. Новикова¹, В.С. Тархова², С.З. Кардашова¹, А.А. Харитоненко¹

¹ Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Российская Федерация, 101000, Москва, Мясницкая ул., 20

История статьи:

Поступила в редакцию: 03 февраля 2019 г.

Принята к печати: 20 февраля 2019 г.

Для цитирования:

Novikova I.A., Tarkhova V.S., Kardashova S.Z., Kharitonenko A.A. First and Only Russian Psi Chi Chapter: 5 years at the RUDN University! (Первое и единственное в России отделение Международного психологического общества почета Psi Chi: 5 лет в РУДН!) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 1. С. 101—109. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-1-101-109>

Сведения об авторах:

Новикова Ирина Александровна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). Член Международного психологического общества почета Psi Chi с 2013 года. Советник отделения Psi Chi в РУДН с 2018 года. E-mail: Novikova_ia@pfur.ru

Тархова Валерия Сергеевна — магистр психологии, преподаватель департамента психологии факультета социальных наук Высшей школы экономики (Москва, Россия). Член Международного психологического общества почета Psi Chi с 2013 года. Первый Президент отделения Psi Chi в РУДН (2013—2018). E-mail: valeria.tarhova@gmail.com

Кардашова Саяд Зауровна — студентка 4 курса кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). Член Международного психологического общества почета Psi Chi с 2017 года. Секретарь отделения Psi Chi в РУДН с 2018 года. E-mail: sayadkardashova@gmail.com

Харитоненко Алексей Алексеевич — студент 4 курса кафедры психологии и педагогики Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). Член Международного психологического общества почета Psi Chi с 2017 года. E-mail: bandicod@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-1-110-114

УДК 159.9.07

Третья Всемонгольская конференция «Современные вопросы психологии: научно-практические исследования»

Т. Анхбаяр

Монгольский государственный университет образования
Монголия, 210648, Улан-Батор, Сухэ-батор район, VIII микрорайон, Бага тойруу, 14

1 декабря 2018 года в столице Монголии Улан-Баторе на базе кафедры психологии и методики Монгольского государственного университета образования (МГУО) состоялась Третья Всемонгольская конференция «Современные вопросы психологии: научно-практические исследования» (Сэтгэл судлалын орчин үеийн асуудлууд: онол, практикийн судалгаа). Конференция проводится 1 раз в 2 года, начиная с 2014 года, и с каждым годом увеличивается как количество участников конференции, так и расширяется число обсуждаемых проблем.

Целью данной конференции было обсуждение вопросов, стоящих перед монгольскими психологами, обмен опытом, идеями, а также налаживание сотрудничества в профессиональной сфере. Нужно отметить, что монгольская психологическая наука в настоящее время переживает период своего становления и поиска своего места как в научной системе Монголии, так и в мировой психологии, что отражается на выборе приоритетных тем научных психологических исследований, а также посредством создания валидного психодиагностического инструментария на монгольском языке, повышения публикационной активности монгольских психологов, открытия центров психологических услуг и т.п.

В 2018 году в конференции приняли участие около 50 специалистов (рис. 1), среди которых практические психологи разных направлений, преподаватели психологии из монгольских вузов, аспиранты, молодые исследователи в области психологии не только из разных городов Монголии (Улан-Батор, Дархан, Эрдэнэт), но из Внутренней Монголии КНР (Хух-Хото). В этом году в конференции приняли заочное участие российские и монгольские исследователи, представляющие Российский университет дружбы народов (кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и дифференциальной психологии *И.А. Новикова*, кандидат психологических наук *Туяа Орсоо*, кандидат философских наук *Батжаргал*

© Анхбаяр Т., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Загасбалдан и магистр психологии *Отгонгэрэл Жамбал*). Участники конференции на пленарном и двух секционных заседаниях представили результаты исследований, проведенных за 2 года. В перерывах между заседаниями состоялись презентации психологических учреждений Монголии, таких как «Психологическая служба национальной полиции», Центр психологических услуг «Монгол Урх» («Монгольская семья»), НПО «Аутизм Монгол-Анд» и др.

Рис. 1. Участники Третьей Всемонгольской конференции «Современные вопросы психологии: научно-практические исследования»
[**Figure 1.** Participants of the Third All-Mongol Conference on Modern Problems of Psychology: Scientific and Practical Research]

Конференция открылась приветствием декана педагогического факультета МГУО доцента, кандидата филологических наук *Цогзолмаа Гуруучин* и заведующей кафедрой психологии и методики МГУО профессора, кандидата психологических наук *Туяа Балчиндорж* (рис. 2), которые рассказали об особенностях, актуальности конференции и пожелали успехов в дальнейшей профессиональной деятельности ее участникам.

Рис. 2. Открытие конференции. Выступление заведующей кафедрой психологии и методики МГУО Туяа Балчиндорж

[**Figure 2.** Opening of the conference. Speech by Tuya Balchindorj, Ph.D in Psychology, the head of the Department of Psychology and Methodology, the Mongolian State University of Education]

Далее состоялось пленарное заседание, которым руководили декан педагогического факультета *Цогзолмаа Гуруучин* и заведующая кафедрой психологии и методики *Туяа Балчиндорж*. Первое выступление академика Монгольской академии наук *Жадамба Бадрах* было посвящено вопросу квантовой психологии, что вызвало большой интерес участников и бурные обсуждения.

Следующим выступила профессор, кандидат психологических наук *Очиржав Мягмар* с докладом на тему «Возможности и способы сравнительного анализа теорий личности», содержащим ценные для студентов и молодых психологов положения и рекомендации. Затем магистр психологии, выпускница РУДН, ныне — преподаватель и аспирант МГУО — *Тэгшжаргал Анхбаяр* (рис. 3) представила обзор научно-исследовательских работ в области психологии, выполненных монгольскими авторами в период 2000—2018 годов, это выступление было интересно и важно всем исследователям для планирования дальнейшей работы.

Рис. 3. Тэгшжаргал Анхбаяр, преподаватель кафедры психологии и методологии МГУО (слева) и Нямсүрэн Чулуундорж, преподаватель кафедры методологии начального образования МГУО (справа) [Figure 3. Tegshjargal Ankhbayar, lecturer at Department of Psychology and Methodology, Mongolian State University of Education (left), and Nyamsuren Chuluundorj, lecturer at Department of Primary Education Methodology, Mongolian State University of Education (right)]

Работа конференции продолжилась по секциям: «Психология личности, семейная психология, социальная психология» и «Психологическая служба в школе и вопросы детской психологии».

Работой секции «Психология личности, семейная психология, социальная психология» руководили доцент кафедры психологии и методики МГУО, кандидат психологических наук *Эрдэнэчулуун Дондов* и профессор, кандидат психологических наук *Цэрэндондов Панз*. В этой секции прозвучали следующие доклады:

— «Базовые принципы квантовой психологии» (*Оюунгэрэл Сумъяа*, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и методики МГУО);

— «Исследование познания пола» (*Хишигням Базарваань*, кандидат психологических наук, и *Эрхэс Алтанбулаг*, студент кафедры педагогики и психологии Монгольского государственного университета (МГУ));

— «Понятие пустоты в квантовой психологии» (*Эрдэнэчулуун Дондов*, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и методики МГУО);

— «Исследование надежности и валидности 16-факторного личностного опросника Р.Б. Кеттелла, переведенного на монгольский язык» (*Shuang Xi Wang*, аспирант МГУО, преподаватель Педагогического университета Внутренней Монголии КНР);

— «Исследование метакогнитивных процессов студентов» (*Дарханчимэг Улзийхуу*, аспирант МГУО, преподаватель кафедры методики начального образования Университета «Дархан» города Дархан).

В секции «Психологическая служба в школе и вопросы детской психологии» были заслушаны следующие выступления:

— «Исследование детей, обучавшихся по программе раннего развития Портедж» (*Батдэлгэр Жамсрандорж*, кандидат психологических наук, профессор, и *Батжаргал Ганхуу*, преподаватель факультета дошкольного образования МГУО);

— «Исследование семейной адаптации и сплоченности подростков» (*Уламбаяр Батчулуун*, магистр психологии, преподаватель кафедры иностранного языка филиала МГУ в городе Эрдэнэт);

— «Исследование потребности общества в психологической службе» (*Хишиг-тогтох Содномпил* и *Лхагвадулам Чимэддорж*, психологи центра психологических услуг «Монгол Урх»);

— «Исследование уровня навыков детей с аутизмом по методикам ABLLS (R) — Protocol и ROWPVT — (4)» (*Эгшиглэн Хосбаяр*, *Нандин-Эрдэнэ Ганбаяр*, психологи НПО «Аутизм Монгол-Анд»);

— «Связь уровня развития понимания эмоций у детей с метаэмоциями родителей» (*Хишигням Базарваань*, кандидат психологических наук, и *Батицэцэг Батсух*, студент кафедры педагогики и психологии МГУ);

— «Исследование уровня способностей контролировать эмоции у подростков» (*Хишиг-Ундрах Мижгээ*, кандидат психологических наук, доцент, и *Баярхуу Агваанбаяр*, магистр психологии, психолог центра психологических услуг МГУО).

По итогам конференции был издан сборник работ, в котором опубликована 31 статья на монгольском, английском и русском языках, что отражает международный состав участников.

Данная конференция добавила еще одну, новую страницу в историю психологической науки Монголии. Главным результатом конференции стало расширение круга обсуждаемых проблем и участников, а также создание возможности для знакомства и обмена опытом ученых, преподавателей и психологов разных направлений. Проведение следующей конференции планируется в 2020 году. Приглашаем коллег из России и других стран принять участие!

История статьи:

Поступила в редакцию: 03 февраля 2019 г.

Принята к печати: 20 февраля 2019 г.

Для цитирования:

Анхбаяр Т. Третья Всемонгольская конференция «Современные вопросы психологии: научно-практические исследования» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 1. С. 110—114. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-1-110-114>

Сведения об авторе:

Анхбаяр Тэгшжаргал — магистр психологии, преподаватель и аспирант кафедры психологии и методики Монгольского государственного университета образования (Улан-Батор, Монголия). E-mail: tegshjargal@msue.edu.mn; tegshee_0926@mail.ru

Scientific chronicle

**3rd All-Mongolian Conference on
Modern Problems of Psychology:
Scientific and Practical Research**

Tegshjargal Ankhbayar

Mongolian National University of Education
Baga Toiruu-14, Ulan Bator, 210648, Mongolia

Article history:

Received: 03 February 2019

Accepted: 20 February 2019

For citation:

Ankhbayar, T. (2019). 3rd All-Mongolian Conference on Modern Problems of Psychology: Scientific and Practical Research. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(1), 110—114. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-1-110-114>

Bio Note:

Tegshjargal Ankhbayar — Master of Psychology, Ph.D. Candidate and lecturer at Department of Psychology and Methodology of the Mongolian State University of Education (Ulan Bator, Mongolia). E-mail: tegshjargal@msue.edu.mn; tegshee_0926@mail.ru

**ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ
И ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ в научном журнале
«Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: Психология и педагогика»**

Прием и подготовка рукописей к печати

1. Автор представляет в редколлегию серии электронный вариант статьи и сведений об авторе, оформленные согласно приведенным ниже требованиям, по электронному адресу psyj@rudn.university

2. После поступления статьи в редколлегию главный редактор или ответственный секретарь серии оценивают соответствие содержания статьи научному уровню и профилю журнала, а также проверяют на наличие заимствований в системе «Антиплагиат». Если статья не соответствует научному уровню и профилю журнала и/или процент оригинальности при автоматической проверке составляет менее 80 %, статья возвращается автору.

3. Статьи, успешно прошедшие предварительную проверку (см. п. 2), направляются на рецензирование специалистам, докторам или кандидатам наук, имеющим публикации по проблематике, близкой к теме статьи (не менее 2—3 публикаций за последние 3 года). Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются в зависимости от занятости рецензента, с учетом создания условий для оперативной публикации статьи.

В рецензии освещаются следующие вопросы: 1) соответствие статьи профилю журнала; 2) соответствие содержания статьи названию; 3) актуальность, новизна, теоретическая и/или практическая значимость проблемы; 4) полнота и научная грамотность описания основных положений теоретического и/или эмпирического исследования; 5) структура, стиль, язык статьи, наглядность иллюстративного материала (при наличии); 6) недостатки статьи с указанием рекомендаций по их исправлению, дополнениям или сокращениям, которые должны быть внесены автором (при наличии); 7) заключение рецензента (статья рекомендуется к публикации, рекомендуется с учетом исправления указанных недостатков, не рекомендуется к публикации в данном журнале).

4. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный секретарь серии направляет их автору с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументировано (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

5. После принятия редколлегией серии решения о публикации статьи ответственный секретарь серии информирует автора о том, в содержание какого номера включена статья, и указывает планируемые сроки публикации.

Требования к оформлению рукописей

Компьютерный набор: файл MS Word с расширением *.doc или *.docx; шрифт Times New Roman; кегль 12; межстрочный интервал 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 3,5 см; абзацный отступ 1 см.

Структура текста на русском языке:

– в левом верхнем углу УДК (определить с помощью сайта: <http://teacode.com/online/udc/>);

– название (форматирование по центру);

– инициалы и фамилия автора/авторов (строчные буквы, полужирный шрифт);

– место работы автора (для каждого автора: полное название вуза, организации и др.);

– рабочий адрес автора (последовательность: страна, почтовый индекс, название населенного пункта, название улицы, номер дома, курсив);

– аннотация содержания статьи (150—250 слов);

– список ключевых слов (5—10);

– текст статьи (рекомендуемый объем 15 000—25 000 знаков с пробелами); текст должен быть структурирован и иметь подзаголовки (например, для эмпирической статьи: *Введение, Материалы и методы, Результаты, Обсуждение результатов, Заключение/Выводы*); названия рубрик должны соответствовать содержанию статьи;

– таблицы и рисунки должны быть подписаны (все подписи и надписи должны быть продублированы на английском языке) и включены непосредственно в текст статьи; рисунки должны быть четкими, контрастными и только черно-белыми;

– при необходимости примечания или комментарии к тексту относятся в конец рукописи в раздел «**Примечания**». При этом в самом тексте номер примечания указывается цифрой в круглых скобках, например (1), (2) и т.д.;

– раздел «**Список литературы**», в котором **по алфавиту** указываются выходные данные источников (обязательно указание **doi** для тех источников, которые его имеют, наличие проверяется на сайте: <http://search.crossref.org/>), на которые есть ссылки в тексте статьи (сначала на русском, затем — на иностранных языках). В самом тексте в круглых скобках указываются фамилия автора и год издания, подробнее см. http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines_APA;

– сведения об авторе/авторах: **ФИО** (полностью), ученая степень, ученое звание, должность (+ полное название кафедры, вуза/организации), e-mail (будет опубликован).

После всех указанных материалов на русском языке помещаются:

– перевод на английский язык названия статьи;

– транслитерация фамилии, имени, отчества автора/авторов;

– официальный перевод наименования организации;

– транслитерация адреса организации;

– перевод на английский язык аннотации и ключевых слов;

– раздел “**References**”, в котором содержится список литературы в романском алфавите (транслитерация + перевод), оформленный по правилам Американской психологической ассоциации (APA): http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines_APA. Порядок источников в этом списке может отличаться от библиографического списка, т.к. он составляется согласно английскому алфавиту. Обратите внимание, что оформление источников в этом списке (даже источников на иностранных языках) отличается от оформления в библиографическом списке (см. http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines_APA);

– перевод на английский язык сведений об авторах.

В случае публикации статьи на английском языке после списка литературы (References) помещаются название; фамилия, имя, отчество автора/авторов; наименование и адрес организации; краткая аннотация; ключевые слова и сведения об авторах на русском языке. Если в списке есть источники на русском языке, то в разделе “References” они помещаются в романском алфавите (транслитерация + перевод).

Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по адресу psyj@rudn.university